

АККАДСКИЙ ЯЗЫК

Л.Е. Козан, С.В. Лёзов

АККАДСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения.

1.1.1. Аккадский язык (А.я.) — принятое в современной научной литературе обозначение семитского языка древней Месопотамии (англ. *Akkadian*, нем. *das Akkadische*, франц. *l'akkadien*), восходящее к лингвониму *akkadû* (также в форме женского рода *akkadîtu*), хорошо засвидетельствованному начиная со старовавилонского периода. Прилагательное *akkadû* произведено от географического названия Аккад (*Akkade*), обозначавшего столицу Саргоновской империи (2350–2170 гг. до н. э.). В конце III и первой половине II тыс. до н. э. понятие «страна Аккад» (шум. KI.URI, аккад. **mât akkadim*) ассоциировалось с центральномесопотамским ареалом (гг. Киш, Сиппар, Вавилон), который, вероятно, осмысливался древними как исконно семитоязычный. Бытование лингвонима *akkadû* в позднейшие периоды, спустя многие столетия после падения Саргоновской династии, свидетельствует о его глубокой укорененности в обиходе, обусловленной огромным влиянием Саргоновской («Аккадской») династии на последующий ход месопотамской истории. В европейской научной литературе данное обозначение стало активно употребляться на рубеже XIX–XX вв., а к середине XX в. стало доминирующим. В ранних работах по А.я. он обычно назывался ассирийским, позднее ассиро-вавилонским (или вавилоно-ассирийским). Употребление этих обозначений связано с тем, что в период становления ассириологии специалистам были доступны главным образом тексты новоассирийской эпохи. Некогда широко распространенные, в современной литературе эти обозначения используются лишь спорадически, главным образом в силу традиции (так, один из двух основных словарей А.я., выходящий в Чикаго, называется “The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute”). Кроме того, весь комплекс наук, изучающих клинописную цивилизацию, по традиции продолжает называться ассириологией.

1.1.2. А.я. является единственным представителем восточной ветви семитской языковой семьи.

1.2.0. Лингвогеографические сведения.

1.2.1. С начала II тыс. до н. э. письменный А.я. функционирует в виде двух диалектов — ассирийского и вавилонского. Истоки этого противопоставления, также как и общая диалектная картина более ранних периодов истории А.я., остаются предметом дискуссии. Первые свидетельства об А.я. восходят к Раннединастическому периоду IIIа (XXVI в. до н. э.) и проистекают из шумерских текстов, обнаруженных при раскопках городищ Фара (древний Шуруппак) и Абу-Салабих (древнее название не установлено). Первую группу свидетельств, дошедших от этого периода, составляют засвидетельствованные в шумерских текстах аккадские лексические заимствования: MA.NA ‘мина (мера веса)’ < аккад. *manāʾum*, DAM.GÀRA ‘торговый агент’ < аккад. *tamkârum*, NA.GADA ‘пастух’ < аккад. *nākidum*, SA₁₂.RIG₇ ‘посвящать’ < аккад. *šarākum*, PA₄.ŠEŠ ‘класс жрецов’ < аккад. *paššum*, MAŠ.GAG.EN ‘мушкенум (социальный

класс)' < аккад. *muškênum* (вероятно, из незасвидетельствованной архаичной формы **maška?inim*). Сходные примеры обнаруживаются в несколько более поздних шумерских текстах из г. Лагаш (DAM.ĦA.RA 'битва' < аккад. *tamĥārum*, DA.RÍ 'вечный' < аккад. *dārūm*). Эти формы, записанные слоговым образом уже в середине III тыс. до н. э., являются единственными надежными доказательствами лексического влияния А.я. на шумерский в архаические периоды (в то время как общее количество аккадизмов в шумерском языке исчисляется многими десятками, слоговые чтения для соответствующих логограмм, как правило, известны лишь из довольно поздних периодов, когда шумерский язык был уже мертвым; прямых свидетельств в пользу того, что те же чтения существовали в более ранние периоды, чаще всего нет). Вторую группу свидетельств составляют обнаруженные в текстах из Фары и Абу-Салабиха семитоязычные имена собственные (2–3% от общего количества в текстах из Фары и до 40% в текстах из Абу-Салабиха), многие из которых можно довольно надежно квалифицировать как аккадские. Наконец, характер употребления некоторых логограмм и другие орфографические особенности этих текстов показывают, что создавшие их писцы были по крайней мере знакомы с семитским (вероятно, аккадским) языком.

Уже в некоторых хозяйственных текстах из Абу-Салабиха встречаются отдельные аккадские слова (предлог *in* 'в', союз *u* 'и', числительные *mi?at* 'сто', *līm* 'тысяча'), что позволяет с определенной долей осторожности считать эти документы написанными по-аккадски с большим количеством шумерских логограмм. Более обширные корпуса документов, надежно квалифицируемых как аккадские, происходят из г. Мари на среднем Евфрате, где было обнаружено несколько десятков административных документов и посвячительных царских надписей досаргоновской эпохи. Большинство надписей несколько моложе периода Фары, однако некоторые считаются современными ему или даже немного более древними; датировка административных текстов остается не вполне ясной, тем не менее их принадлежность досаргоновскому периоду не вызывает сомнений. Все эти тексты невелики по объему и записаны в основном логографически, так что объем содержащейся в них лингвистической информации об А.я. очень мал. Имеющихся данных, однако, вполне достаточно для того, чтобы утверждать, что язык этих текстов является восточносемитским и что он относительно близок позднему аккадскому. Об этом свидетельствуют такие надежно выделяемые элементы, как предлоги *ana* и *iš* 'для', *in* 'в', *ašti* 'от', союз *u* 'и', относительное местоимение *šu* 'который', местоименная энклитика 3-го лица единственного числа *-šu* (знак ŠUD). Особенно характерны обнаруженные в административных текстах термины NAB-*ra-ru* и *nap-ga-ú*, не вполне ясные по значению, но явно демонстрирующие типичный для А.я. переход именного префикса *ma-* в *na-* при лабиальном согласном в составе корня. В середине 1990-х гг. хозяйственные документы досаргоновской эпохи были обнаружены также при раскопках городища Тель-Байдар в Северной Сирии (датируются издателями примерно 2400 г. до н. э.). В этом сравнительно небольшом архиве обнаруживается некоторое количество семитских (с большой вероятностью, аккадских) слов и показателей (предлоги *adi*, *al*, *ašti*, *in*, *iš*, *šin*; вводящая прямую речь частица *enma*, числительные *mi?at* 'сто' и *līm* 'тысяча', относительное местоимение *šu*, отдельные именны и глагольные формы: *tīnātim* 'фиги', *yūbilā* 'они двое принесли'). Отдельные аккадские слова (в основном предлоги, относительное местоимение *šu* и т. п.) встречаются в нескольких досаргоновских надписях и документах из других городов Месопотамии. Наконец, согласное распространенному в современной ассириологии представлению, семитские слова и

формы, обнаруженные в текстах из г. Эбла, принадлежат раннему периферийному диалекту А.я.

Описанная ситуация должна, вероятно, интерпретироваться в том смысле, что А.я. в досаргоновскую эпоху был родным для большей части населения Центральной и Северной Месопотамии, но официального статуса не имел и обладал крайне ограниченным письменным узусом. Эта картина радикально изменилась с основанием Саргоновской державы (2334 г. до н. э.). А.я. принимает функции, во многом эквивалентные атрибутам официального языка: на нем ведется административная переписка и составляются хозяйственные документы. Кроме того, на А.я. создаются царские надписи, подчас довольно пространные и лингвистически информативные. Литературные тексты на А.я. в этот период составлялись редко (в этой сфере шумерский язык в полной мере сохранял свои позиции), однако некоторые примеры такого рода известны (например, любовное заклинание MAD V 8, по праву считающееся одним из наиболее выдающихся памятников месопотамской литературы). Степень распространенности А.я. в устном обиходе в эту эпоху оценить трудно. Принято считать, что Центральная и Северная Месопотамия были полностью аккадоязычны, в то время как на юге А.я. использовался главным образом как язык администрации. Определенное представление о языковой ситуации можно получить из анализа саргоновских эпистолярных документов из Южной Месопотамии. Письма на шумерском языке составляют около двух третей дошедшего отсюда эпистолярного корпуса, при этом в подавляющем большинстве случаев как отправитель, так и получатель носит шумерское имя. Напротив, отправители аккадских писем почти всегда имеют аккадские имена, а большинство их получателей — шумерские. Таким образом, при общем доминировании шумерского языка достаточное знакомство с А.я. или даже шумеро-аккадское двуязычие должно было быть относительно широко распространено, по крайней мере в административных кругах. Палеография, орфография и язык саргоновских документов представляют собой унифицированную систему, по всей вероятности явившуюся результатом сознательного реформирования. Не вызывает сомнений, что одной из его целей было приспособление шумерской клинописной системы письма для более точной и последовательной передачи фонем аккадского языка (по-видимому, желательной в его новом статусе языка администрации). В последовавший за падением Саргоновской династии новошумерский период шумерский язык вновь становится доминирующим в письменном обиходе в Южной Месопотамии (откуда происходит большая часть дошедших до нас текстов этого периода), а употребление А.я. в этом качестве сводится к минимуму. Состоящие из многих тысяч шумероязычных документов новошумерские архивы содержат лишь считанные тексты на А.я. (административные и правовые документы, письма, царские надписи, заклинания). В то же время устное употребление А.я. на юге Месопотамии могло несколько расширяться. Об этом говорит, вероятно, присутствие определенного количества аккадизмов в шумерском языке этой эпохи (НА.ZA.NÚM 'градоначальник', GI.RA.NÚM 'ритуальный плач', названия пород мелкого рогатого скота A.LUM и KIR.RU.UM и др.), а также множество аккадских собственных имен, встречающихся в новошумерских документах.

Своеобразная форма письменного А.я. сложилась на рубеже III и II тыс. до н. э. в ареале г. Мари. Немногочисленные свидетельства о ней содержатся в хозяйственных документах так называемого периода наместников-шакканаку из гг. Мари и Туттуль и, отчасти, в найденных в Мари надписанных моделях печени, которые использова-

лись для гаданий. Этот языковой тип был бесследно вытеснен из письменного обихода в старовавилонский период, когда в Мари было введено использование стандартизованного общемесопотамского старовавилонского диалекта (по-видимому, в разновидности, происходящей из г. Эшнунна).

Характер генетической связи между ранними формами А.я. является ключевой проблемой его ранней истории. Так как досаргоновские тексты почти не содержат лингвистической информации об А.я., то речь идет в основном о соотношении ассирийского и вавилонского диалектов с языком текстов периода Саргонидов и эпохи III династии Ура (2112–2002 гг. до н. э.). Согласно доминировавшей до последнего времени точке зрения, единый староаккадский диалект является общим языком-предком, который в начале II тыс. распался на ассирийский и вавилонский диалекты. Эта точка зрения оспаривается рядом видных ассириологов (в первую очередь О. Вестенхольцем и В. Зоммерфельдом). Как показал Зоммерфельд, некоторые из специфических черт саргоновского диалекта свойственны позднему вавилонскому, а некоторые другие — ассирийскому. К первым относятся, например, формы инфинитива пород D и Š *šursum* и *purrsum* (vs. *šarsum* и *parrsum* в ассирийском) и наличие в показателе прекатива гласных *u* и *i* в тех позициях, где ассирийские диалекты демонстрируют *a* и *u*. Ко вторым следует относить нейтрализацию противопоставления генитива и аккузатива у личных местоимении 2-го и 3-го лица множественного числа (*-šunu* vs. *-šunu/-šunūti* в вавилонском) и характер основы статива породы Gt во множественном числе (*pitakd-* vs. *pitḫud-* в вавилонском). По мнению Зоммерфельда, сочетание этих изоглосс в А.я. Саргоновской эпохи характеризует его как особый племенной диалект основателя династии, его потомков и ближайших сподвижников (многие из которых были высокопоставленными писцами, т. е. фактически авторами дошедших до нас документов). Этот диалект не был тождествен разговорному А.я., распространенному в ту эпоху на большей части Месопотамии, и вышел из употребления сразу после гибели Аккадской династии. Проявления подлинного разговорного А.я., возможно, отмечаются в некоторых хозяйственных документах, по тем или иным причинам составленных вне рамок принятого в Саргоновскую эпоху официального узуса. Как полагает Зоммерфельд, именно этот разговорный язык является предшественником А.я. новошумерской эпохи и в конечном счете предком старовавилонского диалекта. Таким образом, вавилонский диалект (в отличие от ассирийского) оказывается засвидетельствованным уже в III тыс. до н. э.

Две диалектные формы А.я. — вавилонская и ассирийская — существенно различаются фонологически и морфологически (лексические различия, несомненно наличествовавшие, остаются слабо исследованными). Подробный сравнительный анализ специфических ассирийских черт см. в статье «Староассирийский диалект» в наст. издании. Важнейшие этапы развития обоих диалектов могут быть охарактеризованы следующим образом (согласно ассириологической традиции, понятие «диалект» употребляется ниже не только по отношению к ассирийской и вавилонской формам А.я. в целом, но и к каждому из основных хронологических этапов развития этих форм).

Старовавилонский диалект — основной письменный язык Месопотамии и ее периферии в первой половине II тыс. до н. э. Десятки тысяч текстов на этом диалекте охватывают практически все возможные литературные и нелитературные жанры месопотамской письменности (письма, юридические, хозяйственные и административные документы, царские надписи, законы, записи гаданий, эпические про-

изведения, заклинания, ритуалы). Высокоунифицированный и прекрасно засвидетельствованный памятниками, старовавилонский диалект традиционно составляет основу научного изучения и преподавания А.я. Настоящее описание также построено на старовавилонском материале. Не вызывает сомнения, что разговорный А.я. старовавилонской эпохи существовал в виде нескольких диалектов, однако различия между ними в дошедших до нас памятниках отражены непоследовательно и слабо изучены. Существенный вклад в исследование старовавилонской диалектологии внес А. Гётце, который выделял (главным образом, по орфографическим признакам) две крупных диалектных зоны: северную (Вавилон, Сиппар) и южную (Ларса, Ур). «Критерии Гётце» (например, передача /ri/ через знак RI на юге и знак VI на севере) до сих пор применяются при установлении происхождения старовавилонских текстов, хотя многие из них несовершенны и нуждаются в уточнении.

Средневавилонский диалект, использовавшийся в Вавилонии Касситского периода, относительно слабо документирован (известны письма, хозяйственные документы, надписи на межевых камнях-кудуру и др.). В качестве литературного языка он использовался также в Ассирии.

Ново- и поздневавилонский диалекты были распространены в Вавилонии в I тыс. до н. э. (в качестве условной хронологической границы между ними обычно выбирают 625 г. до н. э., время падения Ассирийской державы). Представлены значительным количеством писем и хозяйственных документов.

Староассирийский диалект — обиходный язык жителей г. Ашшура и прилегающих территорий первой половины II тыс. до н. э. — представлен более чем 20 тыс. табличек, происходящих главным образом из ассирийской торговой колонии Каниш в Восточной Анатолии (некоторое количество документов происходит из других городов Малой Азии, а также из самого Ашшура). Подавляющее большинство староассирийских текстов — разного рода коммерческие документы, в том числе письма. Известны также немногочисленные царские надписи и заклинания.

Среднеассирийский диалект Ассирийского царства второй половины II тыс. до н. э. представлен письмами, хозяйственными документами, «гаремными эдиктами», а также сводом Среднеассирийских законов.

Новоассирийский диалект — обиходный язык Ассирии в I тыс. до н. э., от которого дошло значительное количество писем и документов.

1.3.0. Социолингвистические сведения.

1.3.1. Статус, близкий к современному понятию официального языка, А.я. впервые приобрел в эпоху Саргоновской династии, когда староаккадский (саргоновский) диалект был введен в качестве языка царской администрации. В новошумерский период этот статус утрачивается и восстанавливается в начале II тыс. до н. э. С этого момента А.я. является основным письменным языком Месопотамии (более или менее широкое использование шумерского языка характерно лишь для некоторых типов текстов, в основном религиозного характера). Такое положение сохраняется до середины I тыс. до н. э., когда с А.я. начинает конкурировать арамейский язык, постепенно вытесняющий его из официальной сферы. В то время как вавилонский диалект употреблялся во всех коммуникативных сферах, письменное использование ассирийского диалекта было почти всегда связано с практическими нуждами (письма, хозяйственные документы и т. д.). В качестве литературного языка в Ассирии обычно использовался вавилонский диалект, благодаря чему ассирийскому ареалу почти всегда была свойственна диглоссия. В то же время тенденция к жанрово-стилистической

стратификации была свойственна и самому вавилонскому диалекту в разные периоды. Так, уже в старовавилонский период сложился архаичный (в значительной степени скорее архаизированный) литературный стиль, свойственный некоторым жанрам художественных произведений («гимно-эпический диалект»). В более поздние периоды старовавилонские литературные образцы продолжали использоваться при создании новых литературных произведений, что привело к формированию особой литературной формы языка (традиционное ассириологическое обозначение — «младовавилонский диалект», англ. *Standard Babylonian*), отличного от нелитературных вавилонских диалектов тех же эпох. Высоко стандартизованный язык царской канцелярии (отраженный, например, в эпистолярном корпусе Хаммурапи и Самсуилуны) не мог не отличаться от многочисленных локальных разновидностей разговорного языка. Таким образом, языковая ситуация внутри Вавилонии также характеризовалась разными формами диглоссии.

В качестве языка администрации и культуры А.я. нередко использовался за пределами Месопотамии. Уже в начале II тыс. до н. э. засвидетельствовано его употребление как письменного средства на западной и, в меньшей степени, восточной (Элам) периферии месопотамской цивилизации (в последнем случае употребление А.я. известно и в III тыс. до н. э.). Наиболее ярким свидетельством такого рода являются клинописные архивы г. Мари, состоящие из многих тысяч документов на старовавилонском диалекте, который, по всей видимости, не был родным для значительной части авторов текстов и их адресатов. Всестороннее развитие этой практики приходится на вторую половину II тыс. В этот период А.я. более или менее широко используется в таких иноязычных центрах (регионах), как Алалах, Угарит, Эмар, Нузи, Хеттское царство. Особое место здесь занимает уникальный по своей специфичности аккадско-ханаанейский идиом, на котором составлены царские письма из Палестины, обнаруженные в архивах из Эль-Амарны (см. статью «Ханаанейские языки» в наст. издании).

В историческую эпоху исконным ареалом распространения А.я. следует считать северную и центральную Месопотамию. С начала II тыс. до н. э. он постепенно охватывает всю территорию Двуречья.

1.3.2. Тенденция к стандартизации письменного А.я. проявилась уже в Саргоновский период и в целом сохранялась на всем протяжении его истории. Ярким примером высокого уровня унификации А.я. в старовавилонский период являются царские надписи и письма эпохи Хаммурапи и Самсуилуны (1792—1712 до н. э.).

1.3.3. Высокая степень стандартизации, присущая многим текстовым корпусам на А.я., указывает на то, что в какой-то форме он должен был преподаваться в месопотамских писцовых школах. В пользу этого говорит также широкое использование литературных форм А.я., явно не тождественных современным им разговорным формам (ср. сообщение новоассирийского царя Ашшурбанапала о том, что он был способен читать не только малопонятные шумерские произведения, но и «тексты... аккадский язык которых труден для интерпретации»: *akkadû ana šutēšuri ašfu*). Первое упоминание об изучении аккадских текстов в школе восходит, по-видимому, уже к эпохе царя III династии Ура Шульги (2094—2047 гг. до н. э.). В то же время современная ассириология практически не располагает непосредственными свидетельствами о преподавании А.я. языка как такового (а не только написанных на нем текстовых образцов). Возможно, А.я. в школах уделялось меньше внимания, чем шумер-

скому, о преподавании которого имеется большой свод источников. В связи с этим отметим, что наряду с десятками одноязычных шумерских и шумерско-аккадских лексических списков (одного из основных компонентов обучения писцов) до нас дошел лишь один аккадско-аккадский «толковый» словарь (*malku-šarru*).

А.я. стал известен современной науке в середине XIX в., когда усилиями ряда исследователей (Г.К. Роулинсон, Э. Хинкс, Ж. Оппер) были интерпретированы первые известные европейцам тексты на А.я. С этого момента аккадские исследования неизменно являлись наиболее быстроразвивающейся областью семитологии, бурный прогресс которой связан с именами таких выдающихся исследователей, как Ф. Делич, Г. Циммерн, А. Унгад, Б. Мейснер, В. фон Зоден (Германия), Ф. Тюр-Данжен (Франция), Ф.Р. Краус (Нидерланды), Б. Ландсбергер, А.Л. Оппенхейм, А. Гётце, И. Гельб (США). Видное место в этом ряду занимает выдающийся отечественный ассириолог И.М. Дьяконов, труды которого сыграли важную роль в формировании современных представлений об истории А.я. в сравнительно-семитологическом и афразийском контексте. Своеобразной кульминацией истории исследования А.я. в XX в. явились два лексикографических проекта: “Akkadisches Handwörterbuch” В. фон Зодена и коллективный труд многих американских и европейских исследователей “The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago” (не завершен). В настоящее время лингвистические исследования А.я. осуществляются в первую очередь в Германии и США; значительный вклад в его изучение вносят также ученые Нидерландов, Италии, Франции, Израиля. Основным центром изучения и преподавания А.я. в России является С.-Петербург (Восточный факультет СПбГУ, Институт востоковедения РАН, Государственный Эрмитаж). В Москве А.я. в качестве основного предмета преподается в Институте восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета.

1.4.0. Практически на всем протяжении истории А.я. для записи текстов на нем использовалась слоговая клинопись с большим или меньшим (в зависимости от периода и типа текста) количеством шумерских идеограмм. Лишь от позднейших периодов (согласно различным датировкам, со II в. до н. э. по II в. н. э.) до нас дошло около 15 табличек, содержащих аккадские слова и фразы, записанные греческим алфавитом (в основном фрагменты лексических списков и литературных произведений). Западносемитские алфавиты для записи текстов на А.я. практически никогда не использовались (точно так же слоговая клинопись обычно не применялась для западносемитских языков).

Тексты старовавилонского периода записаны в основном слоговым способом, количество идеограмм и частотность их употребления относительно невысоки. Силлабограммы обозначают слоги четырех типов: V, VC, CV и CVC, такие как A, I, UB, IM, BA, ZI, KAL, LUM (такого рода сочетания заглавных букв традиционно используются для обозначения клинописных знаков в тех случаях, когда конкретная силлабическая или логографическая интерпретация невозможна или не является необходимой). Большинство слоговых знаков CVC в старовавилонской орфографической практике довольно мало употребительны. Сочетания знаков (C)VC + V(C) не используются для передачи звуковых последовательностей /(C)VCV(C)/: /para/ записывается как PA-RA, но не как PAR-A (записи второго типа — так называемые «ломаные написания» — используются для обозначения имеющегося перед гласным горланного взрыва: /paḡ-ʔa/). То же относится к сочетаниям (C)V₁-V₂(C), где V₁ и

V₂ — разные гласные (ŠA-IM = /šāʔim/). Для передачи согласного *w* в сочетании с любым гласным (/wa/, /wi/, /wu/, /aw/, /iw/, /uw/) используется один и тот же знак (PI), что позволяет говорить о присутствии в слоговой системе аккадской письменности своеобразного элемента консонантно-алфавитного письма. Сходная картина наблюдается при передаче начальнoслового *y* (IA = /ya/, /yu/, /yi/) и конечнoслового *h* (AḤ = /ah/, /uh/, /ih/).

Один и тот же слог в аккадской слоговой клинописи может обозначаться разными знаками. В транслитерации одинаковые чтения разных знаков традиционно помечаются знаками акута, грависа и нижними индексами: U, Ú (или U₂), Û (или U₃), U₄ и т. д. (выбор индекса обусловлен частотностью употребления того или иного знака в данном значении). В старовавилонской орфографии обозначение одного и того же слога разными знаками распространено относительно слабо: в рамках одного текстового корпуса слоги передаются в основном единообразно.

Один и тот же клинописный знак может иметь несколько слоговых значений, как фонетически близких, так и совершенно различных: BI = *bi*, *pí*, KI = *ki*, *kí*, RI = *ri*, *tal*, Ú = *ú*, *šam*. Для старовавилонской орфографии обычна лишь полисемия первого типа; полисемия второго типа встречается гораздо реже, чем в некоторые другие периоды.

Не все консонантные и вокалические противопоставления находят регулярное отражение в клинописи. В области консонантизма слабо противопоставлены глухие, звонкие и эмфатические согласные из одной триады смычных (чаще всего эмфатический согласный не отличается на письме либо от звонкого, либо от глухого). Так, например, орфография Законов Хаммурапи не различает /bu/ и /pu/ (BU), /ki/ и /ḳi/ (KI), /at/, /ad/ и /aṭ/ (AD) и др. В более поздние периоды консонантные противопоставления в начальнoслоговой позиции стали выражаться регулярнее и четче, в то время как почти все знаки VC остались многозначными.

Консонантная геминация (обозначающаяся соположением знаков с одинаковыми конечным и начальным согласными: UM-MA /umma/) во все периоды выражается факультативно, но с явной тенденцией к постепенному расширению этой практики (удвоение *w*, *y* и *ʔ* на письме обычно не обозначается).

В области вокализма слабо противопоставлены слоги с *i* и *e*, которые в старовавилонский период различаются лишь при *t*, *š*, *m*, *n* в начальнoслоговой позиции и при *l*, *n* и *š* в конце слога. Как правило, в клинописи не противопоставлены краткие и долгие гласные; лишь сверхдолгие гласные регулярно передаются так называемым «полным написанием» (*scriptio plena*), особенно в конечной позиции: VA = /ba/ или /bā/ vs. VA-A = /bā/.

Идеограммы могут сопровождаться постпозитивными и препозитивными детерминативами (^{GIŠ}GIGIR = *narkabtum* ‘колесница’, ^AMUSEN = *erûm* ‘орел’), а также силлабограммами, выступающими как фонетический комплемент (обычно постпозитивными: A.ŠÀ-lum = *eḳlum* ‘поле’).

Аkkадские тексты издаются в клинописи и латинской транслитерации. Кроме того, в научной литературе (в первую очередь лингвистической) используется так называемая аналитическая транскрипция, или нормализация, отражающая представления ассириологов о фонетической картине, стоящей за той или иной последовательностью клинописных знаков. Соответствия между этими тремя системами передачи могут быть проиллюстрированы следующим примером (CH § 43):

Клинопись	Транслитерация	Аналитическая транскрипция	Перевод
	<i>šum-ma A.ŠÀ-am</i>	<i>šumma eklam</i>	Если поле
	<i>la i-ri-iš-ma</i>	<i>lā īriš-ma</i>	он не обработал и
	<i>it-ta-di</i>	<i>ittadi</i>	забросил,
	<i>ŠE ki-ma i-te-šu</i>	<i>šeʔam kīma itēšu</i>	зерно подобно
	<i>a-na be-el A.ŠÀ</i>	<i>ana bēl eklam</i>	своим соседям хозяину поля
	<i>i-na-ad-di-in</i>	<i>inaddin</i>	он отдаст.

Внешний вид клинописных знаков сильно различается в зависимости от периода, диалекта, материала, на котором написан текст (камень или глина), и многих других факторов. Ниже приводятся некоторые примеры соответствий между старовавилонскими монументальными, старовавилонскими курсивными и новоассирийскими формами знаков:

Знак	Ст.-вав. монументальный	Ст.-вав. курсивный	Новоассирийский
GA			
EL			
NAM			

1.5.0. Согласно общепризнанной периодизации, история А.я. подразделяется следующим образом. Древнейший этап развития А.я. (примерно с середины III и до начала II тыс. до н. э.) называют староаккадским. Начиная примерно с 1950 г. до н. э. вводится раздельная периодизация для ассирийского и вавилонского диалектов, в каждом из которых выделяют три периода — старый, средний и новый. Соответственно, по хронологическим и географическим критериям выделяются шесть основных форм А.я.: старовавилонский (1950–1530 гг. до н. э.) и староассирийский (1950–1750 гг. до н. э.), средневавилонский (1530–1000 гг. до н. э.) и среднеассирийский (1500–1000 гг. до н. э.), нововавилонский (1000–625 гг. до н. э.) и новоассирийский (1000–600 гг. до н. э.); см. подробнее 1.2.1. Поскольку вавилонский диалект просуществовал дольше ассирийского, для него выделяется еще один, поздневавилонский, период (625 г. до н. э. — 100 гг. н. э.). Для некоторых из форм А.я. существует более дробная периодизация. Так, староаккадский период обычно делят на досаргоновский, саргоновский и период III династии Ура. Несколько этапов выделяют и в старовавилонском периоде: «классический старовавилонский» эпохи Хаммурапи и Самсуилуны противопоставляют как более ранним текстам времени династий Исина и Ларсы и первых царей Вавилонской династии (раннестаровавилонский), так и поздним тек-

стам, близким к периоду упадка этой династии (позднестаровавилонский). Кроме того, выделяют особую форму языка архаических документов из Эшнунны (по Р. Уайтунгу, «архаический старовавилонский»).

1.6.0. Согласно общепринятой точке зрения, начиная с дописьменной эпохи и вплоть до рубежа III и II тыс. до н. э., А.я. находился под сильным шумерским влиянием. Поскольку прослеживается также обратное влияние, некоторые исследователи говорят о шумеро-аккадском языковом ареале или даже языковом союзе. В то же время корректное описание структурного воздействия шумерского языка на аккадский сталкивается с рядом серьезных трудностей. Шумерский язык генетически изолирован, вследствие чего данные внешнего сравнения, обычно позволяющие установить, является тот или иной языковой феномен архаизмом или инновацией, полностью отсутствуют. Кроме того, по объективным причинам шумерский язык (особенно ранние стадии его развития) остается довольно слабо изученным. В случае с А.я. внешнее сравнение возможно, однако значение его довольно ограничено. А.я. является единственным представителем восточносемитской ветви, рано отделившейся от остальных семитских языков, поэтому ему не присущи многие из типичных западносемитских черт и, наоборот, свойственны явления, для западносемитских языков не характерные. Вследствие этого специфические черты А.я. могут объясняться либо как результат внешнего (например, шумерского) влияния, либо как глубокие архаизмы, утраченные в западносемитской ветви. При выборе между этими возможностями большое значение имеют данные несемитских афразийских языков, к сожалению, недостаточно хорошо изученных. Не свободны от трудностей и историко-географические аспекты данной проблемы. Так, в историческую эпоху шумерский язык был распространен лишь на юге Месопотамии, в то время как Центральное и Северное Двуречье выглядят полностью семитоязычными. Массовая аккадизация Южной Месопотамии началась не раньше рубежа III и II тыс. до н. э. Таким образом, гипотетическое субстратное воздействие шумерского языка на аккадский должно было быть явлением, довольно ограниченным во времени и пространстве. Оно не могло затронуть хронологически более ранние и географически более отдаленные формы А.я. (саргоновский, ассирийский), если только не считать, что в дописьменную эпоху шумерский язык был распространен гораздо дальше на север (что, по мнению большинства исследователей, маловероятно). Нельзя исключать, что характер шумерского влияния на А.я. был скорее адстратным, чем субстратным, однако в этом случае остается открытым вопрос, могло ли адстратное влияние быть столь интенсивным, чтобы повлечь за собой довольно глубокие структурные преобразования и массовые лексические заимствования.

Среди относительно убедительных примеров структурного влияния шумерского языка на аккадский можно упомянуть следующие (по Д.О. Эдгарду, У. Педерсену и М.П. Штреку):

- утрата противопоставления по роду у личных глагольных форм 3-го лица префиксальных спряжений (не затронуло саргоновский и ассирийский диалекты);
- употребление основы презенса (а не претерита-юссива, как в западносемитских языках) для выражения запрета (ср. шум. NA + основа *marû*);
- широкое и продуктивное употребление суффикса абстрактных имен *-ūtum* (эквивалент шум. NAM-);
- присутствие элементов шестидесятиричной системы счисления;
- нейтральный порядок слов в простом предложении SOV (вместо VSO, типичного для западносемитских языков).

Другие гипотетические примеры, встречающиеся в литературе (падение ларингалов, вокалическая синкопа, заимствование показателя терминатива *-iš* из шум. *-(E)Š(E)* или контаминация исконного семитского показателя с этим последним, возникновение притяжательных прилагательных типа *uīm* 'мой', возникновение категорий перфекта и вентива, использование суффикса *-u(ni)* как показателя синтаксической зависимости предиката, распространение суффиксального спряжения на существительные, относительно высокая частотность словосложения), разнятся по степени убедительности и нуждаются в дополнительном исследовании.

Помимо шумерского, единственным языком, оказавшим определенное структурное влияние на А.я., является арамейский, контакты с которым восходят к началу I тыс. до н. э. и интенсифицируются к его середине. Конкретные аспекты этого влияния (проявляющегося как в новоассирийских и нововавилонских текстах, так и в младовавилонских литературных произведениях) изучены слабо, а его значение по-разному оценивается исследователями. Среди отмечающихся в литературе явных или вероятных грамматических арамеизмов можно упомянуть:

- использование при именах определенного артикля *-ā?*;
- использование в префиксальном спряжении форм 3-го лица единственного числа женского рода на *t-* (в классическом вавилонском формы женского рода вытеснены формами мужского рода);
- употребление формы *iprus* в функции юссива (вм. аккадского прекатива *liprus*);
- употребление предлога *ana* при прямом дополнении (калька с арам. *lā-*): *ana... ilāni tiklīya... amḥur-šunūti* 'я умолял... богов, помощников моих' (ABL 77:62 сл.; предлог *ana* в сочетании с местоименной репризой прямого объекта *-šunūti*);
- постановка предиката на первое место в предложении;
- появление гибридных аккадско-арамейских форм, таких как *(i)binna* 'дай!' (арам. *hib* + аккад. *inna < idnam*) и *lapan* 'перед' (арам. *lā-* + аккад. *pan*).

Другие иноязычные влияния ограничены периферийными ареалами и касаются лишь отдельных диалектов и периодов.

2.0.0. Лингвистическая характеристика.

2.1.0. Фонологические сведения.

2.1.1. Фонемный состав.

С о г л а с н ы е

По способу образования			По месту образования					Ларингальные
			Лабials	Дентальные	Альвеолярные	Палатальные	Велярные	
Шумные	Смычные	Гл.	p	t			k	ʔ
		Зв.	b	d			g	
		Эмф.		t̰			ḳ	
	Щелевые	Гл.			s	š		ḥ
		Зв.			z			
		Эмф.			ṣ			
Сонорные	Назальные		m	n				
	Латеральные			l				
	Вибранты				r			
	Глайды		w			y		

В сравнении с общесемитским старовавилонский консонантизм представляется сильно редуцированным, однако в более ранние периоды консонантный инвентарь А.я. был богаче. В то время как переходы $*d > z$, $*\underline{t}$, $*\underline{s} > \underline{z}$ и $*\hat{s} > \underline{s}$ совершились уже в дописьменную эпоху, общесемитские $*\underline{t}$, $*h$, $*h$, $*\gamma$ и, вероятно, $*\gamma$ и $*\gamma$ регулярно выступают как отдельные фонемы в текстах Саргоновского периода. В старовавилонском $*\underline{t}$ сливается с $\underline{s}$, а ларингалы в основном падают. При этом, согласно традиционным представлениям, $*\gamma$, $*\gamma$ и $*h$ (сильные ларингалы) «окрашивают» рядом стоящий $*\hat{a}$ в $\hat{e}$, в то время как $*h$ и $*\gamma$ (слабые ларингалы) такого воздействия не оказывают: $*ba\hat{a}l-$ ‘господин’ > $b\hat{e}lum$, $*\hat{a}m-$ ‘свекор, тесть’ > $emum$, $*\gamma\hat{a}rib-$ ‘ворон’ > $\hat{e}ribum$ vs. $*\gamma ab-$ ‘отец’ > $abum$, $*hal\hat{a}k-$ ‘ходить’ > $al\hat{a}kum$. В действительности судьба общесемитских ларингалов в А.я. остается слабо изученной, а вышеприведенные правила демонстрируют немало исключений (так, например, a сохраняется в $\hat{s}\hat{a}rtum$ ‘волосы’ < $*\hat{s}\hat{a}r-at-$, но переходит в e в $es\hat{e}pum$ ‘собирать’ < $*\hat{a}s\hat{a}p-$; $*h$ нередко переходит в h : $h\hat{a}\hat{s}um$ ‘легкое’ < $*h\hat{a}su-$, $h\hat{e}p\hat{e}ru$ ‘копать’ < $*h\hat{a}p\hat{a}r-$). Кроме того, в целом ряде случаев этимологические ларингалы в середине слова не падают, а продолжают отражаться на письме как γ (в старовавилонском отражается силлабограммами серии $\underline{H}$ или «ломаными написаниями»): $per\hat{s}a\gamma u$ ‘блоха’, $\hat{s}er\gamma um$ ‘борозда’, $per\gamma um$ ‘потомок’, $lu\gamma um$ ‘горло’ (см. минимальные пары $i-i\hat{h}-la-am$ [$i\hat{h}lam$] ‘договор’ vs. $i-la-am$ [$ilam$] ‘бога’ и $\hat{s}u-u\hat{h}-ri-\hat{s}u$ [$\hat{s}u\gamma r-\hat{i}\hat{s}u$] ‘его брови’ vs. $\hat{s}u-ra-am$ [$\hat{s}ur-am$] ‘связка тростника’). Таким образом, γ следует включать в старовавилонский инвентарь фонем.

Аkkадские (и общесемитские) фонемы, традиционно обозначаемые как s , z , $\underline{s}$ и $\hat{s}$, в рамках аффрикативной теории семитского консонантизма (см. подробнее в статье «Семитские языки» в наст. издании) интерпретируются как [c], [z], [c] и [s]. Большое значение для подтверждения этой теории имеют два фонотактических правила А.я., с трудом объяснимых в рамках традиционных представлений, но вполне соответствующих картине, реконструируемой в рамках аффрикативной теории:

— при присоединении местоименных суффиксов на $\hat{s}$ -к основам на дентальный или сибилант на стыке образуется удвоенное s ($*b\hat{i}t-\hat{s}u$ ‘его дом’ > $b\hat{i}ssu$, $*r\hat{e}\hat{s}-\hat{s}u$ ‘его голова’ > $r\hat{e}ssu$). В аффрикативной интерпретации этот труднообъяснимый процесс становится фонетически осмысленным и может быть описан как порождение аффрикаты из сочетания дентального с сибилантом или двух сибилантов ($*b\hat{i}t-su > b\hat{i}ccu$, $*r\hat{e}s-su > r\hat{e}ccu$);

— при присоединении показателя женского рода $-t-$ к основам на s , z и $\underline{s}$ эти фонемы переходят в $\hat{s}$: $parsu$ ‘разрезанный’ — ж. р. $pari\hat{s}tu$. В рамках аффрикативной интерпретации этот (опять-таки, фонетически очень необычный) процесс объясняется как упрощение аффрикаты в контакте с дентальным: $*parictu$ [$pari\hat{s}tu$] > $paristu$.

Встречаемость полугласных w и y позиционно ограничена. Так, y в старовавилонском практически не представлен в начале слова (редкие исключения: $y\hat{a}ti$ ‘меня’, $y\hat{u}m$ ‘мой’), сочетание $*ya-$ переходит в i ($imnum$ ‘правый’ < $*yamnum$) или e (в инфинитивах: $en\hat{e}kum$ ‘сосать’ < $*yan\hat{a}kum$). Начальный w в старовавилонском регулярно сохраняется, в более поздние периоды обычно падает: $wardum$ ‘раб’ > $ardu$. В неначальной позиции w и y всегда сохраняются, если они удвоены ($muwwurum$ ‘освещать’, $ayualum$ ‘олень’). Сочетания с неудвоенным серединным w обычно стягиваются, за исключением $-\hat{i}y\hat{a}$ (в общепринятой транскрипции $-y-$ здесь обычно не помечается): $rabi(y)am$ ‘большой’ (акк.), $ri(y)\hat{a}bum$ ‘возмещать’. В подобных случаях с точки зрения фонологии, по-видимому, более корректно говорить о сочетании гласных i и a , а не о консонантном y : характерно, что для передачи западносемитского «твердого» y

(например, в именах собственных) уже в старовавилонском предпочитали использовать не знак IA (лигатуру I + A), а знак PI (*wV*). Сочетания с неудвоенным серединным *w* сохраняются чаще. С середины II тыс. вместо знака PI в этой позиции используются знаки MV в вавилонских диалектах и BV в ассирийских (ст.-вав. *a-wa(PI)-tum* 'слово' vs. ср.-вав. *a-ma-tu*, ср.-асс. *a-bu-tu*). Стоящие за этими написаниями фонетические реалии остаются предметом дискуссии. Подробнее о правилах стяжения сочетаний с историческими *w*, *y* и ларингалами см. 2.2.3.

В настоящем описании система в о к а л и з м а А.я. трактуется как состоящая из четырех тембров (*a*, *i*, *e*, *u*) с тремя степенями долготы: краткой, долгой ($\bar{a}$, $\bar{i}$, $\bar{e}$, $\bar{u}$) и сверхдолгой ($\hat{a}$, $\hat{i}$, $\hat{e}$, $\hat{u}$). О статусе долготных противопоставлений см. 2.1.4.

Гласный *e* диахронически вторичен (основными его источниками являются сочетания $*\bar{a}$ с выпавшими ларингалами и шумерские заимствования), однако непризнание за ним фонемного статуса в синхронном отношении представляется неверным. Так, долгий $\bar{e}$ противопоставляется $\bar{a}$ и $\bar{i}$ во всех возможных контекстах (*šēru* 'заря' vs. *šāru* 'ветер' vs. *šīru* 'мясо'), причем в ассирийских диалектах и в староаккадском (для которых характерен переход $*ay > \bar{e}$ вм. вавилонского $*ay > \bar{i}$) оппозиция между $\bar{e}$ и $\bar{i}$ должна была иметь еще большее значение. Столь же явно противопоставлены $\hat{e}$, $\hat{i}$ и $\hat{a}$: *banēm* 'строить' (ген.) vs. *banīm* 'построенный' (ген.) vs. *banām* 'строить' (акк.). Противопоставление кратких *e*, *a* и *i* может быть проиллюстрировано такими сериями минимальных пар, как *egrum* 'кривой' (*e-eg-ra-am*) vs. *igrum* 'плата' (st. constr. *i-gi-ir*) vs. *agram* 'наемник'; *ešer* 'десять' vs. *išir* 'вид налога' (st. constr.) vs. *ašar* 'место' (st. constr.). В то же время в некоторых контекстах (например, перед закрывающим слог *r*) *e* может трактоваться как аллофон *i* (см. 2.1.3.). Нельзя исключать, что в отдельных ареалах фонологическая оппозиция *e* vs. *i* была не вполне последовательной (этим могут объясняться довольно многочисленные случаи орфографических колебаний между знаками *i* и *e*). Следует учитывать, что количество знаков с *e*-значениями ограничено, так что многие потенциально контрастные примеры в принципе не могут быть выявлены.

А. Пёбелем и О. Вестенхольцем было показано, что в некоторых старовавилонских лексических списках из Ниппура систематически противопоставляются знак $\bar{u}$, с одной стороны, и знаки U/U₄ — с другой (например, *ra-bu-ú* 'старший' vs. *ru-bu-u₄* 'князь'). Как справедливо предполагают Пёбель и Вестенхольц, за этим орфографическим узусом, вероятно, стоит фонологическое противопоставление двух типов сверхдолгих огубленных гласных ([*rubô*] < $*rubāyu$ vs. [*rabû*] < $*rabiyu$).

2.1.2. Аккадская клинопись не знает способов выражения просодических характеристик, вследствие чего прямые свидетельства о месте и характере ударения в А.я. отсутствуют. Косвенные свидетельства о месте ударения выводятся из правил аккадской метрики. Согласно наблюдениям Б. Ландсбергера (подтвержденным на обширном стиховом материале В. фон Зоденом), в позиции конца стиха допускаются три типа слоговых последовательностей: $C\bar{V}-CV(C)/C\bar{V}$, $CVC-CV(C)/C\bar{V}$ и $C\bar{V}$. Напротив, в этой позиции обычно не встречаются последовательности типа $CV-CV(C)/C\bar{V}$. Таким образом, стих имеет либо долгий предпоследний слог, либо сверхдолгий последний слог (который, таким образом, воспринимался как трехморный). Отсюда выводится правило об ударении на третьей мере от конца слова (при этом последний долгий — но не сверхдолгий — слог считается за краткий). Эта гипотеза типологически вероятна (ср. правила ударения в латинском и классическом арабском), однако в принципе обязательная долгота первого слога приведенных выше «трехморных»

окончаний» могла быть самодостаточной метрической характеристикой и не коррелировать с акцентом. Правило вокалической синкопы (см. 2.2.3.) не противоречит данной акцентной реконструкции (**dá-mi-ḳum > damḳum*), но и не может использоваться как аргумент в ее пользу, так как относится не к синхронному состоянию А.я., но лишь к некоторому этапу его дописьменного развития. Как предположил Э. Гринштейн, характер действия синкопы может указывать на различия в акцентуационных правилах праассирийского и прававилонского: в праязыковых последовательностях из трех открытых слогов с кратким гласным в вавилонском выпадает второй, а в ассирийском — третий (инфинитив породы *Gt *pi-ta-ḳu-dum > вав. piḫudum vs. асс. piḫadum*).

2.1.3. Согласно Э.Э. Кнудсену, случаи неэтимологического употребления знаков для *h* и *k/g* указывают на спорадическую поствокальную спирантизацию велярных (по мнению В. фон Зодена, отдельные примеры поствокальной спирантизации в старовавилонском известны также для *b* и *p*).

С середины II тыс. до н. э. *š* перед дентальными обычно переходит в *l*: *bāštum* ‘достоинство’ > *bāltu*, *ištur* ‘он написал’ > *iltur*, *kašdum* ‘достигнутый’ > *kaldu*. Отдельные примеры такого рода отмечаются уже в старовавилонском. Это явление может объясняться латеральной артикуляцией аккадского *š*, одним из источников которого является прасемитский латеральный сибилант **ṣ̌*.

Долгий и краткий *i* перед *r* обычно переходит в *ē*: *gamer* ‘он готов’ (vs. *paris* ‘он сломан’), *utēr* ‘он вернул’ (vs. *ukīn* ‘он установил’). То же явление может наблюдаться перед *h* (*hašeh* ‘он желает’). Степень регулярности данного процесса и его орфографического отражения изучена слабо.

2.1.4. Согласно преобладающей в ассириологической литературе точке зрения, особое обозначение второго типа долготы ($\hat{V}$) имеет лишь диахронический смысл, отражая происхождение гласных $\hat{V}$ из стянутых трифтонгических сочетаний. В рамках этого подхода ни фонологическое, ни даже фонетическое различие между гласными $\hat{V}$ и $\bar{V}$ не постулируется, т. е. выделяются только две степени долготы (краткие и долгие гласные). Оценка корректности данного подхода связана с интерпретацией феномена полного написания (см. 1.4.0.) в различных позициях. Не вызывает сомнений, что в конце слова гласные типа $\hat{V}$ практически всегда пишутся plene, в то время как для гласных типа $\bar{V}$ такие написания в этой позиции нехарактерны (хотя и не исключены полностью). Регулярные написания типа *ša-mu-ú/ša-me-e* ‘небо’ или *mu-ú/me-e* ‘вода’, а также орфографические минимальные пары типа *ma-ru* [mārū] ‘сыновья’ vs. *ma-ru-ú* [mārū] ‘те, кто откармливает (скот)’ заставляют признать оппозицию $\bar{V}$ vs. $\hat{V}$ в конце слова фонологически значимой, однако нельзя исключать, что по крайней мере как дополнительный различительный признак в данном случае функционировало ударение (см. 2.1.2.). Таким образом, более важным представляется установить, насколько регулярно различается орфографическая передача обоих типов долготы в середине слова, где акцентная интерпретация исключена (например, *i-ša-am* [išām] ‘он купил’ vs. *i-ša-a-am* [išām] ‘он купит’). Поскольку употребление plene в середине слова заметно менее систематично, убедительное решение этого вопроса требует статистических подсчетов на огромном материале, которые до сих пор не проводились.

Падение ларингалов и многочисленные стяжения сочетаний с ларингалами и полугласными делают слоговой инвентарь А.я. более разнообразным, чем в других архаичных семитских языках. В рамках традиционной ассириологической транскрипции можно выделить следующие типы слогов: V (*i-dum* ‘рука, сторона’), $\bar{V}$ (*ā-lum* ‘город’),

$\hat{V}$ (*ê-rum* 'бодрствовать'), VC (*ag-rum* 'наемный рабочий'), $\bar{V}C$ (*ûm-tum* 'день'), CV (*da-mum* 'кровь'), C $\bar{V}$ (*ḫā-tum* 'рука'), C $\hat{V}$ (*bê-lum* 'господствовать'), CVC (*kal-bum* 'собака'), C $\bar{V}C$ (*šîm-tum* 'судьба'), C $\hat{V}C$ (*têr-tum* 'указание'). Таким образом, допускается как вокалическое начало слога, так и присутствие в закрытых слогах долгих и сверхдолгих гласных. Следует учитывать, однако, что, по мнению ряда авторов, слоги с вокалическим началом должны интерпретироваться как начинающиеся с гортанного взрыва (?V(C) и др.; см. также 1.4.0.). Кроме того, широко распространена точка зрения, согласно которой долгие и сверхдолгие гласные в закрытых слогах подвергались сокращению (некоторые аргументы в пользу сохранения долготы в данной позиции по крайней мере на морфонологическом уровне см. в 2.3.4.). Слоги с исходом на два согласных не допускаются, конечнослоговые кластеры разбиваются вставкой или постпозицией краткого гласного (см. 2.3.4.).

Все согласные А.я. (по-видимому, не исключая *ʔ*, *w* и *y*) могут подвергаться удвоению.

2.2.0. Морфонологические сведения.

2.2.1. Как и в других семитских языках, структура слова и морфемы в А.я. обусловлена правилами слоговой структуры. В рамках этих правил первичные именные основы А.я. отличаются относительно большим структурным разнообразием и отражают как общесемитские, так и специфически аккадские типы. К структурам, надежно восходящим к общесемитским прототипам, можно отнести следующие.

Двусогласные основы:

- с кратким гласным (*damum* 'кровь', *ilum* 'бог', *mutum* 'муж');
- с долгим гласным (*bābum* 'дверь', *gīdum* 'сухожилие', *šūmum* 'чеснок'). Количество имен этого типа в А.я. существенно возросло по сравнению с общесемитским за счет изначально трехсогласных основ, которые приобрели долгий гласный после стяжения сочетаний с ларингалами и *w/y* (*lābum* < *labʔ- 'лев', *bītum* < *bayt- 'дом' и др.);
- с удвоенным вторым согласным (*kappum* 'крыло', *šillum* 'тень', *muḫḫum* 'череп, макушка').

Трехсогласные основы:

- односложные (*karšum* 'живот', *nimrum* 'леопард', *šuprum* 'ноготь'). Значительную часть входящих в этот класс основ составляют исторически двусложные основы со вторым кратким гласным, выпавшим в результате синкопы (см. 2.2.3.). Поскольку выпавший гласный обычно не восстанавливается при чередовании (*karšum* 'живот' < *karišum, st. constr. *karaš*, но не *kariš), эти исторически двусложные основы в синхронном плане не отличаются от исторически односложных;

— двусложные с двумя краткими гласными (*ḫatanum* 'зять, свойственник', *eperum* 'земля, пыль', *šikarum* 'пиво', *zīkarum* 'самец, мужчина'). Вследствие действия вокалической синкопы в прааккадском имена этого класса немногочисленны, в качестве третьего (иногда второго) согласного обычно выступает *r* (реже *l* или *n*), известный своей способностью блокировать синкопу (см. 2.2.3.);

— двусложные с долгим гласным в одном из слогов (*āribum* 'ворона', *atānum* 'ослица', *ḫasīsum* 'ухо', *kišādum* 'шея').

Четырехсогласные основы:

- образованные редупликацией двусогласного элемента (*barbarum* 'волк'). Помимо форм с полной редупликацией, наблюдаются основы с редукцией $C_1VC_2C_1VC_2$ - > $C_1VC_1C_1VC_2$ -: *kaḫkadum* 'голова' (< *kaḫkad-), *kakkabum* 'звезда' (< *kakkab-);

— нередулицированные (*arnabum* 'заяц').

Образования, специфичные для А.я. по сравнению с другими семитскими языками, характеризуются удвоением второго и особенно третьего корневого согласного: *sinniṣ-t-um* 'женщина', *iṣṣūrum* 'птица', *paḥallum* 'бедро', *eleppum* 'лодка', *urullum* 'крайняя плоть'. Весьма распространено удвоение последнего согласного и среди четырехсогласных основ (*liblibbum* 'потомок', *gulgullum* 'череп', *šeršerrum* 'цепь'). Вопреки распространенному мнению, такую структуру имеют многие исконно семитские слова, а не только шумерские заимствования.

Структура производных именных основ рассматривается в 2.5.2.

Глагольные корни А.я. обычно трехсогласные. Четырехсогласные корни немногочисленны и характеризуются обязательным присутствием *r* или *l* в качестве второго радикала. Глагольным корням присущ лексически детерминированный типовой гласный. Конкретные примеры фонетических структур, свойственных глагольным словоформам, см. в 2.3.5., 2.3.6., 2.4.0.

В А.я. отмечаются явления внутреннего сандхи (на морфемных швах и при присоединении клитик). Конечное *-m* показателя локативного падежа *-um* и показателей вентива полностью ассимилируется следующему за ним согласному: *kerbuššu* < *kerbum-šu 'в нем', *šupranni* < *šupram-ni 'пошли меня'. Наблюдается полная ассимиляция *t* глагольного показателя *-t(a)-* следующим за ним *d, t, z, s, ṣ, š*: *izzakar* 'он назвал' < *i-t-zakar, *piššušum* 'помазаться' < *pi-t-šušum. Факультативно отмечается полная ассимиляция конечного *-b* начальному *m*- энклитического союза *-ma* 'и': *īrum-ma* 'он вошел' (наряду с *īrub-ma*). О фонетических изменениях на морфемных швах, объясняемых аффрикативной теорией, см. 2.1.1. Примером внешнего сандхи можно считать спорадически встречающееся стирание границы между членами сопряженного сочетания: *mu-ki-in-ni Ištār* [mukinništār] 'устанавливающий Иштар' (вм. *mu-ki-in Ištār*), *li-ba-li-im* [libbālim] 'центр города' (вм. *li-ib-bi a-li-im*).

2.2.2. Систематических исследований по сочетаемости согласных в глагольных и именных корнях не проводилось (Э. Рейнер были установлены лишь группы согласных, не встречающихся в составе консонантных кластеров). Хорошо известно правило о несочетаемости в рамках корня двух эмфатических согласных («закон Гирса»): *t > *t* в присутствии *ṣ* (< *ṣt, *ṣṣ, *tṣ) или *k*; *ṣ > *s* перед *k*; *k > *k* перед *ṣ* (*ṣabātum* 'хватать' < *ṣbt, *kaṭānum* 'быть тонким' < *kṭn, *kaṣārum* 'связывать' < *kṭr, *siāḳum* 'быть узким' < *ṣyk).

В качестве корневых могут выступать любые согласные. В составе аффиксов обычно встречаются лишь *m, n, t, ṣ, k* (значение *l, ʔ, w, y* в этой функции ограничено и может быть предметом дискуссии).

2.2.3. А.я. свойственно чередование нуля с краткими гласными, обусловленное явлением синкопы второго краткого гласного в последовательностях *CṽCṽ: *damḳum* 'хороший' (< *da-mi-ḳum, ср. стив *damik* < *da-mik). В тех относительно немногих случаях, когда для прааккадского следует постулировать последовательности *CṽCṽCṽ, наблюдаемая картина противоречива: *damikṭum* 'хорошая' (< *da-mi-ḳa-tum, с выпадением третьего гласного), но *pitḳudum*, инфинитив породы *Gt* (< *pi-ta-ḳu-dum, с выпадением второго гласного, ср. ассирийскую форму *pitakḳudum*). Сонанты (в первую очередь *r*) могут блокировать синкопу (см. примеры в 2.2.1.).

Наблюдается полная ассимиляция *n* следующему за ним согласному, который подвергается удвоению (*ikkis* 'он разрезал' < *inkis), в том числе *w, y* и *ʔ* (*iwwir* 'он сиял' < *inwir, *iʔʔid* 'он был внимателен' < *inʔid, *mauyālum* 'ложе' < *manyālum). В глагольных формах от корней *Iʔ* обычно наблюдается обратный процесс (*-nn-* <

*-nʔ-): *inneppeš* 'делается' < *inʔeppeš. Ассимиляция обычно не происходит в именных производных от корней *In* (*enšum* 'слабый', *sunḫum* 'нужда'). Некоторые удвоенные согласные могут диссимилироваться в *nC*: *inandin* 'он даст' < *inaddin* (согласно А. Гётце, это явление характерно для южной старовавилонской нормы). В ряде форм спряжения глаголов *In* наблюдается падение *n*- (см. 2.3.5.).

Вавилонским диалектам присуща вокалическая *e*-гармония: при наличии в именной или глагольной основе гласного *e* долгие и краткие *a* в основе и в большинстве аффиксов переходят в *e*: *bēlum* 'госпожа', мн. ч. *bēl-ētum* (vs. *mārtum* 'дочь' — мн. ч. *mār-ātum*); *te-šebbir* 'ты ломаешь' (vs. *ta-maḥḥar* 'ты получаешь'). Некоторые аффиксы не участвуют в этом процессе: *šabr-ā* 'они (ж. р.) сломаны'. Как правило, вавилонская *e*-гармония лексически обусловлена, она характеризует глагольную лексему в целом вне зависимости от присутствия мотивирующего *e* в той или иной конкретной форме: ср. *išber* 'он сломал' (где *e* < *i перед *r*) и *šebērum* 'ломать' (непосредственных условий для появления *e* нет). Другой тип аккомодации характерен для ассирийских диалектов: краткий *a* в открытых слогах уподобляется гласному следующего слога; см. подробнее в статье «Староассирийский диалект» в наст. издании, а также примеры именных форм моделей *tarḡās-* и *tarḡās-* в 2.3.5. (ассирийские формы в этих случаях помогают установить количество гласного во втором слоге).

Характерные для А.я. стяжения сочетаний *Vw/y/HC* и *Vw/y/HV* являются источником разного рода чередований в парадигмах слабых глаголов и производных от них имен. Основные позиции сохранения консонантных *w* и *y* отмечены в 2.1.1. Правила стяжения сочетаний *Vw/y/HC* и *Vw/y/HV* могут быть описаны следующим образом:

— *awC > *ūC* (*mawtum 'смерть' > *mūtum*), *ayC > *īC* (*baytum 'дом' > *bītum*), *aHC > *ā/ēC* (*nahrum 'река' > *nārum*, *baʕlum 'господин' > *bēlum*), *iHC > *īC* (*riʔtum 'дикий бык' > *rītum*), *uHC > *ūC* (*muhrum 'жеребенок' > *mūrum*). Принято считать, что в позиции конца слова такие гласные сокращаются, вследствие чего в ассириологической литературе они обычно транскрибируются как краткие (*ikla* 'он задержал' < *yiklaʔ);

— **V₁w/y/HV₂* обычно > *V₂*: *iššiʔū 'они понесли' > *iššū*, *talkaḥī 'ты взяла' > *telkī*, *tuwārum 'возвращаться' > *tārum*, *baʕēlum 'господствовать' > *bēlum*. Исключением является сочетание **āw/y/Hī*, которое переходит в *ē*: *banāyim 'строить (ген.)' > *banēm*.

В беспрефиксальных формах пород *Gt* и *Gtn* наблюдается метатеза *t* и первого корневого *s*, *z*, *ṣ* и *d*: *ti-šbutum* 'схватиться' (ср. *mi-t-ḥurum* 'встретиться'). Этот же процесс, вероятно, был характерен и для префиксальных форм до того, как соответствующие сочетания подверглись ассимиляции (см. 2.2.1.).

Именной префикс *ta-* имеет вид *na-*, если один из согласных корня лабиальный (см. примеры в 2.5.2.). Если префикс имеет вид *mī-*, наблюдаемая картина неоднородна: *nūbalum* 'повозка' vs. *mīšabum* 'место сидения'.

2.3.0. Семантико-грамматические сведения.

А.я. синтетический с некоторыми элементами аналитизма (например, перифрастическая генитивная конструкция).

2.3.1. В А.я. принято выделять следующие части речи: существительное, прилагательное, глагол, наречие, числительное, местоимение, предлог, союз, частица, междометие.

2.3.2. В А.я. противопоставлены мужской и женский род (классифицирующий у существительных, согласовательный у прилагательных, числительных, личных и указательных местоимений и глаголов). В единственном числе мужской род имен

немаркирован, показатель женского рода выступает в виде двух алломорфов: *-t-* и *-at-* (*-et-*). Алломорф *-t-* присоединяется к основам на один согласный, а *-at-* — к основам на кластер (*mār-t-um* ‘дочь’ vs. *dann-at-um* ‘крепость’, *šerr-et-um* ‘уздечка’), однако характер исхода основы (особенно у первичных имен) часто непредсказуем, ср. *kalb-at-um* ‘собака’ vs. *abattum* (< *aban-t-um) ‘камень’ или *erš-et-um* ‘земля’ vs. *ešem-t-um* ‘кость’, восходящие к структурно одинаковым прототипам **kalb-*, **ʔabn-*, **ʔarš-* и **ʔatm-*. В словах *išātum* ‘огонь’, *aḥātum* ‘сестра’ и *emētum* ‘свекровь, теща’ гласный перед *-t-* долгий. Довольно многочисленны существительные женского рода, не имеющие соответствующего показателя: *umtum* ‘мать’ (*umtum bānī-t-um* ‘мать-прародительница’), *mātum* ‘страна’ (*mātum rapaš-t-um* ‘обширная страна’) и др. Характерной чертой А.я. является увеличение числа существительных с эксплицитным показателем женского рода по сравнению с прасемитским, ср. араб. *ʔard-* ‘земля’ (ж. р.) vs. аккад. *erš-et-um*, араб. *nafs-* ‘душа’ (ж. р.) vs. аккад. *napiš-t-um* и многие другие. Для некоторых существительных засвидетельствовано согласование как по мужскому, так и по женскому роду, например *abnum* ‘камень’ (ср. *ina abni danni* ‘крепким камнем’ vs. *ina abnim rabī-t-im* ‘тяжелым камнем’). Как правило, такие примеры не встречаются в рамках одного периода или диалекта. О выражении категории рода во множественном числе см. 2.3.3., формы рода у глагола и местоимений см. в 2.4.0.

2.3.3. В А.я. выделяется три ч и с л а: единственное (немаркированное), множественное и двойственное.

Показатель двойственного числа имеет вид *-ān* в номинативе, *-in* в общекосвенном падеже. Регулярное употребление двойственного числа у всех существительных и согласование в двойственном числе прилагательных, глаголов и местоимений присущи только текстам эпохи Саргоновской династии (*šiptān lā iatīān* ‘эти два заклипания — не мои’); с несколько меньшей систематичностью та же картина наблюдается в староассирийском (2 [š]u-ri-in dam-ki-in ‘две хороших ткани šūru’). В других диалектах А.я. двойственное число встречается у ограниченного круга существительных, обозначающих парные части тела (*šēp-ān* ‘две ноги’; сюда же относятся некоторые понятия, в русском языке не выступающие как парные: *ḳabl-ān* ‘поясница’), а также предметы, составляющие естественные пары (*šēn-ān* ‘пара обуви’). Некоторые слова, употребляющиеся в двойственном числе, но не имеющие анатомической семантики, восходят к терминам для частей тела, изменившим свое значение уже в дописьменную эпоху: *išd-ān* ‘основания’ (вероятно, из более раннего ‘две ноги’ или ‘две ягодицы’). Спорадическое употребление в двойственном числе других имен в некоторых старовавилонских литературных текстах (*ḳarrādān šinā imuttānim* ‘два героя умрут’, YOS 10, 31 IX 25) является архаизмом и не отражает синхронного состояния языка. Словоформы, согласующиеся с существительными двойственного числа, в старовавилонском обычно выступают во множественном числе женского рода (аккад. *šēn-in damḳ-ātum* ‘хорошая пара обуви’), по-видимому, из-за того что большинству таких существительных присущ классифицирующий женский род в единственном числе. Лексемы, имеющие формы двойственного числа, как правило, не употребляются во множественном числе: двойственное число используется и в тех случаях, когда имеются в виду не два, а несколько предметов. В отдельных случаях показатель множественного числа у таких слов зарезервирован за переносным значением (*ḳāt-ān* ‘две руки; руки’ vs. *ḳāt-ātum* ‘части, доли’).

Множественное число в А.я. выражается одним из четырех показателей.

Показатель *-ū/-ī* (ном. *šarr-ū* ‘цари’, косв. п. *šarr-ī*) встречается у существительных мужского рода и требует согласования по мужскому роду (исключение составляет существительное *pluralia tantum* женского рода *niš-ū* ‘люди’: *niš-ū saḫ-ātum* ‘рассеянные [по стране] люди’). Долгота *-ū/-ī* обычно не пишется *plene*, за исключением слов *awīlum* ‘человек’ и *šuḫārum* ‘юноша, слуга’, которые во множественном числе регулярно выступают в виде *a-wi-lu-ú/a-wi-li-e* и *šú-ḫa-ru-ú/ šú-ḫa-ri-e* (природа этих написаний остается не вполне ясной).

В традиционных грамматиках А.я. постулируется еще один показатель множественного числа мужского рода *-ānu/-āni*: ном. *šarr-ānu* ‘цари’, косв. п. *šarr-āni*. Принято считать, что формы с этим показателем составляют оппозицию формам на *-ū/-ī* и обозначают ограниченную, конкретную группу из нескольких предметов или лиц: *šarr-ū* ‘цари’ (вообще) vs. *šarr-ānu* ‘известная, ранее упоминавшаяся группа царей’. Уже в старовавилонском такого рода контрастные пары встречаются очень редко, а в более поздние периоды это противопоставление практически перестает существовать: множественное число на *-ānu* либо закрепляется за отдельными лексемами (явная тенденция к употреблению мн. ч. *ālānu* для *ālum* ‘город’ прослеживается со старовавилонского), либо встречается в свободном варьировании с *-ātum* или *-ū* без какого-либо значимого распределения. По мнению Дж. Буччеллати, *-ānu* вообще не является самостоятельным показателем множественности и должно члениться на *-ān-* («конкретизирующий» суффикс, см. 2.3.6.) и *-ū*. Точка зрения Буччеллати получила распространение в ассириологической литературе и вошла в некоторые обобщающие работы по А.я., однако ее диахроническая перспектива остается неясной из-за присутствия близких по форме показателей множественного числа в ряде других семитских и афразийских языков (ср. в первую очередь геэз *-ān*).

Множественное число на *-ūtum/-ūtīm* регулярно используется с прилагательными и причастиями, согласующимися с существительными с показателем множественного числа мужского рода *-ū/-ī*: ном. *šarr-ū damḫ-ūtum* ‘хорошие цари’, косв. п. *šarr-ī damḫ-ūtīm*.

Множественное число на *-ātum/-ātīm* определяют как показатель множественного числа женского рода. Эта дефиниция справедлива в том смысле, что множественное число на *-ātum* присуще всем существительным, относящимся в единственном числе к женскому роду (как имеющим, так и не имеющим показатель женского рода *-(a)t-*): *šarr-at-um damiḫ-t-um* ‘хорошая царица’ — мн. ч. *šarr-ā-t-um damḫ-ā-t-um*; *ummm rabī-t-um* ‘великая мать’ — мн. ч. *umm-ātum rabi-ātum*). Кроме того, показатель *-ātum* оформляет во множественном числе многие существительные, в единственном числе выступающие в мужском роде. Оформленные этим показателем существительные приобретают во множественном числе согласовательную модель женского рода: *bī-ātum takl-ātum* ‘надежные дома’, *našpak-ātum illappat-ā* ‘хранилища будут повреждены’ (формы единственного числа *bītum* и *našpakum* не имеют показателя женского рода и хорошо засвидетельствованы с согласованием по мужскому роду). В этом отношении А.я. отличается от других семитских языков, для которых это явление нехарактерно, ср. др.-евр. *ʔāb gādōl* ‘великий отец’ — мн. ч. *ʔāb-ōt gādōl-īm* и *šān-ā gādōl-ā* ‘великий год’ — мн. ч. *šān-ōt gādōl-ōt* (в обоих случаях форма множественного числа существительного не влияет на форму множественного числа прилагательного: согласовательная модель существительного во множественном числе всегда тождественна его согласовательной модели в единственном числе).

У небольшой группы существительных присоединение внешних показателей множественного числа сочетается с удвоением второго корневого согласного: *abum* ‘отец’ — мн. ч. *abb-ū/ī*, *aḥum* ‘брат’ — мн. ч. *aḥḥ-ū/ī*, *aḥātum* ‘сестра’ — мн. ч. *aḥḥ-ātum/ātim*, *iṣum* ‘дерево’ — мн. ч. *iṣṣ-ū/ī*. Сходное явление наблюдается при образовании множественного числа некоторых адъективных лексем: *ṣeḥrum* ‘маленький’ — мн. ч. *ṣeḥḥer-ūtum*.

Формы множественного числа глаголов и местоимений см. в 2.4.0.

Сведения о формах и синтаксисе числительных ограничены из-за преимущественно идеографической записи конструкций с их участием.

Основные формы старовавилонских количественных числительных первого десятка имеют следующий вид.

Количественные числительные

	Мужской род		Женский род	
	Абсолютное состояние	Обычное состояние	Абсолютное состояние	Обычное состояние
‘один’	<i>ištēn</i>	<i>ištēnum</i>	<i>išteat, ištēt</i>	<i>ištētum</i> (ст.-acc.)
‘два’	<i>šinā</i>	<i>šinā</i>	<i>šittā</i>	<i>šittā</i>
‘три’	<i>šalāš</i>	<i>šalāšum</i>	<i>šalāšat</i>	<i>šalāštum</i>
‘четыре’	<i>erbe</i>	<i>erbūm</i>	<i>erbet(ti)</i>	<i>erbettum</i>
‘пять’	<i>ḥamiš</i>	<i>ḥamšum</i>	<i>ḥamšat</i>	<i>ḥamištum</i>
‘шесть’	<i>šediš</i> (?)	<i>šeššum</i>	<i>ši/eššet</i>	<i>šedištum</i> (ст.-acc.)
‘семь’	<i>sebe</i>	<i>sebūm</i>	<i>sebet(ti)</i>	<i>sebettum</i>
‘восемь’	<i>samāne</i>	—	—	—
‘девять’	<i>tiše</i> (ст.-acc.)	<i>tišūm</i>	<i>ti/ešū</i>	<i>ti/ešūtum</i>
‘десять’	<i>ešer</i>	<i>eš(e)rum</i>	<i>eš(e)ret</i>	<i>ešertum</i>

Числительные второго десятка засвидетельствованы слабо, структура известных форм может быть проиллюстрирована числительным «восемнадцать»: *samānēšer* (м. р.)/ *samānēšeret* (ж. р.). Среди названий круглых десятков в старовавилонском представлены *ešrālē* ‘двадцать’, *erbâlê* ‘сорок’, *tešê* ‘девяносто’. Названия сотен и тысяч имеют вид *meʔat* ‘сто’, *līm(i)* ‘тысяча’. Для обозначения крупных чисел используются также термины, заимствованные из шумерской шестидесятиричной системы счисления: *šūš(i)* ‘шестьдесят’, *nēr* ‘шестьсот’, *šār* ‘три тысячи шестьсот’. В значении «оба» используется лексема *kilallān* (*kilallūn*) — ж. р. *kilattān*.

П о р я д к о в ы е числительные образуются от консонантных корней соответствующих количественных числительных по модели *par(u)s-* (*ḥamšum* ‘пятый’, ж. р. *ḥamištum*), за исключением супплетивно образованных числительных со значением «первый» (*maḥrūm*, *rēšūm*, *panūm*).

Некоторые примеры обозначения д р о б е й: *mišlum* — ‘одна вторая’ (в определенных контекстах также *bamtum* и *muttatum*), *šalšum* (*šaluštum*) ‘одна треть’, *šinepiātum* — ‘две трети’ (также *šittān*), *šuššum* — ‘одна шестая’, *ešrum* — ‘одна десятая’.

Количественные числительные выступают в виде чистой основы и предшествуют исчисляемому во множественном числе обычного состояния, падеж которого определяется его синтаксической ролью в предложении (род числительных от трех до десяти полярен роду исчисляемого): *šalāšat ūmū* ‘три дня’, *ina šalāš mušīātīm* ‘в три но-

чи'. Особой разновидностью этой конструкции являются случаи употребления числительных с названиями мер: в этом случае и числительное, и название меры выступает в виде чистой основы, а исчисляемое стоит в единственном числе: *šalāšat šīkil kaspum* 'три сикля серебра'. Порядковые числительные согласуются с исчисляемым в роде, числе и падеже, однако в отличие от других адъективных лексем обычно выступают в препозиции: *rebūtum šattum* 'четвертый год'.

2.3.4. В А.я. выделяются три основных падежа: номинатив, генитив и аккузатив. Трехпадежное склонение свойственно единственному числу, в двойственном и множественном числе противопоставлены лишь именительный и (общее)косвенный падежи.

Падежные формы в единственном числе см. в 2.4.0.

Падежные формы двойственного и множественного числа см. в 2.3.3.

Наряду с тремя основными падежами в А.я. имеются два адвербиальных показателя, традиционно описываемых как падежи: терминатив на *-iš* и локатив на *-um*. Оба показателя, как правило, встречаются при существительных в единственном числе (известны также несколько примеров их присоединения к множественному числу на *-āt-*). Показатель *-um* лишь внешне тождествен показателю номинатива, так как при присоединении к нему местоименных энклитик *-u-* не утрачивается, а *-m* ассимилируется первому согласному энклитики: *kerbuššu* 'в его нутре' < *kerb-um-šu vs. *kerb-šu* 'его нутро' (присоединение энклитики 1-го лица дает формы на *-ū?*: *kerbū?a* 'в моем нутре' < *kerb-um-ya vs. *kerb-ī* 'мое нутро'). Такой же контраст наблюдается в status constructus: *kerb-um ālim* 'в середине города' vs. *kerb ālim* 'середина города'. Предполагают, что на наиболее ранних этапах развития А.я. употребление этих показателей было продуктивным и по своей регулярности приближалось к обычным падежным показателям (терминатив *-iš* примерно соответствовал дативно-направительному предлогу *ana*, локатив *-um* — предлогу *ina* 'в'). В старовавилонском (за исключением поэтических текстов) *-um* встречается лишь при сравнительно узком круге существительных, а также в конструкции с параномастическим инфинитивом (*kašād-um ikšud* 'настигнуть он настиг', т. е. 'подлинно он настиг'), в то время как *-iš* как падежный показатель практически не употребляется. Об использовании обоих формантов как адвербиальных показателей см. 2.3.7.

При выражении некоторых типов синтаксических связей именные лексемы выступают в формах, отличных от словарной, которые традиционно обозначаются как с о с т о я н и я (статусы). Принято выделять обычное (status rectus, словарная форма), сопряженное (status constructus) и предикативное (status predicativus) состояния. Распространенная трактовка этих форм как проявлений единой морфологической категории, по-видимому, не оправдана, поскольку противопоставлены они попарно (status rectus vs. status constructus; status rectus vs. status predicativus), а не тернарно.

В обычном состоянии имя имеет падежную флексию, а также мимацию/нунацию. Мимация свойственна формам единственного числа и множественного числа на *-ūt-* и *-āt-*, нунация — формам двойственного числа (о нунации в некоторых классах местоимений см. ниже в данном разделе). Таким образом, лишь во множественном числе на *-ī* обычное состояние оказывается немаркированным. Употребление мимации регулярно в саргоновских и староассирийских текстах, а также в значительной части старовавилонских памятников, в первую очередь в официальных документах. В более поздних текстах мимация обычно падает (развитие этого процесса заметно уже в старовавилонском).

Имя в сопряженном состоянии не имеет мимации/нунации, а его основа может претерпевать определенные изменения. У форм единственного числа и множественного числа на *-āt-* и *-ūt-* в сопряженном состоянии нейтрализуются падежные противопоставления: во всех падежах выступает одна и та же форма, чаще всего с исходом на $\emptyset$. В двойственном и множественном числе на *-ū* сохраняется полное склонение. Основные типы изменений основ единственного числа в status constructus описываются следующей системой правил.

1. Имена с основой на один согласный теряют мимацию и падежную флексию, т. е. выступают в виде чистой основы: *bēlum* ‘господин’ > *bēl*, *šarratum* ‘царица’ > *šarrat*. Исключениями являются слова *abum* ‘отец’ и *aḥum* ‘брат’, имеющие формы status constructus на *-i*: *abi*, *aḥi*. Спорадически подобные формы встречаются и у некоторых других односложных имен: *šumum* ‘имя’ > *šumi* (наряду с *šum*), *kaṭum* ‘рука’ > *kaṭi* (наряду с *kaṭ*). Кроме того, формы status constructus на *-i* характерны для образований от корней Шw/y/Н: *būšum* ‘имущество’ (< *bašūm* ‘быть, иметься’) > *būš(i)*, *tībum* ‘атака’ (< *tebūm* ‘восставать, нападать’) > *tīb(i)*. У некоторых имен женского рода на *-īt-* в status constructus перед *-t-* может восстанавливаться *a*: *kaḫliat* ‘середина’ < *kaḫlītum*, *taḫtiat* ‘конец’ < *taḫtītum*. Простое усечение падежной флексии с мимацией свойственно также многосложным основам с исходом на геминату, которая подвергается упрощению: *kunukkum* ‘печать’ > *kunuk*. Исключения составляют имена женского рода на *-tt-*, такие как *šibittum* ‘тюрьма’ (см. ниже раздел 4.).

2. Односложные имена с исходом на геминату прибавляют к основе *-i*: *libbum* ‘сердце’ > *libbi*. Исключения: *šarrum* ‘царь’ > *šar*, *kakkum* ‘оружие’ > *kak* (наряду с *kakki*); в поздние периоды также *muḫḫum* ‘череп, макушка’ > *muḫ* (вм. *muḫḫi*, обычного в старовавилонском).

3. Имена с исходом на кластер, вторым согласным которого не является показатель женского рода *-t*, могут вести себя по одной из двух схем, выбор между которыми синхронно непредсказуем. У большей части таких имен (у всех исторически односложных и у значительной части исторически двусложных) между вторым и третьим согласным появляется гласный, идентичный гласному основы: *kalbum* ‘собака’ > *kalab*, *qerbum* ‘середина’ > *qereb*, *šiprum* ‘работа’ > *šipir*, *uznum* ‘ухо’ > *uzun*. Немногие имена (часть исторически двусложных основ) восстанавливают исходный гласный, утраченный в обычном состоянии из-за вокалической синкопы: *aplum* ‘наследник’ (< **apilum*) > *apil*.

4. Многосложные имена с исходом на кластер, вторым согласным которого является показатель женского рода *-t*, образуют формы с прибавлением *-i* после *-t*: *napištum* ‘душа’ > *napišti*, *narkabtum* ‘колесница’ > *narkabti*, *šibittum* ‘тюрьма’ > *šibitti*. Этому правилу не следуют формы причастий женского рода, в которых перед *-t* появляется *-a-*: *nādintum* ‘дающая’ > *nādinat*, *muttabiltum* ‘заботящаяся’ > *muttabilat*.

5. Односложные имена с исходом на кластер, вторым согласным которого является показатель женского рода *-t*, образуют формы status constructus одним из двух способов: прибавлением *-i* после *-t* или вставкой *-a-* перед ним. Выбор между ними считается синхронно непредсказуемым, однако наблюдается устойчивая тенденция к использованию первого способа основами с долгим гласным и второго способа — краткостными основами. Так, например, все существительные, образованные от корней Iw, образуют status constructus на *-a-* (*biltum* ‘ноша’ > *bilat*, *šiptum* ‘заклинание’ > *šipat*, *sintum* ‘нечто подобающее, уместное’ > *simat* и др.), в то время как подавля-

ющее большинство имен, образованных от корней Пw/y, имеют status constructus на -i (*kīptum* 'доверие' > *kīpti*, *kūltum* 'тишина' > *kūlti*).

6. Основы с вокалическим исходом (исторически — с исходом на гласный + w/y/H) образуют формы status constructus несколькими способами. Наиболее типичны два случая:

— имена с исходом на -ī восстанавливают чистую основу, которая была им присуща до стяжения с падежным гласным: *nāšūm* 'несущий' (< **nāši?um*) > *nāši*, *pūm* 'рот' (< *pīyūm) > *pī*;

— имена с исходом на -ā имеют формы status constructus на -ê: *banūm* 'строить' (< *banāyūm) > *banê*, *nudunnūm* 'дар' (< **nudunnā?um*) > *nudunnê*.

Правила образования форм status constructus несколько отличаются в тех случаях, когда имя в рамках генитивной конструкции сочетается не с другим именем, а с притяжательной местоименной энклитикой (так называемый status pronominalis). Нейтрализация падежных противопоставлений в данном случае оказывается неполной: в то время как показатели номинатива и аккузатива совпадают в виде -∅, гласный -i в генитиве сохраняется (как принято считать, удлиняясь до -ī). Кроме того, полное склонение наблюдается у форм множественного числа на -ātum и -ūtum (падежный гласный перед суффиксом, вероятно, удлиняется). Неизменным остается полное склонение в двойственном числе и во множественном числе на -ī (примеры форм см. в 2.4.0.).

Энклитика первого лица -ī(ya) всегда присоединяется непосредственно к основе: *bēl-ī* 'мой господин' < *bēlum*, *napišt-ī* 'моя душа' < *napištum*, *kalb-ī* 'моя собака' < *kalbum*. Форма, к которой присоединяются другие энклитики, как правило, идентична той, которая появляется в status constructus перед именем: *bēlum* — *bēl* — *bēl-ka*, *aššatum* — *aššat* — *aššat-ka*, *šiprum* — *šipir* — *šipir-ka*. Исключением являются имена с исходом на геминату, а также многосложные имена с исходом на кластер с показателем женского рода -t (включая причастия), которые приобретают -a- между последним согласным и суффиксом (*libb-a-ka*, *kunukk-a-ka*, *šibitt-a-ka*, *napišt-a-ka*, *mušēniqt-a-ka*). Так же ведут себя односложные имена женского рода со status constructus на -i: *kīštum* — *kīšti* — *kīšt-a-ka*. Для некоторых классов имен характерно сохранение полного падежного склонения перед местоименными энклитиками. Сюда относятся:

— имена *abum* 'отец', *aḥum* 'брат' и *emum* 'тесть' (*abū/ā/ī-ka*, *aḥū/ā/ī-ka*, *emū/ā/ī-ka*);

— имена с историческим консонантным корнем, имеющим w/y или H в качестве последнего согласного (*mārum* 'сын' > *mārū/ā/ī-ka*, *bīšum* 'имущество' > *bīšū/ā/ī-ka*);

— имена с основой на *-ā (*purussūm* 'решение' > *purussū/ā/ē-ka*). Имена с основой на *-ī (*bānūm* 'строющий') либо присоединяют суффиксы напрямую к основе (*bānī-ka*), либо сохраняют полное падежное склонение (*bānū/ā/ī-ka*). Для старовавилонского более характерны формы первого типа.

Описанные выше категории падежа и состояния являются основными средствами выражения синтаксических отношений у имен А.я.

Субъект и именной предикат оформляются номинативом. Кроме того, именной предикат может быть оформлен серией особых предикативных суффиксов — показателями предикативного состояния (status predicativus); см. 2.4.0. Практически во всех позициях парадигмы в качестве основы status predicativus выступает основа обычного состояния, исключение составляет форма 3-го лица единственного числа мужского рода, обычно совпадающая с формой status constructus. Показатель -(a)t- у имен жен-

ского рода перед предикативными показателями утрачивается: *mār-āku* ‘я дочь’ (< *mār-t-um* ‘дочь’). В старовавилонских прозаических текстах спрягаемые формы имен существительных и неотглагольных прилагательных встречаются довольно редко. О спряжении отглагольных прилагательных (стативе) см. 2.3.5.

Прямой объект оформляется аккузативом (у личных местоимений — энклитической или самостоятельной аккузативной формой), косвенный объект — генитивом с предлогом *ana* (у личных местоимений — энклитической или самостоятельной дативной формой; в последнем случае возможно плеонастическое употребление предлога *ana*).

Принадлежность выражается двумя типами генитивных конструкций: прямой и косвенной (перифрастической). В первом случае вершинное имя выступает в *status constructus*, а непосредственно за ним следует зависимое имя в генитиве: *mār awīlim* ‘сын человека’. Во втором случае вершинное имя выступает в обычном состоянии, за ним следует относительное местоимение *ša* в роли *nota genitivi*, а затем — зависимое имя в генитиве: *bītum ša wardim* ‘дом раба’ (возможен вариант с пролептической местоименной энклитикой: *mārū-su ša šarrim* ‘сын царя’). Прямую и перифрастическую конструкции принято считать синонимичными, однако в некоторых синтаксических ситуациях предпочитается вторая (так, например, для А.я. нетипично прямое соположение двух и более вершинных имен с одним или несколькими зависимыми: *eḫlum u kirūm ša awīlim* ‘поле и сад человека’ вм. **eḫel u kirī awīlim*). Широко распространено употребление генитива с *ša* без вершинного имени: *ša ilim* ‘то, что принадлежит богу’, *ša paṭārim* ‘то, чем можно откупиться’.

В случае, если в роли зависимого имени выступает личное местоимение, принадлежность выражается:

— присоединением местоименных притяжательных энклитик к формам *status nominialis*: *bēl-šu* ‘его господин’ (конкретные формы энклитик и правила их присоединения см. выше и в 2.4.0.);

— особой серией самостоятельных притяжательных местоимений, согласующихся с вершинным именем в роде, числе и падеже, а с зависимым — в лице и числе. Засвидетельствованные формы демонстрируют довольно высокую степень вариативности (см. 2.4.0.), особого внимания заслуживает присутствие нунации (вместо обычной для А.я. мимации) в ряде форм обычного состояния (*kattum/n* ‘ваша’, *kūttum/n* ‘ваши’ и др.). Притяжательные местоимения чаще всего используются в качестве предиката (*wardum šū šūm* ‘Этот раб — его’), атрибутивное употребление встречается реже (*ummānam lā kām k[ātkā] ikaššad* ‘Твоя рука достигнет не твое войско’). Известны случаи независимого (субстантивированного) употребления в значении ‘что-либо, принадлежащее мне’.

Обстоятельственные падежные значения выражаются предлогами. Наиболее употребительные из них: *ana* ‘к, для’, *ina* ‘в (место); из; посредством’, *aššum* ‘ради, для’, *eli* ‘на, над’, *kī(ma)* ‘подобно, в соответствии с, вместо’, *lāma* ‘перед’, *adi* I ‘до’, *ištu* ‘от, с момента’, *adi* II ‘вместе с, включая’, *itti* ‘с’, *balum* ‘без’. Об адвербиальных падежах см. выше (встречается также адвербиальный аккузатив, хотя и несколько реже, чем в других семитских языках). В некоторых адвербиальных выражениях (*šeher rabi* ‘от мала до велика’, *lā šanān* ‘несравненно’, *ašar ištēn* ‘в одном месте’), а также звательных конструкциях (*šar* ‘О царь!’) имя выступает в виде чистой основы. Такие формы, употребление которых довольно слабо изучено, квалифицируются как принадлежащие особому состоянию, отличному от предикативного (так называемый *status absolutus*).

2.3.5. П о р о д ы аккадского глагола, с формальной точки зрения подразделяются на три серии: основные, *t*-породы (с инфиксом *-t(a)-*) и *tn*-породы (с инфиксом *-tan(a)-*). Форма и значение наиболее употребительных пород А.я. могут быть охарактеризованы следующим образом:

G (сокращение от нем. Grundstamm) — основная порода;

D (сокращение от нем. Doppelungsstamm) — порода с удвоением второго корневого согласного. Значение D традиционно определяется как «интенсивное», его конкретная реализация в значительной степени определяется характером значения соответствующего глагола основной породы: фактитивность для глаголов, обозначающих состояние; множественность субъектов или объектов, многократность или повторяемость действия для переходных глаголов (с высокой степенью лексикализации);

Š — порода с показателем *(-)šV-*. Основная функция — каузатив к G;

N — порода с показателем *(-)n(V)-*. Основная функция — пассив (реже рефлексив, медий) к G;

Gt — порода с инфиксом *-t(a)-*. Базовое значение установить трудно из-за редкой встречаемости. Надежно засвидетельствованы примеры со значением реципрока; для некоторых глаголов движения вероятно сепаративное значение. Gt не употребляется в качестве пассива к G;

Dt — порода с инфиксом *-ta-* в сочетании с удвоением второго корневого согласного. Основная функция — пассив к D;

Št — порода с показателем *(-)š(u)ta-*. По морфологическим и семантическим критериям Št принято членить на два подкласса. Формы первого подкласса выступают в качестве пассива к Š, для них характерна краткая форма презенса (*uštāpras*). Им противопоставлены глаголы с долгой формой презенса (*uštāparras*), которые не имеют пассивного значения. Конкретное значение глаголов второго подкласса обычно непредсказуемо и определяется лексически;

Gtn, Dtn, Štn — породы с инфиксацией показателя *-tan-*, как правило, сохраняют семантику глагола в основной породе, придавая ему итеративное значение.

Кроме того, известны несколько редких пород: ŠD (сочетание геминации второго согласного с каузативным показателем), Ntn (*tn*-порода для N), R (порода с удвоенным последним радикалом).

Глагол любой породы может выступать в одном из типов п р е ф и к с а л ь н о г о с п р я ж е н и я. В каждом из типов глагольные формы противопоставлены по лицу, числу (единственное, множественное и двойственное) и роду (мужской и женский). Эти противопоставления выражаются префиксами, в отдельных позициях парадигмы сочетающимися с суффиксами. В то время как суффиксы практически одинаковы для всех глагольных классов во всех породах, префиксы имеют два типа форм (в таблице ниже разделены косой чертой):

Показатели префиксального спряжения

		Ед. число	Дв. число	Мн. число
3-е л.	м. р.	<i>i-/u-</i>	<i>i-/u-...-ā</i>	<i>i-/u-...-ū</i>
	ж. р.			<i>i-/u-...-ā</i>
2-е л.	м. р.	<i>ta-/tu-</i>	<i>ta-/tu-...-ā</i>	<i>ta-/tu-...-ā</i>
	ж. р.			
1-е л.		<i>a-/u-</i>		<i>ni-/nu-</i>

У префиксов первого типа противопоставлены как согласные, так и гласные компоненты, поэтому их квалифицируют как «слоговые». Этот тип префиксов присущ глагольным формам пород G, N и связанным с ними (*Gt*, *Gtn* и др.). Префиксы второго типа имеют фиксированный *u*-вокализм и различаются лишь согласными. Эти префиксы называют «консонантными». Они характерны для глагольных форм пород Š и D и связанных с ними, а также для форм G глаголов *Iw*.

Глагольные формы двойственного числа в старовавилонском встречаются редко. Специфической чертой вавилонского диалекта является нейтрализация оппозиции по роду в 3-м лице единственного числа, где префиксы мужского рода *i-/u-* вытеснили показатели женского рода *ta-/tu-*, сохранившиеся в староаккадском и в большей или меньшей степени в ассирийском диалекте. При образовании конкретных форм презенса, претерита и перфекта вышеприведенные показатели присоединяются к определенным типам основ, противопоставленных по слоговой структуре и вокализму. Наиболее существенной является оппозиция между презентной и претеритной основами, которая в основной породе правильного глагола описывается следующими морфологическими классами:

- класс I — прет. *u* / през. *a* (*-prus-* / *-parras-* ‘резать’);
- класс II — прет. *i* / през. *i* (*-p̄kid-* / *-paḫḫid-* ‘назначать’);
- класс III — прет. *a* / през. *a* (*-lmaḏ-* / *-lammaḏ-* ‘узнавать’);
- класс IV — прет. *u* / през. *u* (*-rupuḏ-* / *-rappuḏ-* ‘бежать’).

Классы I и II весьма частотны, при этом класс I включает в себя практически только переходные глаголы, а класс II — как переходные, так и непереходные. Глаголы класса IV немногочисленны, все они непереходные. Класс III наименее репрезентативен и включает в себя лишь несколько глаголов, в основном непереходных (к нему относятся, однако, такие широко употребительные переходные глаголы, как *šabātum* ‘хватать’ и *maḫāšum* ‘бить’). Во всех четырех классах основа презенса характеризуется двусложной структурой с *a*-вокализмом после первого радикала и удвоением второго радикала. В классе I, кроме того, противопоставлены гласные, следующие за вторым радикалом (прет. *u* vs. през. *a*), вследствие чего его называют апофоническим. Основа перфекта по вокализму совпадает с презентной (но без удвоения) и характеризуется инфиксацией показателя *-ta-* после первого корневого согласного: *-p-ta-ras-*, *-p-ta-ḫid-*, *-l-ta-maḏ-*, *-r-ta-puḏ-*. Породы D и Š имеют фиксированный вокализм основы, не связанный с классом, к которому тот или иной корень принадлежит в G. Формы трех основ имеют следующий вид: D прет. *-parris-*, през. *-parras-*, перф. *-p-ta-rris-*; Š прет. *-ša-pris-*, през. *-ša-pras-*, перф. *-š-ta-pris-* (примечательно, что в обоих случаях вокализм перфекта совпадает с претеритным, а не с презентным, как в G). Типовой вокализм пород *Gt*, *Gtn*, N и *Ntn*, напротив, находится в связи с морфологическим классом соответствующего глагола в G, что составляет специфическую черту аккадской глагольной системы, не имеющую прецедента в других семитских языках. В неапофонических классах (II, III и IV) типовой гласный в этих породах одинаков во всех формах и совпадает с типовым гласным G: *Gt* прет. *-p-ta-rVs-*, през. *-p-ta-rrVs-*, перф. *-p-ta-trVs-*; *Gtn* прет. *-p-tar-rVs-*, през. *-p-tan-arrVs-*, перф. *-pta-tar-rVs-*; N прет. *-pparVs-*, през. *-pparrVs-*, перф. *-ttaprVs-*; *Ntn* прет. *-ttaprVs-*, през. *-ttanaprVs-*, перф. *-ttataprVs-* (V — типовой гласный G). В апофоническом классе породам *Gt*, *Gtn* и *Ntn* присущ типовой гласный *a* во всех формах (*Gt* прет. *-p-ta-ras-*, през. *-p-ta-rras-*, перф. *-p-ta-tras-*; *Gtn* прет. *-p-tar-ras-*, през. *-p-tan-arras-*, перф. *-pta-tar-ras-*; *Ntn* прет. *-ttapras-*, през. *-pparras-*, перф. *-ttapras-*), в то время как в

породе N наблюдается апофония *ali* (прет. *-pparis-*, през. *-pparras-*, перф. *-ttapras-*). Таким образом, типовой вокализм претерита *Gt*, *Gtn* и *Ntn* совпадает с презентным вокализмом G.

Как было отмечено в 2.3.4., имена А.я. могут не только склоняться, но и спрягаться. Спряжение отглагольных прилагательных моделей *paris-*, *parus-* и *paras-* представляет собой обычный и весьма частотный феномен (как показал Ф.Р. Краус, лишь около 20 из примерно 1200 примеров спрягаемых именных форм в старовавилонских письмах корпуса AbV 1–10 имели основу, не являющуюся отглагольным прилагательным). В традиционных описаниях А.я. такие формы принято относить к особой глагольной категории, называемой с т а т и в о м (пермансивом). В последние десятилетия характер статива как глагольной или именной категории оживленно обсуждается в ассириологической литературе. По мнению ряда исследователей (Дж. Буччеллати, Дж. Хюнергард), формы типа *parsāku* ‘я разрезан’ и *šarrāku* ‘я царь’ представляют собой сочетание именного предиката и энклитического местоимения-субъекта. Эта точка зрения была подвергнута критике другими авторами (в первую очередь Н. Каувенбергом), которыми были выявлены достаточные основания для глагольной интерпретации статива. Так, энклитический (а не суффиксальный) характер предикативной флексии едва ли может быть убедительно обоснован, в то время как лексическая семантика статива может отличаться от значения отглагольного прилагательного, формально являющегося его основой (*taklum* ‘надежный’, но *taklāku* ‘я доверяю’, *kašdum* ‘достаточный, успешный’, но *kašdāku* ‘я достиг’). Кроме того, формы *parsāku* регулярно принимают показатели субъюнктива и вентива, управляют прямым и косвенным дополнением, употребляются с адвербиальным аккузативом и в конструкции с тавтологическим инфинитивом.

Три префиксальных спряжения старовавилонского глагола выражают временные и видовые значения, а суффиксальное спряжение (статив) выражает преимущественно залоговые и видовые значения. В традиции описания все они часто называются «временами». Ниже описывается их значение в независимых предложениях (об употреблении глагольных форм в придаточных предложениях см. 2.5.4.). Поскольку среди ассириологов существуют глубокие разногласия в интерпретации морфологической семантики глагола, ее нижеследующее описание в значительной мере отражает взгляды одного из авторов настоящей статьи (С.В. Лёзов).

Претерит. Базовая функция претерита *iprVs* — выражение ситуации, предшествующей моменту речи и рассматриваемой как перфективная: *eklam aššur*_{прет.}-*ma* MU 15 KAM *ākul*_{прет.} ‘Я взял_{прет.} часть (этого) поля и **кормился**_{прет.} с нее 15 лет’ (AbV 4, 69:7 сл.). Для создания у ситуаций плана прошедшего внутренней временной структуры используется презент. Претерит употребляется в качестве основной нарративной формы, а также в большинстве придаточных предложений плана прошедшего (см. 2.5.4.).

Перфективная семантика претерита объясняет его использование в качестве перформативной формы, так как презент не может кодировать ситуации, длительность которых ограничена временем речевого акта: *inanna ašpurakku*_{прет.} *širim*_{имп.}-*ma arul*_{имп.}-*ši* ‘А теперь я предписываю_{прет.} (букв. ‘написал’) тебе: сделай_{имп.} все возможное, чтобы заплатить_{имп.} ему!’ (AbV 4, 57:15 сл.); *šuḥārum ša illak-ak-kum kišādum lā immaru aškunka*_{прет.} ‘Я требую_{прет.} (букв. ‘потребовал’) от тебя: (пусть) слуга, который придет к тебе, ни в коем случае не увидит ожерелье!’ (LH 47:27–29).

Презенс. Для «презенса» *iparrVs* наиболее типичны два значения: временное значение следования за моментом речи, т. е. абсолютное будущее, и аспектуальное значение плюральности (как правило, хабиутальности) описываемой ситуации. Эти значения не обладают очевидным общим элементом и не выражаются совместно.

Если глагольная ситуация целиком следует за моментом речи, то презенс имеет значение совершенного вида. Типичные комбинации временных и видовых значений презенса можно представить следующим образом:

— в семантической зоне будущего *ipreš* (презенс глагола *epēšum* ‘делать’) означает ‘он(а) сделает (нечто)’;

— в семантической зоне «не-будущего» *ipreš* означает ‘он(а) (с некоторой периодичностью или привычным образом) делает (нечто)’, либо ‘он(а) (с некоторой периодичностью или привычным образом) делал(а) (нечто)’.

В письмах хабиутальный презенс соотносится преимущественно с моментом речи, для отнесения презенса в этом значении к прошедшему нужны «сильные» контекстуальные указания (например, обстоятельства прошедшего времени). Противопоставление футурального и хабиутального значений презенса иллюстрируется следующей парой примеров: *mimma lā tanazziḫ ana panīka epēška nippuš*_{през.} ‘Не беспокойся, мы сделаем_{през.} твое дело до твоего прибытия’ (AbB 2, 110:24 сл.) vs. *kīma teštenemmū urram u mušītam šīpram nippuš*_{през.} ‘Как ты постоянно слышишь, мы работаем_{през.} (букв. ‘делаем работу’) день и ночь’ (AbB 7, 92:22 сл.). В старовавилонском не засвидетельствован презенс предельных глаголов, обозначающий процессы, одновременные моменту речи.

В плане прошедшего собственное значение презенса — чисто аспектуальное (хабиуталис), отнесение ситуации к прошедшему времени обеспечивается контекстом: *panānum awīlū ša lā idū-ninni ašappar-šunūšim*_{през.} + дат. мест. 3-го л. мн. ч. -*ma šabiātīya iprušū*_{през.} ‘Прежде (даже) люди, которые не знали меня — я писал_{през.} им, и они выполняли мои желания_{през.}’ (AbB 10, 1:13–16).

В эпических повествовательных текстах презенс может иметь дуративное видовое значение: *ištu warkī-su ul ūta*_{перф.} *balāṭam attanaggiš*_{през.} *Gm kīma ḥābīlim ḳabaltu šēri inanna sābītum ātamar*_{перф.} *panī-ki* ‘После его смерти я не нашел_{перф.} жизни. Я скитался_{през.} *Gm* по степи, как разбойник. А теперь, кабатчица, я увидел_{перф.} тебя’ (Gilgamesh 278 II 10’ сл.).

Презенс в плане прошедшего иногда употребляется в видовом проспективном смысле, а также в модальном значении возможности. Вероятно, что обе эти группы употреблений являются импликатурами хабиутального значения. Такие употребления презенса не противопоставлены ни между собой, ни по отношению к исходному для них хабиутальному значению: *šumma igārum iḳām*_{през.} -*ma bābtum ana bēl igāri ušēdi*_{перф.} -*ma igāršu lā udannin*_{перф.} -*ma igārum imḳut*_{перф.}... ‘Если стена подавала признаки того, что она может упасть_{през.}, и община обратила (на это) внимание_{перф.} владельца стены, однако тот не укрепил_{перф.} свою стену и стена рухнула_{перф.}...’ (LE A IV 25 сл.; проспектив в плане прошедшего); *mannu annītam ša lā Enki ipruš*_{през.} ‘Кто бы мог сделать_{през.} это, кроме как Энки?’ (Atr III C₁ VI 13; возможность в прошлом).

В литературе последних десятилетий презенс получил видовые и темпоральные интерпретации: несовершенный вид, допускающий локализацию в прошлом, настоящем и будущем (Э. Кнудсен); форма относительного времени, обозначающая

одновременность или следование ситуации по отношению к моменту речи, к заданной контекстом точке отсчета в прошлом, либо одновременность ситуации по отношению к точке отсчета в будущем (М. Штрек). Дж. Хюннергард в своем широко известном учебнике старовавилонского диалекта А.я. называет форму *iparrVs* «дуративом».

Перфект. В независимых предложениях перфект *iptarVs* обозначает ситуацию, результативный компонент которой присутствует в точке наблюдения, в немаркированном случае совпадающей с моментом речи, т. е. является дейктической временной формой: *ina libbu rakbi munnabtū imīdū-ma*_{перт.} *šitūlam kīam ašbat*_{перт.} *umma anāku-ma anna munnabtū imīdū*_{перф.}. 'Среди «всадников» стало много_{перт.} беглецов. И вот что я решил_{перт.} по размышлении: "В самом деле, беглецов стало много_{перф.}..." (LH 5:4–8; далее следуют предписания адресату); *bēli ana šuhārē ahhīya... pūhšu nadānam ikbi*_{перт.}... *inanna pūhti eklim šuāti nadānam bēli iktabi*_{перф.}. 'Мой господин (= адресат) велел_{перт.} предоставить служащим, моим коллегам, <которые взяли себе участок поля, но не обработали его из-за безводья>, другой участок в замену <описывается бедственное положение этих людей>. (Стало быть,) теперь мой господин (уже) велел_{перф.} предоставить замену этого поля' (AbB 3, 74:15–29; следует просьба проследить за выполнением этого распоряжения). В обоих примерах одна и та же ситуация описывается вначале претеритом (в рамках нарратива, обычно составляющего первую часть письма), а затем перфектом (в рамках письменного диалога с адресатом).

В старовавилонских письмах результативный компонент перфекта в ряде случаев полагается в альтернативной точке наблюдения — в моменте чтения письма адресатом. Такое употребление называют эпистолярным перфектом. Обозначаемая глагольной лексемой ситуация полагается, соответственно, в прошлом адресата, между тем как в реальности она находится в будущем автора (таким образом, эпистолярный перфект представляет собой относительно редкий случай влияния письменной коммуникации на грамматику). В эпистолярном перфекте употребляется ограниченное число глаголов, в лексическое значение которых входит сема движения. Наиболее частотны в эпистолярном перфекте близкие друг другу по значению глаголы *šapārum* 'слать; писать (письмо)', *ṭarādum* 'отсылать (обычно людей)' и *šūbulum* 'посылать (письмо, людей, товары)': *anumma ṭemam ša ešmū*_{перт.} *ana šērī-ka aštapr-am*_{перф. + венг.}. 'Вот, я послал_{перф. + венг.} к тебе весть, которую я узнал_{перт.}' (ARMT 2, 122:10; содержание вести излагается в том же письме, т. е. в момент речи письмо еще не дописано), а в конце письма автор пишет, имея в виду ту же ситуацию, что и в предыдущем примере: *inanna ṭem ešmū*_{перт.} *aštapr-akkum*_{перф.}. 'Сейчас я послал_{перф.} тебе весть, которую я узнал_{перт.}' (ARMT 2, 122:18). Как видно из этих примеров, дейктической проекции на адресата подвергается не только временное значение перфекта, но и значение других шифтерных элементов, употребляемых в контексте эпистолярного перфекта — дейктического наречия *inanna* ('теперь, сейчас') и вентива, выражающего значение глагольной ориентации (см. 2.3.6.). Эпистолярный перфект используется также с другими глаголами направленного движения, например *sakāpum* 'сплавлять (лес)', *šūrūm* 'направлять', *alākum* 'идти', *turrum* 'возвращать'. Иногда эпистолярному перфекту предшествуют сочиненные с ним глаголы, описывающие (как и эпистолярный перфект) ситуации, находящиеся в будущем автора и в прошлом адресата. Так как эти глаголы не обозначают перемещения в пространстве, они употребляются в «эпистолярном претерите»: *anumma kanik... aknu*_{перт.} *-am-ma uštābil-am*_{перф. + венг.}. 'Вот, я запечатал_{перт.} документ... (следует описание его содержания) и послал (туда, где нахо-

дишься ты)_{перф. + венг.}’ (AbВ 13, 23:4 сл.). Такое использование претерита для выражения «эпистолярного прошедшего» показывает, что эпистолярный перфект обозначает лишь ситуации, в буквальном смысле «достигающие» адресата.

Перфект крайне слабо засвидетельствован в контексте *t*-пород, не встречается в придаточных относительных, в вопросах с вопросительными словами. Когда такого рода контексты требуют глагола с «перфектным» временным значением, вместо перфекта употребляется претерит. Поэтому, в частности, «эпистолярное прошедшее» в придаточных относительных выражается претеритом: *ūm ṭuppī annēm ana šēr bēlīya ušābil-am*_{прет. + венг.} ‘В день, когда я послал_{прет. + венг.} это мое письмо моему господину (= тебе)...’ (ARMT 3, 28:5 сл.). Будучи временной формой с морфологически «встроенной» внешней точкой отсчета, перфект, как правило, несовместим с обстоятельствами прошедшего времени. Кроме того, он не употребляется в аффирмативной конструкции с частицей *lū* и в независимых отрицательных предложениях. Об употреблении перфекта с отрицанием в придаточных условных см. 2.5.4.

T-перфект, не засвидетельствованный в других семитских языках и формально совпадающий с претеритом *t*-производных пород (перф. G = прет. Gt, перф. D = прет. Dt/Dtn, перф. Š = прет. Št/Štn, перф. N = прет. Ntn), был «открыт» позже других словоизменительных глагольных форм А.я. В первых исследованиях (1920—1930-е гг.: Б. Ландсбергер, А.Л. Оппенгейм, А. Гётце) наметилась интерпретация перфекта как дейктической временной граммы: так, Б. Ландсбергер называл временную *t*-форму «пунктуальным презенсом» и формой выражения «субъективного» (т. е. абсолютно) времени; по формулировке А. Гётце, перфект «соединяет прошлое с настоящим» и обозначает «действие, которое только что завершилось и все еще влияет на положение вещей».

В «Очерке аккадской грамматики» В. фон Зодена (1952) эта интерпретация была механически соединена с представлением о перфекте как о консекutiveй глагольной форме плана прошедшего: перфект, по фон Зодену, обозначает «только что завершившиеся и все еще действенные события», при этом «повествование, начатое в претерите, продолжается в перфекте (так называемое *consecutio temporum*)». Однако в глагольной семантике «перфектность» и «консекutiveй/нарративность» являются взаимоисключающими морфологическими значениями. Наблюдаемая в старовавилонских письмах и протасисах старовавилонских законов линейная последовательность претерит(ы) → перфект(ы) наиболее естественным образом объясняется с позиций дейктической теории перфекта: главной нарративной (т. е. консекutiveй) формой в старовавилонском является претерит, получающий свое временное значение изнутри повествования, между тем как употребление перфекта указывает на сдвиг к интерпретации финитных форм относительно момента речи. Это подтверждается и тем, что в письмах и законах за перфектами обычно следуют формы презенса и косвенных наклонений (императива, прекатива и прохибитива).

В работах исследователей, принадлежащих к «мюнхенской школе» семитской глагольной семантики, возобладало понимание, согласно которому все словоизменительные формы аккадского глагола в индикативе выражают относительное время, а перфект представляет собой чисто консекutiveйную форму. Таково же мнение Дж. Буччеллати: морфология перфекта указывает «на точку отправления во времени», т. е. временная семантика перфекта обеспечивается предтекстом, а не моментом речи. М. Штрек в своих последних работах довел эту теорию до логического предела: по его мнению, значение претерита — предшествование по отношению к произвольной

точке отсчета (к моменту речи, а также к точке отсчета в прошлом или будущем), а перфект имеет то же значение, но дополнительно (и факультативно) обозначает «следование ситуации по отношению ко второй точке отсчета», заданной контекстом, например предшествующим претеритом. Поскольку в старовавилонском консекутивные отношения в повествовании выражаются иконически — линейной последовательностью предикатов, то они едва ли нуждаются в факультативном морфологическом кодировании.

М. Штрек и Дж. Буччеллати отрицают статус перфекта как словоизменительной категории и считают, что в синхронном плане речь должна идти об особом случае употребления претерита *t*-инфиксальных пород. Консекутивную интерпретацию перфекта и его тождественность претериту *t*-пород принял и отечественный ассириолог И.М. Дьяконов.

С т а т и в (или суффиксальное спряжение) образуется в старовавилонском у всех семантико-грамматических типов глаголов. Из частотных глаголов G-породы исключение составляют многие динамические непредельные, например *amārum* 'смотреть, глядеть', *alākum* 'идти, ходить', *damānum* 'стонать', *rapādum* 'скитаться' (у первых двух в литературных текстах маргинально засвидетельствованы стивы с нетривиальными значениями). Суффиксальное спряжение не образуется также у частотных морфологически аномальных глаголов *idūm* 'знать', *išūm* 'иметь' (см. о них ниже в этом разделе), а также у *bašūm* 'быть'.

Различия в семантике стивных предложений отражают различия соответствующих глаголов по степени семантической транзитивности.

Суффиксальное спряжение предельных и пунктивных глаголов (двухместных и одноместных) имеет базовое значение результата, степень транзитивности которого относительно исходного события снижена. Поэтому количество аргументов предиката-стива по отношению к исходной конструкции может сокращаться. Так, стивы высокотранзитивных глаголов, как правило, имеют лишь один поверхностно выраженный аргумент, он употребляется в именительном падеже и соответствует семантическому объекту исходной ситуации. Стивная конструкция имеет детранзитивное значение, которое в контексте реализуется как пассив или декаузатив: *ermum ša tuppi hepī_{стат.}-ma tuppa-ša išrumū* 'Конверт таблички был (уже) сломан/сломан_{стат.}, так что они извлекли ее (= упомянутой выше женщины) табличку (из конверта)' (RA 9, 22:22); *inanna GIŠ.MA.NU nakis_{стат.}-ma šakin_{стат.}* 'а теперь древесина MA.NU срублена_{стат.} и уложена_{стат.}' <по контексту — автором письма> (AbB 12, 194:8 сл.); *ištu ITU 1 KAM maršāku_{стат.}-ma nadiāku_{стат.}* 'Вот уже месяц как я болею_{стат.} и лежу_{стат.}' (стив глагола *nadūm* 'класть', AbB 1, 18:11).

Суффиксальное спряжение переходных глаголов тяготеет к нейтрализации диатезных противопоставлений. Это проявляется прежде всего в том, что стивы ряда переходных глаголов свободно употребляются как в одноместной пассивной конструкции (с подлежащим — семантическим объектом исходной ситуации), так и в двухместной конструкции, где субъект и объект исходной ситуации сохраняют свои синтаксические роли подлежащего и прямого дополнения. Ср. следующие примеры употребления стива глагола *šabātum* с базовым пунктивным значением 'схватить': *kīma šabtū_{стат.}-ma ul unakkirū* 'когда они (были) схвачены_{стат.}, они не отрицали <этого>' (AbB 6, 190:19 сл.); *awīlum ša hulqum_{ном.} ina kātī-šu šabtu_{стат.}* 'человек, в чьей руке схвачена_{стат.} (= 'у которого найдена') пропавшая вещь_{ном.}' (CH § 9 verso 7:6 сл.); *eklam_{акк.} šabtū_{стат.}* 'они держат_{стат.} земельный надел_{акк.}' (AbB 11, 189:5); *ša arhīš*

*atlukim*_{инф.} *ina kātīya šabtāku*_{стат.} ‘вскоре я собираюсь отправиться в путь’, букв. ‘я держу_{стат.} в своей руке (дело) быстрого отправления_{инф.}’ (AbB 12, 53:32–35); *ša šeʿim kamāsīm*_{инф.} *šabtāku*_{стат.} ‘Я занимаюсь_{стат.} сбором_{инф.} зерна’ (AbB 8, 155:9). Ср. также отчасти сходные примеры статива глагола *parāsum* с базовым значением ‘отрезать’: *gerrum*_{ном.} *paris*_{стат.} ‘путь_{ном.} перекрыт_{стат.}’ (AbB 6, 64:10); *kauyān kakkī u tāḫazam epēšam*_{акк.} *ul parsāku*_{стат.} ‘Я никогда не перестаю_{стат.} воевать_{акк.} <с твоим врагом>’ (A.1289+ III 44).

Таким образом, в двухместных стативных конструкциях с аргументами в именительном и винительном падежах именительный падеж обычно кодирует семантический субъект исходной ситуации, но изредка и семантический объект: PN_{ном.} *ardī bīṭya*_{акк.} *rakis*_{стат.} ‘Имярек_{ном.} обязал_{стат.} моих домашних рабов_{акк.} <посредством контракта>’ (AbB 12, 72:13–16); *anāku*_{ном.-та} *kabsāk*_{стат.} *-šunūti*_{акк.} ‘Это я растопчу (= уничтожу) их’ (ARMT 10, 53:16 = ARMT 26/1, 195); *šumma awīlum*_{ном.} *kalbam*_{акк.} *našik* ‘если человек_{ном.} укушен собакой_{акк.}’ (Köcher BAM 393 rec.); *šumma martum*_{ном.} *išissa*_{ном.} *šīram*_{акк.} *katim*_{стат.} ‘если основание_{ном.} желчного пузыря покрыто_{стат.} плотью_{акк.}’ (YOS 10, 31 IV 27). Все известные примеры аккузатива, соответствующего деятелю или инструменту в семантически пассивной конструкции со стативом (*šumma awīlum*_{ном.} *kalbam*_{акк.} *našik* ‘если человек_{ном.} укушен **собакой**_{акк.}’), происходят из гадательных текстов (исследователи аккадской грамматики склоняются к тому, чтобы видеть здесь «адвербиальный аккузатив», а не регулярное выражение агенса).

Трехместные глаголы с реципиентной/адресатной валентностью сохраняют в суффиксальном спряжении соответствующий аргумент, который может продвигаться в тематическую позицию, оформляясь номинативом: 2 GIN₂ *kaspam nadnāk*_{стат.} *-šum*_{дат. п.} ‘Я дал_{стат.} (по контексту = ‘обещал дать’) ему_{дат. п.} два сикля серебра’ (AbB 4, 149:10); *ištēn alpum ul nadiš*_{стат.} *-šum*_{дат. п.} ‘Ни один бык не дан_{стат.} ему_{дат. п.}’ (LH 1:22); *ša eli-šu īšū anāku*_{ном.-та} *emdeku*_{стат.} 1-е л. ед. ч. ‘От меня_{ном.} требуется_{стат.} 1-е л. ед. ч. (заплатить) то, что они должны взыскать с него’ (AbB 6, 70:20 сл.).

Если исходная ситуация имеет неопределенно-личный агенс, который в А.я. выражается глаголом 3-го лица множественного числа мужского рода (см. 2.5.3.), то статив употребляется в той же форме и сохраняет неопределенно-личное значение: *watram*_{акк.} *ša*_{акк.} *ina kanīkim lā šaṭrū*_{стат. мн. ч. -šu} *акк. ana ilkim mulli* ‘Определи на (эту) должностя дополнительного (работника)_{акк.} **которого**_{акк.} **не вписали**_{стат. мн. ч. + акк.} **в документ с печатью**’ (AbB 2, 1:26 сл.); *kunuk* PN *ana* PN₂ *panu*_{лок.} *riksi laptū*_{стат. мн. ч.} ‘На лицевой стороне_{лок.} упаковки написано (букв. ‘написали’)_{стат. мн. ч.}: «Печать имярека (предназначенная) для имярека₂»’ (RA 59, 155:11).

Пассивной ориентацией стативов переходных глаголов объясняется и тот факт, что глаголы производных пород с пассивными словарными значениями (а именно N-порода и t-породы) слабо засвидетельствованы в суффиксальном спряжении: соответствующая семантика во многих случаях успешно выражается стативами исходной породы. Так, у частотного глагола *epēšum* ‘делать’ есть N-производное ‘делаться’ (в пассивном употреблении), но статив у этого глагола не засвидетельствован, вместо него употребляется статив G-породы: *aššum amtim annītim... anāku lemniš epēšeku*_{стат.} ‘Из-за этой рабыни... я испытываю дурное обращение_{стат.}’ (AbB 1, 67:3’ сл.).

Стативы одноместных предельных глаголов описывают результативное состояние своего единственного аргумента: *ištēn awīlum*_{ном.} *ḫalik*_{стат.} ‘Один человек исчез’ (AbB 11, 157:18’).

Как видно из приведенных выше примеров, временная локализация форм суффиксального спряжения определяется точкой отсчета, заданной контекстом. Обозначаемая суффиксальным спряжением ситуация наблюдается в точке отсчета либо — реже — следует за ней. В письмах наиболее частотной точкой отсчета оказывается момент речи.

Как показывают некоторые примеры, результативная ситуация иногда (в зависимости от лексического значения глагола) приобретает имперфективный видовой оттенок, в подходящих контекстах — значение настоящего времени (обычно неактуального, но см. также ниже). Это характерно, в частности, для пунктивных глаголов с семей «хватания» (*šabtāku* ‘я обладаю’, см. выше), а также для глаголов с типом значения, пограничным между состоянием и непредельным процессом. В этом последнем случае у ряда глаголов в семантической зоне настоящего наблюдается даже «конкуренция» между стативом и презенсом, скорее всего с тонкой дифференциацией в значении, которую трудно описать строго при нынешнем состоянии источников: *libbašu parad*_{стат.} ‘Он боится_{стат.}’ (ARMT 2, 14:20); *libbašu iparrud*_{през.} ‘Он боится_{през.}’ (ARMT 26, 169:7’); *nizikta*_{акк.}-*ki-ma anazziḫ*_{през.} ‘Я забочусь_{през.} о том, что заботит тебя (букв. ‘о твоей заботе_{акк.}’)’ (AbB 7, 45:6 сл.); *kīma tešmē nazḫāku*_{стат.} ‘Как ты слышала, я озабочен_{стат.}’ (AbB 7, 22:9).

В старовавилонском имеются две группы метонимических употреблений, в которых суффиксальное спряжение предельных глаголов обнаруживает динамическую, а не результативную семантику:

— сдвиг от результативного значения к претеритальному: *alpū... ḥalkū*_{стат.}-*ma ina kāti PN iṣbatū*_{прет.}-*šunu* ‘Быки пропали_{стат.}, но затем их обнаружили_{прет.} у имярека’ (LH 28:4–8); *ina panītim ana LUGAL.MEŠ šunūti awātam kīam šabtāk*_{стат.}-*šunūšim* ‘Некоторое время тому назад я обратился_{стат.} к этим царям с такой речью’ (A.1025:5 сл.);

— сдвиг от результативного значения к процессуальному, вследствие чего суффиксальное спряжение в ряде случаев способно обозначать предельные процессы, одновременные моменту речи: *LÚ.TUR PN₁ u LÚ.TUR PN₂ tuppātim ana šēr bēlīya našū*_{стат.} *u ana Mari ḥarrān-šunu* ‘Слуга имярека₁ и слуга имярека₂ несут (букв. ‘имеют при себе’) _{стат.} таблички для моего господина (= для тебя), и их путь (ведет) в Мари’ (ARMT 27, 467:5–8); *PN 2 līm amurram ihuzam-ma ana qaqqadi-ka-ma šurdu*_{стат.} ‘Имярек взял две тысячи амореев и выдвигается_{стат.} в твою сторону <поэтому следует усилить охрану городской стены>’ (AS 22, 7:3–8). В письмах на староассирийском диалекте предельное значение в плане настоящего хорошо засвидетельствовано у стativa глагола *našāʔum* (он соответствует ст.-вав. *našūm*), например *awilum kaspam 10 manā aš-šērī-ka našʔ*_{стат.}-*am*_{венг.} ‘(Этот) человек несет_{стат.} к тебе_{венг.} 10 мин серебра’ (CCT 4, 33b:15 сл.). Из описания вентива в 2.3.6. следует, что «адресатный» вентив, дублирующий директивную предложную группу *ana šērī-ka* ‘в твою сторону, к тебе’, употребляется лишь с глаголами движения; следовательно, суффиксальное спряжение глагола *našāʔum* с базовым стативным значением ‘иметь при себе’ (или ‘нести на себе’) выступает здесь как форма настоящего времени у глагола движения с валентностью на конечный пункт перемещения.

Вероятно, что семантическим звеном между результативом и предельным процессом является имперфективное прочтение, характерное для нескольких групп глаголов в суффиксальном спряжении, как это было показано выше.

Формы суффиксального спряжения у глаголов со стативной семантикой обозначают нерезультативные состояния, локализуемые в точке отсчета, которая в письмах

обычно совпадает с моментом речи: *ṣuḥārum ina māṭ Ṣubartim wašib*_{стат.} 'Этот слуга находится_{стат.} в земле Шубартум' (AbB 12, 60:11–12); *aḥūka annikām dawdām idūk*_{прет.} *u atta ašrānum ina birīt sinniṣātīm ṣallāt*_{стат.} 'Здесь твой брат одержал победу_{прет.}, а ты там бездельничаешь_{стат.} (букв. 'лежишь') среди женщин' (ARMT 1, 69:11'). Дуративный оттенок в значении сближает этот тип суффиксального спряжения со стативами относительно низкотранзитивных двухместных глаголов (*ṣabtāku* 'я имею <нечто>', *našʔam* 'он несет <нечто> к тебе'), между тем как их нерезультативный характер роднит их с рассматриваемыми далее описательными (или «качественными») стативами.

Стативы глаголов качества обозначают свойства, например *tāb* 'он хорош', *damik* 'он хорош/красив/благ', *rapaš* 'он широк', *mād* 'он многочислен'. Эти описательные стативы схожи с именными предикатами в номинативе тем, что малочувствительны к видовым и временным отношениям: *igerrūšu ul damik*_{стат.} 'Оракул для него — неблагоприятен' (букв. 'не **хорош**') (ARMT 10, 4:10 сл.); *awilum dan*_{стат.} '(Этот) человек **могуществен**' (ARMT 10, 73:14); *awilum sar*_{стат.} '(Этот) человек **лжив**' (AbB 6, 188:41'); *ḥaššū ša bēlīya rapšū*_{стат.} 'Административные округа моего господина обширны' (ARMT 26/1, 171:17). В текстах такие стативы изредка заменяются предикативными отглагольными прилагательными в номинативе, которые обычно имеют постпозитивный маркер ремы *-ma*: *bīt mārṭika damḫum*_{ном.} *-ma* 'Дом твоей дочери прекрасен_{ном.}' (ARMT 26/1, 13:12 сл.); *šeʔum ul māḏum*_{ном.} 'Ячменя немного_{ном.}' (AbB 9, 88:15). Продуктивные отглагольные прилагательные *parVs-* всех остальных семантических типов глаголов не употребляются в старовавилонском предикативно, т. е. предложения вида **imittašu nasiḫtum*_{ном.} *-ma* 'Его плечо вырвано_{ном.}' или **wardum ḥalkum*_{ном.} *-ma* 'Раб — пропавший_{ном.}' не засвидетельствованы.

Стативы изредка образуются от прилагательных, не имеющих морфологической модели *parVs-*, и от существительных (обе эти группы стативов описаны в 2.3.4. как *status predicativus*, т. е. предикативная форма имен). По качественной семантике стативы, образованные от прилагательных, близки к суффиксальному спряжению глаголов качества: *ištu ṣeḫherēku* 'с тех пор как я (был) **молод**' (AbB 3, 16/17:13); *ištu ūmim ša bēlī ana ḥarrān balātim ūšū šamū kayyān* 'С тех пор как мой господин отправился в опасный поход, дождь бывает регулярно (букв. '**постоянен**')' (ARMT 5, 73:5 сл.).

Наиболее далек от глагольной сферы *status predicativus* существительных. Существительные употребляются в предикативной форме преимущественно в том случае, когда они в функции сказуемых обозначают статус людей: *šina sinniṣā* 'Они (уже взрослые) **женщины**' (ARMT 1, 64:12); *sinništum šī ul aššat* 'Эта женщина — не **жена** (= не считается женой)' (CH § 128); *awilum šū šarrāḫ* 'Этот человек — **вор** (= виновен в краже)' (CH § 7); *lū ṭibārānu* 'Будем же **партнерами!**' (Bab. 12, 41:6); *lū awilāti-ma ana tērti abika iʔid-ma* 'Будь же (достойным) **человеком** и слушай отцовские указания!' (KTS 1b:11). Спрягаемые существительные, подобно глагольным стативам (но в отличие от предикативных существительных в именительном падеже), не принимают определений. Поскольку в старовавилонских и староассирийских письмах, которые из доступных нам памятников классической эпохи А.я. ближе всего к разговорному языку, предикативная форма существительных засвидетельствована весьма слабо, есть основания полагать, что она возникла по аналогии с суффиксальным спряжением адъективных глаголов в результате поэтапной отмены ограничений на

семантику и форму основы суффиксального спряжения. Об употреблении суффиксального спряжения в разных типах сложных предложений см. 2.5.4.

Глаголу А.я. присуща категория **накло**нения.

Повелительное наклонение имеет формы 2-го лица мужского и женского рода в единственном числе и общую форму для обоих родов во множественном числе. Суффиксальные показатели императива идентичны соответствующим показателям префиксальных спряжений в индикативе (-∅, -ī, -ā). Основа императива в G тождественна основе претерита, но отличается от нее вставкой эпентетического гласного между первым и вторым радикалом. У подавляющего большинства глаголов этот гласный идентичен типовому: *parāsum (iprus)* 'резать' > *purus, purs-ī, purs-ā; paḳādum (ipḳid)* 'назначать' > *piḳid, piḳd-ī, piḳd-ā; tabālum (itbal)* 'уносить' > *tabal, tabl-ī, tabl-ā*. Исключение составляют некоторые глаголы с типовым гласным *a*, которые имеют эпентетический *i* в императиве, например *lamādum* 'обучаться' (*il-mad*) > *limad, limd-ī, limd-ā*. К этой группе относятся также глаголы *rakābum* 'ездить верхом', *pašāḫum* 'успокаиваться', *takālum* 'полагаться', *palāḫum* 'бояться'. Основы императива в производных породах имеют следующий вид (V — типовой гласный претерита G): Gt *pitrVs*, Gtn *pitarrVs*, D *purris*, Dt *putarris*, Š *šupris*, Št *šutapris*, N *napris*, Ntn *itaprVs*.

Повеление в 1-м лице единственного числа и 3-м лице единственного и множественного числа выражается путем присоединения к основе претерита особых префиксальных показателей *lu-* (1-е л. ед. ч.) и *li-* (все формы 3-го л.): 1-е л. ед. ч. G *lu-prus*, D *lu-parris*, Š *lu-šapris* и т. д.; 3-е л. ед. ч./мн. ч. G *li-prus(ū)*, D *li-parris(ū)*, Š *li-šapris(ū)* и т. д. Функционально тождественные формы 1-го лица множественного числа образуются сочетанием частицы *i* с формами 1-го лица множественного числа претерита: *i niprus* 'Пусть мы разрежем!'. В традиционных описаниях А.я. формы с *lu-/li-* называют прекативными, формы с *i* — когортативными, в более современных исследованиях оба типа форм часто объединяют в рамках единой категории **прекати**ва. Кроме того, для выражения повеления могут использоваться формы статива с частицей *lū* (в традиционных описаниях для этой конструкции также используется термин «прекатив»): *lū balḫāta* 'Да будешь ты жив!'. Эту функцию частицы *lū* не следует смешивать с ее употреблением перед глагольными формами префиксальных спряжений (обычно претерита), где она имеет утвердительное значение (*lū ēpriš* 'воистину я сделал'). Формы императива и прекатива используются только для позитивных приказаний, об отрицательных приказаниях см. 2.3.6.

Показатель **субъюнк**тива *-u* присоединяется к глагольным формам с нулевым окончанием, являющимся предикатами придаточного предложения (*iprus-u, iparras-u, iptars-u, pars-u*). Формы с вокалическими суффиксальными показателями в той же синтаксической позиции остаются немаркированными. В стативе регулярное присоединение показателя субъюнктива в старовавилонском характерно лишь для форм 3-го лица мужского рода единственного числа. В некоторых старовавилонских текстовых корпусах (и отдельных документах) отмечается употребление показателей субъюнктива *-uni* (обычного для ассирийского диалекта А.я.) и *-(u)na*.

Формы, произведенные от некоторых классов глагольных корней (слабые корни), могут отличаться от соответствующих форм парадигмы сильного глагола.

Характерной чертой вавилонского диалекта А.я. является появление *ē* вместо ожидаемого *ā* в парадигме некоторых сильных глаголов (*te-šebber* 'ты ломаешь' vs.

ta-pakḫid ‘ты назначаешь’). Подавляющее большинство таких глаголов имеет в качестве одного из согласных *r* или *l* или *-i-* в качестве типового гласного (который также может переходить в *-e-*).

У глаголов *In* наблюдается ассимиляция *n* следующему за ним согласному: *ikḫur* ‘он сломал’ (< *inḫur), *ušaḫḫir* (< *ušaḫḫir) ‘он заставил сломать’. Исключение составляют формы перфекта *N* и все формы *Ntn*, где ассимиляция не происходит (*ittanḫar*). В формах императива, инфинитива и отглагольного прилагательного *N* ассимиляция факультативна: *nanḫurum/nakḫurum*, *nankis/nakkis* и т. д. В формах императива *G* первый корневой *n* отсутствует: *uṣur* < *naṣārum*, *ikis* < *nakāsum*. То же явление наблюдается в формах инфинитива, императива и отглагольного прилагательного пород *Gt*, *Gtn* и *Ntn* (*itanḫurum* < *nitanḫurum).

Спряжение глаголов с историческим ларингалом в качестве второго и третьего радикала структурно не отличается от спряжения глаголов со вторым и третьим *w/y* и рассматривается ниже, в то время как формы глаголов с историческим ларингалом в качестве первого радикала имеют специфические особенности, лишь отчасти напоминающие спряжение глаголов с *Iw/y* (на примере глагола *akālum* ‘есть’):

— в позиции начала слова ларингал падает (*akālum* (инф. *G*) < **?akālum*);

— закрывающий слог ларингал выпадает, удлиняя предшествующий гласный во всех формах пород *G*, *D*, *Ṣ* и связанных с ними — *īkul* (прет. *G*) < **i-?kul*, *mūtakkil-* (прич. *Dt*) < **mu?takkil-*, *uštākil* (перф. *Ṣ*) < **ušta?kil*. Исключениями являются формы презенса *Ṣ* и *Ṣt*, а также все формы *Ṣtn*, где вместо удлинения гласного удваивается второй радикал — *uṣakkal*, *uštakkal*, *uštakkil*, *uṣtanakkil* вм. *uṣākal, *uštākal, *uštākil, *uṣtanākil;

— интервокальный ларингал вместе со следующим за ним гласным выпадает во всех формах *G*, *D* и связанных с ними пород (*ikkal* (през. *G*) < **i?akkal*, *mukkil-* (прич. *D*) < **mu?akkil-*);

— в формах императива *G* **-u-/*-i-* в первом слоге переходит в *a* (*akul* < **?ukul*). Сходный переход **-i-* в *a* наблюдается в формах императива, инфинитива и статива пород *Gt* и *Gtn* (*atkul-* (инф. *Gt*) < **?itkul-*);

— в породе *N* сочетании **-n?*- переходит в *-nn-* (*innakil* (прет.), *innakkal* (през.) < **in?akil*, **in?akkal*). В то же время у двух глаголов (*abātum* ‘разрушать’ и *adārum* ‘бояться’) наблюдаются формы, аналогичные формам сильного глагола (през. *i?abbat*, *i?addar*).

Глаголы *III* распадаются на два класса, различие между которыми состоит в наличии или отсутствии «*e*-окрашивания». Принадлежность к тому или другому классу обусловлена характером исторического ларингала: у глаголов с историческим «сильным» ларингалом долгий и краткий *a* в основах и показателях переходит в *e* (*epēšum* ‘делать’ vs. *akālum*, *ēpuš* ‘я сделал’ vs. *ākul*, *epš-et* ‘она сделана’ vs. *akl-at*). Исключением является суффикс *-ā*: *epš-ā* ‘они (ж. р.) сделаны’.

Формы глаголов с *Iw/y* в *G* образуются по одному из двух типов. Спряжение по первому типу характерно для большинства глаголов с *Iw*, по второму типу спрягаются глаголы с *Iu* и небольшая группа глаголов с *Iw*. Поскольку все глаголы с *Iw*, спрягающиеся по второму типу, являются глаголами качества и состояния, можно утверждать, что выбор типа спряжения глаголов *Iw* обусловлен семантикой глагольной лексемы. Основные формы глаголов с *Iw/y* в *G* имеют следующий вид.

Спряжение глагола по типу I
(на примере глагола *wašābum* 'сидеть')

		Претерит	Презенс	Перфект	Императив	
Ед. ч.	3-е л.	<i>ūšib</i>	<i>uššab</i>	<i>ittašab</i>		
	2-е л.	м. р.	<i>tūšib</i>	<i>tuššab</i>	<i>tattašab</i>	<i>šib</i>
		ж. р.	<i>tušbī</i>	<i>tuššabī</i>	<i>tattašbī</i>	<i>šibī</i>
	1-е л.	<i>ūšib</i>	<i>uššab</i>	<i>attašab</i>		
Мн. ч.	3-е л.	м. р.	<i>ušbū</i>	<i>uššabū</i>	<i>ittašbū</i>	
		ж. р.	<i>ušbā</i>	<i>uššabā</i>	<i>ittašbā</i>	
	2-е л.	<i>tušbā</i>	<i>tuššabā</i>	<i>tattašbā</i>	<i>šibā</i>	
	1-е л.	<i>nūšib</i>	<i>nuššab</i>	<i>nittaššab</i>		

Спряжение глагола по типу II
(на примере глагола *enēḫum* 'сосать', *warāḫum* 'быть зеленым')

		Претерит	Презенс	Перфект	Императив	
Ед. ч.	3-е л.	<i>īniḫ</i>	<i>inniḫ</i>	<i>īteniḫ</i>		
	2-е л.	м. р.	<i>tēniḫ</i>	<i>tenniḫ</i>	<i>tēteniḫ</i>	<i>eniḫ</i>
		ж. р.	<i>tēniḫī</i>	<i>tenniḫī</i>	<i>tēteniḫī</i>	<i>enḫī</i>
	1-е л.	<i>ēniḫ</i>	<i>enniḫ</i>	<i>ēteniḫ</i>		
Мн. ч.	3-е л.	м. р.	<i>īniḫū</i>	<i>inniḫū</i>	<i>ītenḫū</i>	
		ж. р.	<i>īniḫā</i>	<i>inniḫā</i>	<i>ītenḫā</i>	
	2-е л.	<i>tēniḫā</i>	<i>tenniḫā</i>	<i>tēteniḫā</i>	<i>enḫā</i>	
	1-е л.	<i>nīniḫ</i>	<i>ninniḫ</i>	<i>nīteniḫ</i>		

Основные различия между двумя типами обобщаются следующим образом:

- аблаут *i/a* в типе I vs. устойчивый *i*-вокализм в типе II;
- *i*-вокализм префиксов в презенсе и претерите типа I vs. *i/e*-вокализм в типе II. Распределение гласных *ī* и *ē* в типе II соответствует распределению *i* и *a* в префиксах сильного глагола;
- односложная основа императива в типе I vs. двусложная основа на *e*- в типе II;
- вокалическая синкопа в формах претерита типа I vs. полногласные формы в типе II. Оперативность вокалической синкопы предполагает краткость префиксального гласного (*ubil*, а не *ūbil*), что входит в противоречие с обычной реконструкцией этих форм как **yawbil* (но не с альтернативной реконструкцией **yu-bil*, сопоставимой с араб. *ya-kif*);
- краткий гласный префикса и удвоенный *-t-* в формах перфекта типа I vs. долгий гласный и неудвоенный *-t-* в типе II. В старовавилонском для типа I характерны также образования вида *i-t-bal*.

Основные черты спряжения глаголов Iw/y в производных породах:

- в породе D спряжение глаголов Iw не отличается от спряжения сильного глагола (прет. *u-waššir* и т. д.), в то время как для глаголов Iy характерны слабые формы (прет. *unniḫ*, през. *unnaḫ* и т. д.);
- в породе Š *šu + w/y* дает *šū* у всех глаголов Iw/y, в то время как *ša + w/y* может переходить в *šū*, *šā* или *šē*. Лексические, хронологические и диалектальные особен-

ности выбора между этими тремя типами стяжения остаются не вполне ясными. В старовавилонском формы с *šē-* характерны для всех глаголов Iy, а также для глаголов *warādum* 'спускаться' и *wašābum* 'сидеть' (*u-šē-rid*, *u-šē-šib*). Другие глаголы обычно имеют *šā-* (*u-šā-bil* 'он отправил' < *wabālum* 'нести'), формы с *šū-* встречаются лишь в поэтических текстах;

— в презенсе пород *Š* и *Št* наблюдается удвоение второго корневого согласного вместо ожидаемого долгого *ā* перед ним (*ušabbal*, *uštabbal*);

— в породе N спряжение глаголов с Iw не отличается от спряжения сильного глагола (*iwwašib* и т. п.), в то время как у глаголов с Iy первый согласный ассимилируется префиксу породы (*inneniḳ* и т. п.).

Глаголы с срединным слабым подразделяются на четыре класса согласно вокализму претерита:

I — *u*-глаголы: *kānum* 'быть надежным, верным', прет. *i-kūn*;

II — *i*-глаголы: *rābum* 'возмещать', прет. *i-rīb*;

III — *a*-глаголы: *šānum* 'покупать', прет. *i-šām*;

IV — *e*-глаголы: *bēlum* 'господствовать', прет. *i-bēl*.

Как правило, типовой гласный претерита обусловлен характером слабого согласного (*-ū-* — **-w-*, *-ī-* — **-y-*, *-ā-* — **H₁*, *-ē-* — **H₂*), исключения редки (например *bāšum* 'стыдиться', прет. *ibāš* при корне *bwš* < прасем. **bwl*). В большинстве форм породы G типовой гласный остается неизменным (перф. *iktūn*, *irtīb*, *ištām*, *ibtēl*; имп. *kūn*, *rīb*, *šām*, *bēl* и т. д.). В презенсе в формах без суффиксов вместо типового гласного появляется *ā* (у глаголов типа IV — *ē*), в то время как в формах с суффиксами вновь проявляется типовой гласный, а третий радикал удваивается (*i-kān*, *i-rāb*, *i-šām*, *i-bēl*; *i-kunn-ū*, *i-ribb-ū*, *i-šamm-ū*, *i-bell-ū*). Формы инфинитива и причастия одинаковы для всех четырех типов (*kānum*, *rābum*, *šānum*, *bēlum*; *kā?inum*, *rā?ibum*, *šā?inum*; причастия для глаголов типа IV не зафиксированы). Эта симметричная картина, обычная для позднейших вавилонских диалектов, в старовавилонском отличается тем, что у глаголов типа II в бессуффиксальных формах презенса и в инфинитиве стяжение обычно не наблюдается (*i-rīab*, *rīābum*). В староаккадском и староассирийском архаичные формы такого типа характерны и для *u*-глаголов (*i-kūan*, *kuānum*). Среди производных пород хорошо засвидетельствованы только D и Š, спряжение которых одинаково для всех четырех типов. Основные формы D: прет. *u-kīn*, мн. ч. *u-kīn-ū*; през. *u-kān*, мн. ч. *u-kann-ū*, перф. *u-ktīn*, мн. ч. *u-ktinn-ū*; имп. *kīn*, мн. ч. *kinn-ā*; прич. *mukinnum*, инф. *kunnum*; основные формы Š: прет. *u-škīn*, мн. ч. *u-škin-ū*; през. *u-škān*, мн. ч. *u-škann-ū*; перф. *u-štakīn*, имп. *šukīn*, прич. *muškinnum*, инф. *šukūnum*.

Глаголы с последним слабым согласным

	Претерит	Презенс	Перфект	Инфинитив
I	<i>ibni</i>	<i>ibanni</i>	<i>ibtani</i>	<i>banūm</i> 'строить'
II	<i>imnu</i>	<i>imannu</i>	<i>imtanu</i>	<i>manūm</i> 'считать'
III	<i>ikla</i>	<i>ikalla</i>	<i>iktala</i>	<i>kalūm</i> 'задерживать'
IV	<i>ilke</i>	<i>ilekke</i>	<i>ilteke</i>	<i>lekūm</i> 'брать'

Во всех формах префиксального спряжения конечный слабый согласный падает, при этом в рамках одного класса наблюдается один и тот же типовой вокализм. В ранних старовавилонских текстах в презенсе IV класса встречаются формы с *-a-* вместо *-e-* во втором слоге (*ilakke*). Принято считать, что выбор типового гласного зави-

сит от исторического третьего радикала (I = Шу, II = Шw, III = ШН₁, IV = ШН₂), однако, как показывают некоторые противоположные примеры (*našûm* 'поднимать' ШН₁, през. *inašši* или *tebûm* 'тонуть' ШН₂, през. *tebbu*), это представление не вполне верно. Формы императива имеют двусложную структуру, эпентетический гласный между первым и вторым согласным совпадает с типовым (*bini, munu, leke*), за исключением глаголов класса III, которым присуща вставка *-i-* (*kila*). При присоединении суффиксальных показателей имеют место стяжения гласных: $-\check{V} + \bar{a} > -\hat{a}$ (*ibn-â < *ibni-ā*), $-\check{V} + \bar{i} > -\hat{i}$ (*tabn-î < *tabni-î*); $-\check{V} + \bar{u} > -\hat{u}$ (*ibn-û < *ibni-û*); сочетания *-e/-i + ā* в старовавилонском обычно не стягиваются (*ibniā, ilkeā* и т. д.). Модели причастия и инфинитива в классах I–III одинаковы (*bānûm*, ж. р. *bānītum; banûm*); в классе IV они имеют вид *lêkûm, lekûm*. Основы форм производных пород в целом тождественны соответствующим основам сильных глаголов; при присоединении суффиксальных показателей действуют обычные правила контракции гласных.

В отличие от многих западносемитских языков, глаголы с удвоенным вторым радикалом спрягаются без отклонений, заслуживают упоминания лишь односложные формы статива у глаголов со стативной семантикой: *dan* 'он силен' < *danānum* vs. *madid* 'он измрен' < *madādum*. Удлинение гласного (*dān*), постулируемое для таких форм в традиционных описаниях, едва ли обоснованно. Необычными образованиями породы N удвоенного глагола принято считать лексемы типа *naʔarrurum* 'приходить на помощь' (прет. *inʔarrir*, *inʔarrir-û*, през. *inʔarrar*, *inʔarrar-û*).

Спряжение четырехсогласных глаголов в А.я. существенно отличается от западносемитского. Важнейшей особенностью является почти полное отсутствие четырехсогласных форм в основной породе (известны лишь немногочисленные примеры отглагольных прилагательных типа *ersûm* 'готовый'). Обычно четырехсогласные глаголы встречаются в породах N и Š (также Ntn и Štn), основные формы имеют следующий вид (на примере глагола *naparšudum* 'убегать, спастись бегством'): N прет. *ipparšid*, през. *ipparaššad*, перф. *ittaparšad*, имп. *naparšid*, инф. *naparšudum*, прич. *mupparšidum*; Š прет. *ušparšid*, през. *ušparaššad*, перф. *uštaparšid*, имп. *šuparšid*, инф. *šuparšudum*, прич. *mušparšidum*.

В грамматиках А.я. принято выделять еще один класс четырехсогласных глаголов, так называемый Š-класс. Речь идет о шести довольно частотных глагольных лексемах: *šuḥarrurum* 'прийти в ужас, онеметь', *šuparrurum* 'распространять', *šuḳallulum* 'подвешивать, быть подвешенным', *šuḳammumum* 'стихать', *šukênum* 'падать ниц', *šupêlum* 'изменять'. Долгое время считалось, что спряжение этих глаголов формально идентично спряжению породы ŠD (прет. *ušḥarrir*), однако Р.М. Уайтинг показал, что типичный для пород Š и D префиксальный *u*-вокализм у глаголов *šuḳammumum*, *šuḳallulum* и *šuḥarrurum* характерен лишь для поздних периодов, в то время как в старовавилонском наблюдаются «слоговые» префиксы *i/-a*-типа (*išḳallal*). По мнению Уайтинга, эти глаголы можно трактовать не как четырехсогласные, а как особые породные формы трехсогласного глагола с частичной редупликацией (ср. *šuḳallulum* и *šakālum* 'подвешивать').

Спряжение некоторых глаголов А.я. демонстрирует аномальные черты. Глагол *alākum* 'идти' восходит к общесемитскому **hlk*, однако его спряжение сильно отличается от остальных глаголов ІН: формы претерита и презенса различаются апофонией *i : a* (как у глаголов Іw), в то время как второй согласный в обеих формах подвергается удвоению: прет. *illik*, през. *illak*. В формах перфекта вместо обычного для глаголов ІН удлинения префиксального гласного имеет место удвоение *-t-*: *ittalak*.

Глаголы *idûm* (*edûm*) ‘знать’ и *išûm* ‘иметь’ представлены только одним набором форм префиксального спряжения (*îde*, *îšu*; примечательно совпадение форм 1-го и 3-го лица единственного числа). Морфологически эти формы являются претеритами, однако специального временного значения не имеют, т. е. функционально близки стативу (для их описания нередко применяется термин «префигированный статив»). Со стативом их сближает важная формальная особенность: при образовании прекатива показатель *lû* не сливается с личным префиксом: *lû îde* и *lû îšu* (вместо ожидаемых **lîde*, **lîšu*). Характерные для этих глаголов формы инфинитива на *i-* не имеют прецедента среди глаголов с первым слабым радикалом. Глагол *išûm* не имеет причастия, глагол *idûm* образует причастие с *m*-префиксацией (*mûdûm*). Глагол *išûm* не встречается в производных породах, в то время как формы, явно родственные глаголу *idûm*, зафиксированы в D со значением ‘уведомить, дать знать’. Эти формы, однако, представляют собой регулярные образования с корнем *wdH*: прет. *uweddi* и т. д. В традиционных описаниях А.я. в число неправильных включают также глаголы *izuzzum* (*uzuzzum*) ‘стоять’ и *itûlum* (*utûlum*) ‘лежать’. Основные формы глагола *izuzzum*: прет. *i-zziz*, мн. ч. *i-zziz(z)-û*; през. *i-zzaz*, мн. ч. *i-zzazz-û*; перф. *i-ttaziz*, мн. ч. *i-ttazizz-û*; имп. *iziz*, мн. ч. *izizz-â*; прич. *muzzizum*. Если анализировать эти формы как принадлежащие породе G, можно констатировать, что спряжение глагола *izuzzum* сочетает некоторые черты глаголов In и Iy, однако ряд его особенностей не имеет прецедента (сюда относится, например, удвоение последнего корневого согласного в ряде форм претерита, перфекта и императива). В то же время, как показал А. Пёбель, большинство упомянутых нерегулярных черт может быть убедительно объяснено, если рассматривать формы *izuzzum* как образования породы N от незафиксированного в G корня **zyz*. Точка зрения Пёбеля была поддержана и развита в специальном исследовании Дж. Хюнергарда, который предложил исключить *izuzzum* из круга глаголов с нерегулярным спряжением. Глагол *izuzzum* засвидетельствован также в породе Š со значением ‘ставить’ (прет. *u-šziz*, мн. ч. *u-šzizz-û*; през. *u-šzaz*, мн. ч. *u-šzazz-û*; перф. *u-štaziz*, мн. ч. *u-štazizz-û*; имп. *šziz*, мн. ч. *šzizz-â*; прич. *mušzizum*; инф. *šu-zuzzum*). Основные формы глагола *itûlum* (*utûlum*) ‘спать’: прет. *ittîl*, през. *ittêl* (Мари), *ittâl* (мл.-вав.), перф. *ittatîl*. Как показал Дж. Хюнергард, эти формы могут быть объяснены как регулярные образования породы Gt от хорошо известного глагола *niâlum* с тем же значением.

2.3.6. А.я. не имеет морфологических средств для выражения категории определенности / неопределенности. Принято считать, что некоторую функциональную близость к показателю определенности демонстрирует суффикс *-ân-*, встречающийся с именами лиц, профессий и т. п. (модели *parrâs-*, причастия G и D и некоторые другие). В некоторых старовавилонских текстах (например, в Законах Хаммурапи), встречаются контрастные пары, такие как *šarrâkum* и *šarrâkânium* ‘вор’ или *nâdinum* и *nâdinânium* ‘продавец’, однако характер оппозиции между ними не вполне ясен. Предполагают, что формам с *-ân-* присуще анафорическое значение (‘тот, вышеупомянутый’). В позднейшие периоды противопоставления такого рода полностью отмирают, причем для некоторых диалектов (например среднеассирийского), характерно превращение *-ân-* в относительно продуктивный суффикс имен лиц и профессий.

Основа указательных местоимений ближнего дейксиса имеет вид *anni-* (см. 2.4.0.), основа указательных местоимений дальнего дейксиса имеет вид *ulli-*, конкретные формы аналогичны формам ближнего дейксиса (ед. ч. м. р. *ullûm*, ед. ч. ж. р. *ullitum* и т. д.). Широко распространено употребление личных местоимений 3-го лица для

выражения анафоры: *awīlum šū* ‘этот/тот человек’, *awīlam šuāti* ‘этого/того человека’, *sinništum šī* ‘эта/та женщина’ и т. п.

Показатели *-am*, *-m*, *-nim* могут присоединяться к глагольным формам не только в качестве алломорфов дативной местоименной энклитики 1-го лица единственного числа, т. е. средств персонального дейксиса, но также для выражения пространственного дейксиса и смежных значений, рассматриваемых ниже. В этом случае их принято трактовать как показатели особой глагольной категории *вентива*. У статива вентивная морфема обычно присоединяется только к формам 3-го лица (за исключением форм единственного числа женского рода). Экспоненты вентива вытесняют показатель субъюнктива, если соответствующая глагольная форма является предикатом придаточного предложения: *ša illik-u* ‘тот, кто ушел’ vs. *ša illik-am* ‘тот, кто пришел’.

У морфемы *-am/-m/-nim* есть три группы значений:

— лативный вентив, обозначающий направление перемещения при глаголах движения: «сюда»/«туда»;

— дативная местоименная энклитика 1-го лица единственного числа («мне»);

— бенефактивный косвенно-рефлексивный вентив, не соответствующий обязательной синтаксической валентности глаголов, при которых он употребляется («для себя/себе»).

1. При глаголах движения морфема *-am/-m/-nim* является показателем глагольной ориентации и указывает на конечный пункт перемещения.

1а. Для обозначения движения в сторону говорящего («сюда») употребление вентива обязательно, т. е. глагольный локативный аргумент — директивная предложная группа, включающая местоимение 1-го лица единственного числа — сопровождается аллативным вентивом при глаголе. Если локативного аргумента при глаголе движения нет, в вентиве совмещаются значения дейктической глагольной ориентации («сюда») и дейктического глагольного аргумента, т. е. дативной энклитики 1-го лица единственного числа («мне»/«ко мне»): PN *ana maḫrī-ya, ṭurd₂-am*_{вент.} ‘Имярека (= PN) **ко мне**₁ отправь₂ (сюда)_{вент.}’ (passim); *ul₁ kaspa₂ tubl₃-am*_{вент.} *ul ṭēm-ka₅ tuterr₆-am*_{вент.} ‘Ты **не**₁ принес₃ (**сюда/ко мне**)_{вент.} серебро₂ (и) **не**₄ отправил₆ (**сюда/ко мне**)_{вент.} свой отчет₅’ (LH 21:5).

Ориентация глагольной ситуации относительно говорящего является исходным среди лативных значений вентива.

Вентив обязателен и тогда, когда конечный пункт перемещения — местонахождение не «я», но «мы»: *šuprā-nim*_{вент.} *-ma ša nippalu lū nīde* ‘Напишите (букв. ‘пошлите’) (сюда)_{вент.} чтобы **мы** знали, что **нам** отвечать’ (AbB 9, 111:14’ сл.). В таком употреблении вентив часто сочетается с энклитическим дативным местоимением 1-го лица множественного числа: *ša tašpur-an*_{вент.} *-niāšim* ‘то, что ты написал (сюда)_{вент.} **нам**’ (AbB 5, 86:6).

1б. Вследствие регулярной проекции своего пространственно-дейктического значения на адресата (что аналогично явлению эпистолярного перфекта глаголов движения в старовавилонских письмах, ср. 2.3.5.) вентив обязателен также для обозначения перемещения в направлении адресата/адресатов сообщения. В этом случае совмещенное кодирование ориентации ситуации и глагольного аргумента невозможно, поэтому последний выражается дативными энклитическими местоимениями 2-го лица либо имеет статус нулевого анафора: *anumma₁ ṭemam₂ ša₃ ešmū₄ ana šērīka₅ aštapr*_{эпист. перф.} *-am*_{вент.} ‘Вот₁, я послал_{эпист. перф.} (туда, где находишься ты)_{вент.} **к тебе**₅ весть₂, которую₃ я узнал₄’ (ARMT 2, 122:10 сл.); *inanna₁ anumma₂ PN aṭṭard*_{эпист. перф.} *-ak*_{вент.} *-kum*_{дат. мест. 2-го л. ед. ч. м. р.} ‘Вот₂, сейчас₁ я отправил_{эпист. перф.} (туда,

где находишься ты)_{вент.} К тебе_{дат. мест. 2-го л. ед. ч. м. р.} имярека' (ЛН 14:9 сл.); *wardum*₁ *kūm*_i *zikir*₂-*ka*_i; *izkur*₃-*am*₄-*ma ašpur*₅-**am**_{вент.} $\emptyset$ _i 'Твой_i слуга₁ назвал₃ мне₄ твоё_i имя₂, так что я написал₅ (туда, где находишься ты)_{вент.} $\emptyset$ _i' (AbB 3, 77:15 сл.).

1в. Дейктический центр, на который указывает вентив, иногда переносится на место нахождения неучастников речевого акта, а также на пространственные ориентиры, локализация которых не связана с речевым актом. Те и другие должны быть «поддержаны» локативными аргументами: *ana* PN *aštapr*-*am*_{вент.} 'Я написал (туда)_{вент.} имяреку' (AbB 4, 79:13); *kīma*₁ *ana Arraphim ērub*₂-*am*_{вент.} 'когда₁ я вошел₂ (туда)_{вент.} в Аррапху' (AbB 2, 87:6). В таких контекстах лативный вентив употребляется сравнительно редко (т. е. гораздо чаще отсутствует, нежели появляется).

2. При глаголах, не выражающих перемещения, морфема *-am/-m/-nim* имеет значение дативной местоименной энклитики 1-го лица единственного числа (ср. парадигму дативных местоименных суффиксов в 2.4.0.), т. е. в отличие от типа 1а обнаруживает семантику персонального, а не пространственного дейксиса: *annītam takbīā-nim* 'Вот что вы сказали мне' (ЛН 3:9).

Изредка вентив употребляется при глаголах с обязательным дативным аргументом, обозначающим неучастника речевого акта, и указывает на локализацию этого аргумента: *šittat še'im... ina kāti-šu-ma ipkīdū-nim*_i _{вент.} 'Они вручили (туда)_i _{вент.}, в его руку_i, остатки ячменя' (JCS 8, 10, No 119:8 сл.); 4 *šītam ša birīni ana PN_i addin*-*am*_i _{вент.} 'Я дал (туда)_i _{вент.} имяреку_i; четыре штуки принадлежащего нам обоим товара' (AbB 12, 52:27 сл.); *idin annītam aqbi*-*am*_{вент.} 'Дай! Вот что я сказал (туда)_{вент.}' (AbB 13, 148:1 сл.). Вентив при реципиентных глаголах никогда не соотносится с адресатом речевого акта, т. е. *aqbi-am* не значит 'я сказал тебе', так же как *iddin-am* не значит 'он дал тебе', и т. д. Для указания на реципиента-адресата употребляются дативные местоимения 2-го лица, ср. частотное *kītam aqbi-kum* 'Вот что я сказал тебе' (например AbB 4, 72:6; 6, 128:7; 7, 186:12).

3. Бенефактивный косвенно-рефлексивный вентив сочетается с разными классами глаголов, не обозначающих перемещения и не обладающих сильной реципиентной валентностью: *šumma-mi iḥliq*₁-*am*_{вент.} *ana ekallim*₂ *īrub*₃-*ma šarram*₄ *lummid*₅ 'Если она (= рабыня) исчезла₁ (себе)_{вент.} и пришла₃ во дворец₂, извести₅ (об этом) царя₄!' (AbB 10, 57:22 сл.); *išriq*-*am*_{вент.} 'Он украл (для себя)_{вент.}' (AbB 12, 172:6'); *šumma tallak*₁-*am kīma panī-ka-ma leke*₂-**am** 'Если ты придешь₁ (сюда)_{вент.}, возьми₂ (себе)_{вент.} по своему усмотрению' (AbB 5, 237:15' сл.).

Помимо этого, наблюдается также десемантизированное употребление вентива перед местоименными энклитиками. Для такого употребления можно выделить три позиции:

— в старовавилонском вентив принудительно употребляется перед прямо-объектным суффиксом 1-го лица единственного числа *-ni*. Таким образом, этот суффикс имеет формы *-annil-nni/-ninni* с той же дистрибуцией, что и алломорфы вентива: *šumma taramm-an-ni* 'если ты любишь меня' (AbB 9, 177:8). Перед прямо-объектным суффиксом 1-го лица множественного числа *-niāti* алломорф вентива *-an* весьма частотен, но не обязателен;

— вентив часто «расширяет» дативные местоименные энклитики при реципиентных глаголах, не внося никакого дополнительного значения: *liqbū-nik*_{вент.}-*kum* 'Пусть они скажут тебе' (AbB 12, 145:30); *idn-aš*_{вент.}-*šum* 'Дай ему' (AbB 8, 43:2');

— при глаголах движения вентив в составе сегмента *aš-šu(m)*, включающего также дативную местоименную энклитику 3-го лица единственного числа мужского рода, может быть истолкован в смысле 1в, т. е. как вентив, употребляющийся в порядке

проекции дейктического центра: *ana PN_i... ašpur-aš_{вент.}-šū_i* ‘Имяреку_i... я послал сообщение (туда?)_{вент.} ему’ (AbВ 12, 1:9 сл.). Однако высокая частотность такого употребления показывает, что в старовавилонском при глаголах движения *aš-šū(m)* стал семантически нечленимым алломорфом дативной энклитики 3-го лица единственного числа мужского рода. Возможно, что этот алломорф возник по формальной аналогии с *-ak-kum* при глаголах движения (1б) и распространился из-за прогрессирующего в старовавилонский период падения аффиксального *-m* в ауслауте словоформы, которое привело к формальному совпадению ряда дативных и аккузативных энклитик.

Для отрицания предиката главного предложения используется частица *ul(a)*, в то время как в вопросительных предложениях с вопросительным словом и в придаточных предложениях (в том числе в протасисе условных предложений) используется частица *lā*. Она же используется при именных лексемах: *lā šūm* ‘не принадлежащий ему’, *lā damqum* ‘нехороший’, *kasap lā kanikim* ‘серебро, не внесенное в документ’. Отрицательные приказания выражаются сочетанием отрицательной частицы *lā* с формами презенса: *lā taparras* ‘Не режь!’. Так же выражается косвенный запрет (*lā iparras* ‘Пусть он не режет!’). Такие сочетания принято определять как *п р о х и б и т и в*. Отрицательные пожелания выражаются сочетанием форм претерита с запретительной частицей, имеющей два алломорфа: *ē-* перед префиксами, начинающимися с гласного и *au-* перед вокалическими префиксами (*ē-taprus* ‘ты не должен резать’, *au-ipur* ‘он не должен резать’). Такие сочетания называют *в е т т и в о м*.

2.3.7. Имена прилагательные в основном не отличаются от существительных в плане деривации и словоизменения, однако следующие особенности позволяют выделить их в особый подкласс имен:

- обязательное обозначение женского рода в единственном числе;
- наличие специального показателя мужского рода во множественном числе (*-ūtum/-ūtīm*). Тот факт, что этот показатель нередко встречается при субстантивированных прилагательных и причастиях, не снижает значимости данного критерия;
- неупотребительность показателя двойственного числа (см. 2.3.3.).

Прилагательные обычно не встречаются в качестве первого члена сопряженного сочетания. Исключение составляет конструкция *rapaš uznim* ‘обширный умом’ (т. е. ‘некто с обширным умом’), выступающая в нескольких вариантах, самым примечательным из которых является сочетание типа *damq-am īnim* ‘благодатью глазом’, в котором прилагательное получает особый показатель, формально тождественный аккузативу с мимацией.

А.я. не имеет морфологических способов для выражения степеней сравнения прилагательных. Сравнительная степень может быть выражена предлогом *eli* ‘на, над’ (*awilum ša elišu rabū* ‘человек, который важнее его’ = ‘более важный человек’), превосходная — сопряженным сочетанием прилагательного и существительного во множественном числе (*šir ilī* ‘величайший из богов’). Высказывалась точка зрения, согласно которой отдельные отглагольные прилагательные породы Š (*šuprus-*) имеют значение превосходной степени: *watrum* ‘превосходный’ — *šūturum* ‘превосходящий всех’, *pašqum* ‘трудный’ — *šupšūqum* ‘труднейший’.

Ч и с л и т е л ь н ы е отличаются от остальных имен наличием свободно выделяемого консонантного корня, от которого производиться именные и глагольные лексемы: *šalaš* ‘три’ > *šaluštum* ‘треть’, *šalāšum* ‘делать что-л. трижды’. Кроме того, для них характерно синтаксически не обусловленное употребление в виде чистой основы (*status absolutus*).

Личные местоимения А.я. изменяются по родам (мужской и женский), числам (единственное и множественное) и падежам (в отличие от имен, здесь выделяются не три, а четыре падежа: именительный, винительный, родительный и дательный). В косвенных падежах встречаются два типа форм: энклитические с противопоставлением трех падежей и самостоятельные, где оппозиция между аккузативом и генитивом нейтрализуется. Местоименные энклитики используются гораздо чаще независимых форм, которые регулярно употребляются лишь с предлогами (формы дательного падежа с *ana* 'к, для', формы винительного/родительного падежа с остальными предлогами). Напротив, местоименные энклитики с большинством предлогов не сочетаются (важные исключения: *eli* 'на', *itti* 'с', *aššum* 'из-за').

Единственная употребительная в старовавилонском форма относительного местоимения имеет вид *ša* (не склоняется и используется для всех родов и чисел). Архаические формы женского рода и множественного числа (*šāt*, *šūt*) этого местоимения встречаются лишь в функции *nota genitivi* в некоторых лексикализованных сочетаниях (см. 2.5.2.).

В число вопросительных местоимений входят *mannum* 'кто?', *mīnum* 'что?' (в ст.-вав. чаще *mīnūm*), *auuum* 'какой?' (ед. ч. ж. р. *auuūtum*, мн. ч. м. р. *auuūtum*, мн. ч. ж. р. *auuūtum*; форма *auuūtum*, возможно, указывает на *-ū* в ед. ч. м. р.: *auuūm*). Все три вопросительных слова изменяются по падежам: *mannam* 'кого?', *ana mannim* 'кому?' и т. д.

В основе форм неопределенных местоимений лежат соответствующие формы вопросительных местоимений: *tammam* (< *tamman) 'кто-нибудь', *mimma* (< *mīn-ma) 'что-нибудь' (обе формы несклоняемы), *auuutma* 'какой-нибудь' (акк. *auuutma*, ед. ч. ж. р. *auuūtumma*, мн. ч. м. р. *auuūtumma*, мн. ч. ж. р. *auuūtumma*). В отрицательных предложениях те же формы используются в качестве отрицательных местоимений: *tammam ul taṣrudam* 'ты не послал (ко мне) никого'. От несклоняемого местоимения *mimma* образовано существительное *mimūm* 'что-л., принадлежащее кому-то'. Это частотное слово (функционально близкое к неопределенному местоимению) используется только в *status constructus*, особенно перед местоименными суффиксами: *mimmē awīlim šuāti* 'что-либо, принадлежащее этому человеку', *mimmū/ā/ī-šu* 'что-л. (ном./акк./ген.), принадлежащее ему'.

В функции возвратного местоимения употребляется существительное *ramānum* с местоименными суффиксами (*ramānšu* 'он сам', *ina ramānīšu* 'своими силами'). Спорадически отмечается использование в этой функции существительных *kaḫḫadum* 'голова', *pagrum* и *zumrum* 'тело'. См. 2.3.4. о притяжательных и 2.3.6. об указательных местоимениях.

Глаголу А.я. присущи два типа и м е н н ы х форм: инфинитивы и причастия, см. 2.4.0.

А.я. характеризуется большим разнообразием средств образования наречий. Отличные наречия образуются путем присоединения следующих показателей:

-*am* (адвербиальный аккузатив) — *imittam* 'справа', *ūtam* 'днем', *kayyantam* 'постоянно';

-*a* (по фон Зодену, тот же показатель с утерей мимации) — *maḥra* 'прежде', *warka* 'после';

-*iš* (терминатив) — один из наиболее продуктивных адвербиальных формантов (*šaplīš* 'внизу', *mādīš* 'много', *rabīš* 'величественно'). Типичное для младовавилонского употребление *-iš* при образовании сравнительных наречий (*iliš* 'как бог') для старовавилонского не характерно;

-*išam* (по фон Зодену, сочетание терминатива и адвербиального аккузатива): *šatt-iš-am* 'ежегодно', *āl-iš-am* 'город за городом';

-*ān-iš*: *šulm-ān-iš* 'в мире', *rīm-ān-iš* 'как дикий бык';

-*ān-um* (сочетание суффикса *-ān* с показателем локатива): *šapl-ān-um* 'внизу', *wark-ān-um* 'после';

-∅ (*status absolutus*), см. 2.3.4.

Другие наречия: *auyīkīam*, *auyānum* 'где?', *matī* 'когда?', *kī* 'как?', *ammīnim* 'зачем?'; *annīkīam*, *annānum* 'здесь', *ullīkīam*, *ašariš* 'там', *inanna*, *anumma* 'сейчас', *kīam* 'так'. Своеобразным адвербиальным оборотом является употребление абстрактных имен на *-ūt-* с местоименными энклитиками: *rīkūt-ka tallik* 'ты пришел с пустыми руками', букв. 'при пустоте твоей'.

Некоторые примеры междометий: *anna* 'да' (вав.), *kēna* 'да' (ст.-асс.), *ulla* 'нет', *ū?a* 'о горе!', *aḥulap* 'довольно!'.

2.4.0. Образцы парадигм.

Склонение имен (*šarrum* 'царь')

Падеж	Ед. число
Ном.	<i>šarr-um</i>
Акк.	<i>šarr-am</i>
Ген.	<i>šarr-im</i>

Основные формы имен в *status constructus*

(*bēlum* 'господин', *šēpum* 'нога', *šarrum* 'царь', *ālikum* 'идуший', *šarratum* 'царица')

Падеж	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч. - <i>ū-</i>	Мн. ч. - <i>ūt-</i>	Мн. ч. - <i>āt-</i>
Ном.	<i>bēl</i>	<i>šēp-ā</i>	<i>šarr-ū</i>	<i>ālik-ūt</i>	<i>šarr-āt</i>
Косв.	<i>bēl</i>	<i>šēp-ī</i>	<i>šarr-ī</i>	<i>ālik-ūt</i>	<i>šarr-āt</i>

Основные формы имен в *status constructus* перед местоименными энклитиками
(*bēlum* 'господин', *šēpum* 'нога', *šarrum* 'царь', *ālikum* 'идуший', *šarratum* 'царица')

Падеж	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч. - <i>ū-</i>	Мн. ч. - <i>ūt-</i>	Мн. ч. - <i>āt-</i>
Ном.	<i>bēl-ka</i>	<i>šēp-ā-ka</i>	<i>šarr-ū-ka</i>	<i>ālik-ūt-ū-ka</i>	<i>šarr-āt-ū-ka</i>
Акк.		<i>šēp-ī-ka</i>	<i>šarr-ī-ka</i>	<i>ālik-ūt-ī-ka</i>	<i>šarr-āt-ī-ka</i>
Ген.	<i>bēl-ī-ka</i>				

Основные формы имени в *status predicativus* (*šarrum* 'царь')

		Ед. число	Дв. число	Мн. число
3-е л.	м. р.	<i>šar</i>	<i>šarr-ā</i>	<i>šarr-ū</i>
	ж. р.	<i>šarr-at</i>		<i>šarr-ā</i>
2-е л.	м. р.	<i>šarr-āta</i>		<i>šarr-ātumu</i>
	ж. р.	<i>šarr-āti</i>		<i>šarr-ātina</i>
1-е л.		<i>šarr-āku</i>		<i>šarr-ānu</i>

Формы инфинитива и активного причастия

G	<i>parāsum</i>	<i>pārisum</i>
Gt	<i>pitrusum</i>	<i>muptarsum</i>
Gtn	<i>pitarrusum</i>	<i>muptarrisum</i>
D	<i>purrusum</i>	<i>muparrisum</i>
Dt	<i>putarrusum</i>	<i>muptarrisum</i>
Dtn	<i>putarrusum</i>	<i>muptarrisum</i>
Š	<i>šuprusum</i>	<i>mušaprisum</i>
Št	<i>šutaprusum</i>	<i>muštaprisum</i>
Štn	<i>šutaprusum</i>	<i>muštaprisum</i>
N	<i>naprusum</i>	<i>mupparsum</i>
Ntn	<i>itaprusum</i>	<i>muttaprisum</i>

Активное причастие с *m*-префиксацией в G характерно для глагола *idûm* 'знать' (*mūdûm*). В поэтических текстах формы такого типа спорадически встречаются у некоторых глаголов со слабым срединным согласным (*mušîmum* < *šâmmum* 'класть, назначать', *mudîkum* < *dâkum* 'убивать'). Основы пассивного причастия (причастия состояния, отглагольного прилагательного) в производных породах тождественны основам инфинитива, в основной породе у переходных глаголов основа имеет вид *par(i)s-*, у глаголов состояния — *par(V)s-* (выбор типового гласного обусловлен лексически).

Склонение личных местоимений

Число	Лицо	Род	Номинатив	Генитив	Аккузатив	Датив
Ед.	1-е л.		<i>anāku</i>	<i>yāti</i> -ī/-ya	<i>-ni</i>	<i>yāšim, -am/-m/-nim</i>
	2-е л.	м. р.	<i>atta</i>	<i>kāti (kâta), -ka</i>		<i>kâšim, -kum</i>
		ж. р.	<i>atti</i>	<i>kāti, -ki</i>		<i>kâšim, -kim</i>
	3-е л.	м. р.	<i>šû</i>	<i>šuāti (šuātu, šātu/i), -šu</i>		<i>šuāšim (šâšu/im), -šum</i>
ж. р.		<i>šī</i>	<i>šuāti (šâti, šîāti)</i> -ša	<i>-ši</i>	<i>šuāšim (šîāšim, šâšim), -šim</i>	
Мн.	1-е л.		<i>nīnu</i>	<i>niāti, -ni</i>		<i>(-)niāšim</i>
	2-е л.	м. р.	<i>attunu</i>	<i>kunūti</i> -kunu	<i>-kunūti</i>	<i>(-)kunūšim</i>
		ж. р.	<i>attina</i>	<i>kināti</i> -kina	<i>-kināti</i>	<i>[kināšim], -kināšim</i>
	3-е л.	м. р.	<i>šunu</i>	<i>šunūti</i> -šunu	<i>-šunūti</i>	<i>(-)šunūšim</i>
		ж. р.	<i>šina</i>	<i>šināti</i> -šina	<i>-šināti</i>	<i>(-)šināšim</i>

Примечание: В круглых скобках приводятся варианты, в квадратных — реконструкции. Формы двойственного числа, употребительные главным образом в саргоновских памятниках, см. в статье «Староаккадский (саргоновский) диалект» в наст. издании.

Гласный в ауслaute местоимений 2-го лица единственного числа нередко транскрибируют как долгий (*attā, attī*).

Присоединение местоименных энклитик к именным и глагольным формам подчиняется следующим основным правилам:

— показатель генитива 1-го лица единственного числа имеет форму *-ī* при присоединении к именам в номинативе/аккузативе единственного числа (*bēl-ī* ‘мой господин’), при присоединении этой энклитики к именам на *-ūm* < **-ā?um* наблюдается стяжение в *-ē*: *purussē* ‘мое решение’ (< **purussā?-ī*);

— показатель генитива 1-го лица единственного числа имеет форму *-ya* при присоединении к именам в генитиве единственного числа и ко всем формам множественного и двойственного числа (*ana bēlī-ya* ‘моему господину’, *epšētū-ya* ‘мои дела’ и т. п.). При присоединении к формам на *-ū* эта энклитика обычно пишется знаком *a* (*ep-še-tu-a*), вследствие чего такие сочетания часто транскрибируют с *-?-*: *epšētū-?a* (вм. *epšētū-ya*);

— показатель дательного падежа 1-го лица единственного числа имеет вид *-am* при присоединении к глагольным формам с нулевым окончанием (*iddin-am* ‘он дал мне’), *-m* при присоединении к формам на *-ī* (*taddinī-m* ‘ты дала мне’) и *-nim* при присоединении к формам на *-ā/-ū* (*taddinā-nim* ‘вы дали мне’, *iddinū-nim* ‘они дали мне’);

— при присоединении энклитик к глагольным формам между ними нередко появляется показатель вентива *-am/-nim* с ассимиляцией *-m* первому согласному: *iprusakka* (< **iprus-am-ka*), *iprusūnikkum* (< **iprusū-nim-kum*) и т. д. Суффиксы 1-го лица единственного числа всегда присоединяются таким образом (*iprusanni*, *iprusūninni* и др.);

— об изменениях на морфемном шве при присоединении энклитик на *š-* к основам на дентальный и сибилант см. 2.1.1.1.

Глагольная форма может быть снабжена двумя рядами местоименных энклитик. При этом показатель дательного падежа (часто с показателем вентива) предшествует показателю аккузатива: *iddinū(-nik)-kuš-šu* ‘они дали его тебе’ (< **iddinū(-nim)-kum-šu*).

Притяжательные местоимения

Обладаемое		Ед. число		Мн. число		
		М. р.	Ж. р.	М. р.	Ж. р.	
Обладатель	Ед. ч.	1-е л.	<i>yūm</i>	<i>yattum/n</i>	<i>ya?ūi(t)um/n</i> (<i>yūt(t)um/n</i>)	<i>yātum/n</i>
		2-е л.	<i>kūm</i>	<i>kattum/n</i>	<i>kūtum/n</i>	<i>kātum/n</i>
		3-е л.	<i>šūm</i>	<i>šattum/n</i>	<i>šūtum/n</i>	
Мн. ч.	1-е л.	<i>nūm</i>	<i>niattum</i>	<i>nūtum/n</i>		
	2-е л.	<i>kunūm</i>				
	3-е л.	<i>šunūm</i>				

Указательные местоимения (ближний дейксис)

Падеж	Ед. число		Мн. число	
	М. р.	Ж. р.	М. р.	Ж. р.
Ном.	<i>annūm</i>	<i>annītum</i>	<i>annūtum</i>	<i>anniātum</i>
Акк.	<i>anniam</i>	<i>annītam</i>	<i>annūtīm</i>	<i>anniātīm</i>
Ген.	<i>annīm</i>	<i>annītim</i>		

2.5.0. Морфосинтаксические сведения.

2.5.1. Структура словоформы в А.я. обусловлена правилами слоговой структуры (2.1.4.). Типы аффиксов, их структура и характер присоединения к корню (основе) в целом соответствуют общесемитской картине. Морфологически аномальные слова немногочисленны; см. некоторые неправильные глаголы в 2.3.5., имена с удвоением второго согласного во множественном числе в 2.3.3., нунация вместо мимации у притяжательных местоимений в 2.3.4.

2.5.2. Именное словообразование осуществляется главным образом посредством соединения консонантных корней с именными моделями. Отглагольные имена обычно образуются с помощью диффиксов или сочетанием диффиксов с префиксами или суффиксами, отыменные имена — с помощью суффиксов, напрямую присоединяемых к производящей основе. Применение семантических и формальных критериев позволяет предложить следующую классификацию аффиксов именного словообразования А.я. (приводятся лишь типы, относительно широко употребительные в старовавилонском).

С у щ е с т в и т е л ь н о е

Модели без внешних аффиксов

pars -: *baḫrum* 'претензия, жалоба' (< *baḫārum* 'претендовать, опротестовывать').

paras-t: *alak-t-um* 'поведение' (< *alākum* 'ходить, действовать'), *gamar-t-um* 'полнота, завершение' (< *gamārum* 'заканчивать');

pīrs-: *diglum* 'взгляд' (< *dagālum* 'смотреть'), *migrum* 'согласие' (< *magārum* 'соглашаться, одобрять'), *šiptum* 'судебное решение' (< *šapātum* 'издавать приказ');

pīris-t: *hibil-t-um* 'ущерб, притеснение' (< *ḥabālum* 'причинять вред'), *isiḫ-t-um* 'назначение, задание' (< *esēḫum* 'назначать');

purs-: *ḥubtum* 'грабёж' (< *ḥabātum* 'грабить'), *uḫsum* 'радость' (< *elēsum* 'радоваться'), *muḫsum* 'болезнь' (< *marāsum* 'быть больным');

purus-t: *butuḫ-t-um* 'потоп' (< *batāḫum* 'прорывать'), *nukur-t-um* 'вражда, война' (< *nakārum* 'быть чужим, враждебным').

Модели имен действия с разными оттенками значения. Корреляция между типом значения и выбором конкретной модели нуждается в дополнительном изучении, однако некоторые тенденции (например, ассоциация модели pirs- с глаголами качества и состояния) вполне очевидны. Характерной особенностью А.я. является крайняя редкость абстрактных имен модели pars-. Образования женского рода типа pVrs-at- (вм. pVrVs-t-) встречаются очень редко (см. *šimd-at-um* 'декрет', вероятно производное от *šamādum* 'связывать, готовить').

paṛīs-: *raṛītum* 'возлюбленный, любимец' (< *rāmum* 'любить'), *asīrum* 'пленник' (< *esērum* 'связывать, заключать'), *kanikum* 'запечатанный документ' (< *kanāikum* 'ставить печать'), *salītum* 'мир, согласие' (< *salāmum* 'заключить мир'), *šagītum* 'крик, рев' (ср. мл.-вав. *šagātum* 'реветь');

paṛīs-t: *ḥarīm-t-um* 'блудница' (ср., возможно, мл.-вав. *ḥarāmu* 'отделять').

Обозначения лиц (редко) и процессов.

puṛās-: *ṣuḫārum* 'юноша, мальчик; слуга' (< *ṣeḫērum* 'быть маленьким'), *suṛālu* 'кашель' (ср.-вав.) (ср. мл.-вав. *saṛālu* 'кашлять'), *mušālum* 'зеркало' (< *mašālum* 'быть подобным'), *šurālum* 'впадина' (< *šarālum* 'быть низким').

Обозначения предметов и лиц (изначально, возможно, с диминутивным значением).

purūs-: *bukūmum* 'стрижка шерсти' (< *baqāmum* 'стричь'), *rukūbum* 'перевозка, транспортное средство' (< *rakābum* 'ездить верхом'), *lubūšum* 'одежда' (< *labāšum* 'одеваться').

Обозначения процесса и результата действия.

puruss-: *hubullum* 'долг, обязательство' (< *habālum* 'брать займы'), *gurunnum* 'груда' (< *garānum* 'складывать');

piriss-: *gimillum* 'милость' (< *gamālum* 'поступать милостливо'), *kirissum* 'заколка для волос' (ср. мл.-вав. *karāsum* 'связывать, скреплять').

Редкие модели отглагольных имен, точное значение не устанавливается.

pargās-: *gallābum* 'брадобрей' (< *gullubum* 'брить'), *dayūānum* 'судья' (< *diānum* 'судить'), *šarrāqum* 'вор' (< *šarāqum* 'красть').

Имена профессий. Образованные по этой модели существительные принято транскрибировать с долгим гласным во втором слоге, хотя в ассирийском диалекте этот гласный обычно подвергается гармонии (*šarruqum*, *šarraqam*, *šarriqim*), т. е. должен считаться кратким.

Модели с префиксами

ma-pras-: *ma-škanum* (ст.-асс. *ma-āš-ku-nu*, *maš-ki-ni*) 'размещение; гумно; палатка' (< *šakānum* 'класть'), *ma-štarum* (н.-асс. *mašṭuru*) 'надпись' (< *šaṭārum* 'записывать'), *ma-ššarum* (< **ma-šsar-*, н.-асс. *mašsuru*) 'сторож' (< *našārum* 'охранять');

ma-prās-: *ma-nzāzum* 'место пребывания' (< *izuzzum* 'стоять');

ma-pras-t-: *ma-ltak-t-um* 'надежная мера; проверка' (< *latākum* 'проверять'), *ma-škat-t-um* (< **ma-škan-t-*) 'депозит' (< *šakānum* 'класть, размещать');

mu-pras-: *mu-šlalum* 'полдень' (обычно выводится из *šalālum* 'спать', т. е. «время дневного сна, сиеста»), *mu-špalum* 'низина' (< *šapālum* 'быть низким').

Традиционно образования с *mV*-префиксацией описываются как имена места, времени и инструмента, однако, как показал М. Штрек, чаще всего они выступают как относительно нейтральные обозначения процессов (по Штреку, «содержание действия»). Обозначения лиц по этой модели образуются очень редко (*maššarum* 'сторож'). Как отмечалось в 2.2.3., префикс *ma-* (*me-*) переходит в *na-* (*ne-*) при лабиальном в составе корня. Вследствие этого все модели с *ma-* (*me-*) имеют алломорфы с *na-* (*ne-*): *na-glabum* 'бритва' (< *gullubum* 'брить'), *na-tbākum* 'место засыпки зерна' (< *tabākum* 'лить, сыпать'), *naḥlap-t-um* 'одежда, покрытие' (< *ḥalāpum* 'покрывать, заворачивать'), *na-mkūrum* 'имущество' (< *makārum* 'вести дела, торговать'), *na-šhip-t-u* 'вид лопаты' (н.-вав.; < *saḥāpum* 'распростирать, раскладывать').

ta-prās-: *ta-šlilum* 'покрытие' (< *šullulum* 'покрывать'), *ta-mšilum* 'образ' (< *mašālum* D 'уподоблять'), *ta-lmīdum* 'ученик' (< *lamādum* D 'обучать'), *t-ēnīkūm* (< **ta-ynīk-*) 'выкармливание; младенец' (< *enēkum* 'сосать', Š 'кормить грудью');

ta-prist-: *ta-klim-t-um* 'знак, указание' (< *kullumum* 'показывать'), *ta-ḥsis-t-um* 'напоминание' (< *ḥasāsum* D 'напоминать'), *ta-šlim-t-um* 'выплата, передача' (< *šalā-tum* D 'выдать, передать, выплатить'), *ta-rbī-t-um* (< **tarbiy-t-*) 'воспитание; приемный сын' (< *rabūm* D 'растить, воспитывать').

Широко употребительные модели имени действия, в основном для глаголов в породе D. В ряде случаев имена этих моделей обозначают лиц (с семантическим развитием 'объект обучения' > 'ученик').

ta-prās-: *ta-mḥārum* 'битва' (< *maḥārum* Gt 'сражаться врукопашную'), *ta-rbāšum* 'скотный двор' (< *rabāšum* 'ложиться (о животных)'), *ta-mkārum* 'торговый агент'

(< *makārum* ‘вести дела’), *ta-kbārum* ‘откормленная овца’ (ср.-асс., н.-асс.; < *kabārum* ‘быть толстым’);

ta-pras-t-: *t-āmar-t-um* (**ta-?mart-*) ‘взгляд’ (< *amārum* ‘смотреть’), *ta-nat-t-um* (**ta-nād-t-*) ‘прославление’ (< *nādum* ‘восхвалять’).

Имена действия от глаголов в G и Gt, реже — обозначения лиц, животных и мест.

ta-prus-: *t-ālukum* ‘хождение, путь’ (< *alākum* ‘идти’), *ta-mḥuṣu* ‘битва’ (мл.-вав.; < *maḥāsum* Gt ‘сражаться’);

ta-prus-t-: *ta-ḥlup-t-u* ‘одежда’ (< мл.-вав.; < *ḥalāpum* ‘покрывать, одевать’), *ta-krub-t-u* ‘битва’ (ср.-вав., мл.-вав.; < *kerēbum* Gt ‘сближаться, сражаться’), *ta-mgur-t-um* ‘соглашение’ (< *magārum* Gt ‘договариваться’).

Имена действия, обычно от глаголов в Gt.

ipris-: *išpikum* ‘урожай’ (< *šapākum* ‘засыпать, складировать’), *ikribum* ‘молитва, благословение’ (< *karābum* ‘молиться, благословлять’), *iptirum* ‘выкуп’ (< *paṭārum* ‘освобождать, выкупать’).

Редкая модель имен действия, точное значение не установлено (по неясной причине, почти все имена этой модели могут употребляться как *pluralia tantum*, а некоторые из них встречаются только в такой форме).

Модели с суффиксами

purussā?- (в старовавилонском в обычном состоянии *purussūm*): *purussūm* ‘решение’ (< *parāsum* ‘резать; решать’), *rugummūm* ‘жалоба, претензия’ (< *ragātum* ‘кричать; жаловаться, оспаривать’), *nudunnūm* ‘дар, приданое’ (< *nadānum* ‘давать’), *ukullūm* ‘кормовой рацион’ (< *akālum* ‘есть’).

Имена, описывающие процесс и результат действия, обычно ассоциированы с регулярными, планомерными действиями. Часто используются в качестве юридических терминов.

Модели образований от слабых корней в основном идентичны вышеприведенным. Как и в других семитских языках, исключение составляют корни Iw, от которых часто образуются абстрактные имена по модели C₂iC₃-t-: *šibtum* ‘прибыль, интерес’ (< *wašābum* ‘умножать, добавлять’), *šimtum* ‘нечто уместное, подобающее’ (< *wasāmum* ‘быть достойным, уместным’). Особенностью А.я. является наличие в нем двух существительных, образованных по родственной модели C₂uC₃-t-: *šubtum* ‘место жительства, обитель’ (< *wašābum* ‘сидеть, жить’) и *šuttum* ‘сон (сновидение)’ (< **šun-t-* < *wašānum ‘спать’, ср. *šittum* ‘сон (процесс)’ < **šin-t-*). Специфически аккадским является образование от корней Iw имен модели C₁iC₂-ān-: *simānum* ‘подходящее время, сезон’ (< *wasāmum* ‘подобать’).

Отыменная деривация существительных в целом для А.я. не характерна, широко распространены лишь образования с суффиксом -ūt- с абстрактным значением: *awīlūtum* ‘человечество’ (< *awīlum* ‘человек’), *mārūtum* ‘сыновний статус’ (< *mārum* ‘сын’), *našpakūtum* ‘хранение’ (< *našpakum* ‘хранилище, амбар’). Другим относительно широко представленным суффиксом отыменной деривации является -ān-, который участвует в образовании абстрактных и конкретных имен (*šulm-ān-um* ‘благополучие’ < *šulum* ‘мир, покой’, *rabi-ān-um* ‘градоначальник’ < *rabūm* ‘большой’). Отыменные имена, образованные с помощью диффиксов от абстрагированных консонантных корней, встречаются крайне редко (*rūštum* ‘высшее качество’ < *rēšum* ‘голова’).

Распространена субстантивация прилагательных, чаще всего форм женского рода: *watartum* ‘избыток’ (< *watrum* ‘дополнительный’), *šapiltum* ‘остаток’ (< *šaplum* ‘низ-

кий, малый'), *maruštum* (*maruštum*) 'тяжелое положение, беда' (< *maršum* 'больной, тяжелый, трудный'). Субстантивируются также причастия и инфинитивы.

По сравнению с другими древними семитскими языками относительно широко распространено образование существительных путем словосложения. Наиболее типичной является лексикализация сопряженных сочетаний: *eṣeṣērum* 'позвоночник' (< *eṣem-ṣērim 'кость-спины'), *šamaššammū* (pluralia tantum) 'кунжут' (< *šaman-šammim 'масло-травы'). По ряду критериев единими словами следует считать также такие сочетания, как *mūr niski* 'породистый конь' (мл.-вав.; *mūru* 'жеребенок' + *nisku* 'отбор') или *mār šiprim* 'посланник' (*mārum* 'сын' + *šiprum* 'послание'). Отмечается лексикализация сочетаний *nota genitivi ša* с зависимым именем без антецедента (см. 2.3.4.): *ša libbim* 'то, что внутри' = 'эмбрион', *ša rēšim* (мн. ч. *šūt rēšim*) 'тот, кто у головы' = 'чиновник'. Примечательны названия растений *imḥur-līmu*, *ipšur-līme* и *imḥur-ešrā*, представляющие собой сочетания форм претерита глаголов *maḥārum* 'брать' и *pašārum* 'отпускать' с числительными 'тысяча' и 'двадцать'. См. также состоящее из двух глагольных форм название птицы *ittil-imūt* 'лэг-умер'. В старовавилонском ни один из этих терминов не представлен.

Прилагательное

Модели без внешних аффиксов

par(a)s-: *rapšum* 'широкий', *wakrum* 'редкий, ценный';

par(i)s-: *magrum* 'благоприятный', *damqum* 'хороший';

par(u)s-: *barmum* 'пестрый', *warqum* 'зеленый, желтый'.

Наиболее употребительные адъективные модели А.я. Этимологический гласный второго слога чередуется с нулем в соответствии с правилом вокалической синкопы (см. 2.2.3.): *damqum* 'хороший', *damkūtum* 'хорошие' (м. р.) vs. *damik* 'он хорош', *damiktum* 'хорошая' и т. д.

parras-: *raḥkaḥku* 'очень тонкий' (мл.-вав., нов.-асс.; < *raḥāqum* 'быть тонким');

parris-: *ḥabbilum* 'вредный' (< *ḥabālum* 'наносить ущерб'), *šarriqum* 'вороватый' (< *šarāqum* 'красть').

Модели с «интенсивным» значением (особая выделенность качества, регулярность его проявления и т. п.).

purrus-: *kubburum* 'толстый' (< *kabārum* 'быть толстым'), *kubbutum* 'тяжелый' (< *kabātum* 'быть тяжелым'), *gubbuḥum* 'лысый', *ḫummutum* 'глухой'.

Прилагательные с «интенсивным» значением; обозначения телесных недостатков.

Модели с инфиксами

pi-t-gās-: *mi-t-gāru* 'благоприятный' (мл.-вав.; < *magārum* 'соглашаться, одобрять'), *ši-t-rāḥu* 'великолепный' (ср.-вав., н.-вав.; < *šarāḥum* 'быть прекрасным'), *gi-t-mālum* 'соразмерный, благородный, совершенный' (ср. прасем. *gml 'быть красивым').

Прилагательные выдающейся степени развития качества.

Модели с суффиксами

parrās-ī- (в старовавилонском в обычном состоянии *parrāsūm*): *nakkāp-ī-* (*nakkāpūt*) 'бодливый' (< *nakārum* 'бодать'), *šaggās-ī-* (*šaggāšū*) 'склонный к убийству' (мл.-вав.;

< *šagāšum* ‘убивать’), *šakkār-ī* (*šakkārūm*) ‘склонный к пьянству’ (< *šakārum* ‘напиваться’).

Прилагательные, обозначающие склонность к выполнению какого-либо действия.

Отыменная деривация прилагательных для А.я. в целом не характерна, единственным широко употребительным и продуктивным суффиксом отыменных прилагательных является нисба на *-ī* (в старовавилонском в обычном состоянии *-ūm*, ж. р. *-ītum*): *maḥr-ūm*, ж. р. *maḥr-ītum* ‘первый’ (< *maḥrum* ‘передняя часть’), *šapl-ūm*, ж. р. *šapl-ītum* ‘нижний’ (< *šaplum* ‘низ’), *aššūrūm*, ж. р. *aššūr-ītum* ‘ассирийский’. Встречаются примеры присоединения этого показателя к производящей основе посредством суффикса *-ān-*: *hurās-ān-ūm* ‘золотой’ (< *hurāšum* ‘золото’), *rēm-ēn-ūm* ‘милосердный’ (< *rētum* ‘матка, милосердие’).

Отыменная деривация глаголов в А.я. представлена лишь редкими примерами: *urpulum* ‘искать вшей’ < *urpum* ‘вошь’, *rā?u* ‘становиться другом’ (мл.-вав.; < *ru?um* ‘друг, товарищ’), *šullulum* ‘давать тень, покрывать (крышей)’ < *šillum* ‘тень’.

2.5.3. Немаркированный порядок слов в независимых и придаточных глагольных предложениях — SOV. Придаточные дополнительные и обстоятельственные предложения предшествуют главным. Инфинитивные обороты также предшествуют финитному глаголу и ветвятся влево, копируя порядок слов, присущий глагольному предложению. Наречия предшествуют глаголу. Атрибутивные прилагательные, генитивные определительные конструкции и относительные придаточные предложения следуют за своими вершинами.

В именных предложениях подлежащее-существительное предшествует сказуемому: *awātum₁ šī takittum₂* ‘Это обстоятельство₁ — (имеет) подтверждение₂’ (AbB 1, 2:13), *ḥarrān₁ illikam ul kušīrum₂* ‘Поездка₁, из которой он вернулся, — не успешна₂’ (AbB 1, 46:23). Однако подлежащее-личное местоимение занимает последнюю позицию: *urram₁ maḥrika₂ šū₃* ‘Завтра₁ он₃ (будет) с тобой₂’ (AbB 1, 49:24). Если личное местоимение-подлежащее становится контрастной темой, оно продвигается из последней позиции в первую и часто дополнительно маркируется энклитической частицей *-ma*: *anāku₁-ma rē?ūm₂ mušallimū₃* ‘Это я₁ — умиротворяющий₃ пастырь₂’ (CH rec. 24:42).

В глагольных предложениях рема, не совпадающая с финитным глаголом, маркируется энклитической частицей *-ma*, порядок слов при этом не меняется: *kīma kašādīm₁-ma tillātū₂-šu issappaḥā₃* ‘Его наемное войско₂ разбежится₃ при (твоем) приближении₁’ (ARMT 10, 4:22 сл.).

Общевопросительное предложение обычно имеет тот же порядок слов, что и изъявительное. Общие вопросы распознаются по контексту и по частотному (но не регулярному) *plene*-написанию последнего слога того слова, на которое предположительно приходился пик вопросительного интонационного контура: *Dagān pī-šu iptē-ma kīam iḫbēm umma-mi šarrānu ša DUMU.MEŠ yamīna u šābū-šunu itti šābim ša Zimri-Līm ša ilēm islimū (is-li-mu-ū) umma anāku ul islimū (is-li-mu)* ‘(Бог) Даган открыл рот и сказал мне следующее: “Вожди племени йаминитов и их войска с войском Зимри-Лима, которое подошло сюда, **примирились ли?**”. Я ответил: “Они не **примирились**?”’ (ARMT 26/1, 233:16–22); *ša ešemū u iḫabbū-nim ana bēlīya ul ašappār (a-ša-ar-ra-a-ar)* ‘**Неужели я не напишу** моему господину то, что я слышу и что мне рассказывают?’ (RA 78, 9:38 сл.); *ul anākū (a-na-ku-ū-ū) Adad* ‘**Не я ли** — бог Адад?’ (ibid:14 сл.).

Специальные вопросы вводятся вопросительными местоимениями: *ammīnim₁ lā tušābil₂-am₃* ‘Почему₁ ты не прислал сюда₃ (мою собственность)?’ (LH 15:20). В качестве отрицания в общевопросительных предложениях в старовавилонском употребляется частица *ul*, в специальных вопросах — *lā*.

Синтаксические отношения в А.я. выражаются, в частности, посредством согласования и управления.

Прилагательные и порядковые числительные согласуются с определяемыми существительными в роде, числе и падеже. Количественные числительные согласуются с определяемыми существительными в роде (см. 2.3.3.). Финитный глагол согласуется с подлежащим в роде и числе. Если инфинитив употребляется в генитиве (будучи зависимым в предложной группе), то его препозитивный объект, следующий за вершинным предлогом, согласуется с инфинитивом в падеже: *ana₁ šiprim₂ ген. epēšim₃ ген.* ‘чтобы работу делать’, букв. ‘для₁ работы₂ ген. делания₃ ген.’ (AbB 5, 136:5). Если семантический объект такого инфинитива находится слева от предложной группы, то инфинитив управляет его винительным падежом. Так, приведенный пример можно преобразовать (без изменения смысла текста) следующим образом: *šipram_{акк.} ana epēšim*, букв. ‘работу_{акк.} для делания (= чтобы делать)’.

Управление имеет место в следующих случаях.

— Финитный глагол управляет номинативом подлежащего и аккумулятивом прямого дополнения. Реципиентное дополнение финитного глагола имеет следующие модели управления: предлог *ana* + генитив существительного/датов самостоятельного личного местоимения; датив местоименной энклитики (см. 2.3.4.).

— Имя в *status constructus* управляет генитивом несогласованного субстантивного определения («генитивная конструкция», см. 2.3.4.).

— Предлоги как вершины предложных групп управляют генитивом субстантивных лексем.

Неопределенно-личный агенс при переходных глаголах выражается формой 3-го лица множественного числа мужского рода финитного глагола: *ina pani pilšim šuāti idukkū-šu* ‘Его умертвят перед этим проломом’ (CH § 21).

Старовавилонский инфинитив обладает семантико-синтаксическими чертами имени и глагола. Он употребляется в субстантивных ролях, как предикат нефинитных клауз, как конверб и как отглагольное существительное с пассивным модальным значением. Отрицание при инфинитиве — *lā*. К морфологическим субстантивным чертам инфинитива относятся изменение по падежам и наличие сопряженной формы, однако инфинитив не имеет множественного числа. Инфинитиву присущ классифицирующий род; сказуемые, выраженные стативами, согласуются с инфинитивом — подлежащим в мужском роде: *epēšum_{ном. инф.} kabi_{стат.} 3-го л. ед. ч. м. р. -šum_{дат.}*, букв. ‘делание_{ном. инф.} велено_{стат.} 3-го л. ед. ч. м. р. ему_{дат.}’ (AbB 3, 34: 39 сл.). Подобно «обычному» существительному, инфинитив принимает определения, выраженные существительными в генитиве: *alāk_{инф.} awīlim* ‘приход_{инф.} (этого) человека’ (AbB 2, 174:9).

2.5.4. Из сочинительных союзов, употребляемых для связи предложений, в старовавилонском наиболее частотен союз *u*, выражающий соединительно-противительные отношения (‘и’/‘а’). Засвидетельствовано также бессоюзное сочинение. А.я. богат средствами выражения дизъюнкции, что, вероятно, объясняется развитостью деловой и научной прозы. К дизъюнктивным частицам относятся, в частности, *ū* ‘или’, *ūlā* ‘или’, *ū lū... ū lū, šumma... šumma, šumma... šumma ūlašūma* ‘либо... либо’.

Приглагольная энклитическая частица *-ma*, связывающая финитные клаузы, указывает на необратимое отношение между ситуациями. Так, в предложении (1) *tillātūšu*

issappaḥā u (2) *kaḫkad Išme-Dagān inakkisū-ma* (3) *šapal šēp bēlī-ya išakkanū* '(1) Его войска рассеются, (2) а голову Ишме-Дагана отрубят (3) и затем положат под ноги моему господину' (ARMT 10, 4:24–27) клаузы (1) и (2), соединенные союзом *u*, сочинены, а клауза (3), присоединяемая консекитивным союзом *-ma*, описывает ситуацию, содержательно зависимую от (2) и следующую за ней во времени. Таким образом, линейное следование предикатов, соединенных консекитивной частицей *-ma*, часто является семантически недифференцированным средством выражения логического гипотаксиса. Это особенно наглядно в тех случаях, когда за консекитивным *-ma* следуют предикаты в косвенных наклонениях, например в прохибитиве: *maḥrī-ka mīnat ippuš-ma lā illak*_{прох.}-*am* 'Что он (такого) делает у тебя, что ему нельзя прийти_{прох.} сюда?' (AbB 1, 37:6' сл.). В старовавилонском частотны две конструкции, в которых консекитивное *-ma* соединяет глаголы в косвенных наклонениях.

— Формы косвенных наклонений, семантически зависящие от императива глаголов манипуляции, выражают сентенциальные аргументы этих глаголов: *kibi-šum-ma lā isakkipū*_{прох.}-*šunūti* 'Вели (букв. 'скажи') ему, чтобы их не обижали_{прох.}!' (AbB 11, 152:23); *šupur-ma eklam likinnū*_{прек.}-*šu* 'Прикажи (букв. 'пошли'), чтобы они подтвердили_{прек.} его право на это поле!' (AbB 4, 124:10 сл.). Императив тех же глаголов в неманипулятивных значениях вводит сентенциальные аргументы в виде придаточных дополнительных: *kīma anāku epešu kibi*_{имп.}-*šum* 'Сообщи_{имп.} ему, что обрабатывать (поле) буду я' (AbB 3, 2:45).

— При императиве других семантических классов глаголов косвенное наклонение, следующее за *-ma*, выражает цель: PN₁ *ana* PN₂ *piḫd*_{имп.}-*am-ma ittišu lillik*_{прек.} 'Вверх_{имп.} имярека₁ имяреку₂, чтобы он пошел_{прек.} с ним' (AbB 1, 7:31 сл.).

Глагольные сказуемые придаточных предложений в старовавилонском маркируются субьюнктивной морфемой *-u* (см. 2.3.5.). Субьюнктивная морфема не употребляется со сказуемыми условных предложений, вводимых союзом *šumma* 'если'. Порядок слов в придаточных предложениях в целом тот же, что в независимых предложениях.

Согласно традиционной классификации, в А.я. выделяются придаточные относительные, дополнительные, обстоятельственные временные, а также причинные. Эта классификация основана на наличии служебных слов (часто многозначных), используемых для присоединения придаточных предложений, а также на употреблении субьюнктивного суффикса *-u*.

Придаточные относительные, подобно генитивным определениям, следуют за своей вершиной. Синтаксическая связь выражается либо посредством неизменяемого в старовавилонском относительного местоимения *ša* 'который/которая/которые', либо (значительно реже) сопряженной формой вершинного существительного, а также субьюнктивной морфемой *-u* при сказуемом придаточного (там, где это допускает форма глагола, см. 2.3.5.). Придаточные относительные могут быть определениями ко всем субстантивному компонентам главного предложения: *rakbūm ša kanikī ukallam-u*_{субьюнкт.}-*ka ina kaprī-šu līšib* 'Всадник, который покажет_{субьюнкт.} тебе мой документ с печатью, пусть живет в своем поселении' (LH 5:11 сл.); *idum mīnum-ma ša še'am ana bītīm lā tanaddin-u*_{субьюнкт.} 'В чем причина того, что ты не даешь_{субьюнкт.} зерно во дворец?' (LH 12:12 сл.); *awīlam ša ašpur-ak-kum lā takallām* 'Человека, которого я послал к тебе, не задерживай у себя' (LH 11:16 сл.); *šumma... kīšti*_{сопр.} *šarrum ana rēdim iddin-u*_{субьюнкт.} *ilteke* 'если... он отобрал подарок_{сопр.} (который) царь дал_{субьюнкт.} солдату' (CH § 34). Придаточные относительные могут вкладыв-

ваться в главное предложение непосредственно (без антецедента), замещая в нем различные синтаксические позиции: PN *u ša aṣarrad-am*_{вент...} *erī lizbilū-nim* 'Имярек и тот, кого я пошлю к тебе_{вент.}, пусть... доставят мне мое дерево эру' (ЛН 5:9–12); *itti ša tuppī ubbal-ak-kum maḥri-ka šeʔam limdud* 'Вместе с тем, кто принесет тебе мое письмо, пусть он отмерит зерно в твоём присутствии' (ЛН 8:10–13).

Придаточные д о п о л н и т е л ь н ы е, подобно объектным инфинитивным оборотам, являются сентенциальными дополнениями предикатов с определенной семантикой (преимущественно глаголов интеллектуальной деятельности и восприятия). Они вводятся союзом *kīma* 'что' и, как правило, предшествуют главному предложению: *kīma abī ana kaprim illik-am ešme* 'Я услышал о том, что мой отец отправился в деревню' (ЛН 39:3 сл.). В старовавилонском альтернативой финитному комплементу при глаголах интеллектуальной деятельности и восприятия являются инфинитивные обороты, а также весьма частотный прием перемещения глагола пропозициональной установки во вводное предложение, оформляемое как особый тип придаточного посредством союза *kīma* и субъюнктивной морфемы *-u*: *kīma bēlī atta tešmū*_{субъюнкт.} *alpī nakrum itbal* 'Как ты, мой господин, слышал_{субъюнкт.} враг увел скот' (AbB 2, 86:4). Для выражения комплемента в ситуациях непосредственного восприятия употребляются только инфинитивные обороты: *warkanūma kīma atlukī*_{инф.} *išmū urd-am-ma* 'Затем, когда она услышала, что я ушел (букв. 'услышала мой уход_{инф.}'), она спустилась' (AbB 1, 27:13). В старовавилонском имеется также конструкция глаголов восприятия с консеквативной частицей *-ma*, вводящей финитную клаузу: *ešme-ma ENSÍ.MEŠ ina ERIM.MEŠ... šutemū* 'Я слышал, (что = *-ma*) руководители (работ) недостаточно снабжены рабочей силой' (AbB 13, 78:1 сл.).

При сказуемых, принимающих сентенциальные аргументы — в частности, при глаголах восприятия, речи, оценки, манипуляции, — инфинитив выступает в функции предиката зависимой клаузы, которая в традиции описания называется инфинитивным оборотом. Инфинитивные обороты, включающие одновременно семантический субъект и семантический объект, выраженные существительными, в эпистолярных текстах встречаются крайне редко. Невыраженный субъект инфинитивного оборота контролируется субъектом или объектом матричного предложения (т. е. совпадает с одним из них), либо контролер находится в предтексте. Правила контроля изучены недостаточно. Контролируемый инфинитив–предикат инфинитивного оборота может иметь форму аккузатива, номинатива или генитива (последнее наблюдается в том случае, когда предикативный инфинитив управляется предлогом).

В том случае, если инфинитивные обороты выступают как дополнения при указанных выше типах сказуемых в активном залоге, инфинитивы также имеют значение активной диатезы, а контролируемый предикативный инфинитив и его семантический объект употребляются в винительном падеже: *werām*_{1 акк.} PN... *θ_i nadānam*_{2 акк. инф.} *iḳbi-am_i* 'Имярек приказал мне_i [*θ_i* продать_{2 акк. инф.} медь_{1 акк.} (третьему лицу)'] (UET V 5:10). Изредка контролируемый инфинитивный оборот употребляется в матричном предложении с пассивным сказуемым: обычно это глаголы манипуляции *ḳabi* 'приказано, велено' (статив G-породы) и *ittakbi* 'было приказано' (перфект N-породы). В этом случае контролируемый предикативный инфинитив и его семантический объект употребляются в номинативе, инфинитив имеет пассивное значение, инфинитивный оборот является подлежащим матричного предложения, подразумеваемый субъект инфинитива контролируется адресатом манипуляции: *šiprum*_{ном.} *θ_i epēšum*_{ном. инф.} *ḳabi*_{стат.} *-šum_i*_{дат.} 'Ему_i дат. велено_{стат.} [чтобы *θ_i* работа_{ном.} была сделана_{ном. инф.}]' (AbB 3, 34:39

сл.); *eḫlum*_{ном.} $\emptyset_j$ *turru*_{ном. инф.} *ittakbi*; 'Было велено_i, [чтобы поле_{ном.} $\emptyset_j$ было возвращено_{ном. инф.]}' (AbB 3, 91:8').

Тот факт, что контролируемый инфинитив активных пород может иметь пассивное значение, объясняется нейтральностью инфинитива переходных глаголов к диатезе. Вследствие этого инфинитив «пассивных» пород (например, N-породы) не употребляется в пассивном значении, но лишь в непереходно-детранзитивирующем, в частности в декаузативном: *kīma* $\emptyset_i$ *naklām*_{инф. N} *ina Māri lā imgurū*; '(Я написал тебе.) что они не согласились_i [$\emptyset_i$ оставаться_{инф. N} в Мари]' (ARMT 1, 117:6–7), ср. N-императив *naklī* 'Оставайся (здесь)!' (AbB 1, 31:8). Нейтральностью инфинитива к диатезе объясняется также то, что управляемый в генитиве атрибутивный инфинитив переходных глаголов неактивных пород имеет значение пассивного модального имени действия: *ṭem*₁ GIŠ.MÁ.TUR.ḪI.A *ša eliš*₃ *ṭarādīm*₄ 'распоряжение₁ относительно лодок₂, [которые $\emptyset_i$ должны быть отправлены₄ вверх₃ по течению]', букв. 'распоряжение относительно лодок отправления...' (ARMT 3, 67:5 сл.). Такой модальный инфинитив всегда оформляется как зависимое в предложной группе, возглавляемой посессивным предлогом *ša*.

Если контролируемый инфинитив переходного глагола управляется предлогом, диатезные значения в инфинитивном обороте не могут быть выражены, так как при линейном порядке «предлог — аргумент инфинитива — инфинитив» оба имени принимают родительный падеж: [*ina šeʔim*₁ ген. $\emptyset_i$ *zabālim*₂ ген. инф.] *ālum*₃ *ukīn*₄-*šunūti*; 'Город₃ увеличил их_i [$\emptyset_i$ в краже₂ инф. ген. (букв. 'унесении') зерна₁ ген.]' (AbB 3, 70:9).

Директивный предлог *ana* иногда употребляется как частица, маркирующая инфинитивный комплемент, т. е. своего рода *nota infinitivi*, не мотивированная моделью управления вершинного глагола: [*ana immerī* $\emptyset_i$ *šānim*] *tašpur-am*_i 'Ты велел (букв. 'послал/написал') мне_i [$\emptyset_i$ купить овец]' (AbB 9, 218:15); *ana wašābim*_{инф.} *lā tanad-diš-šum* ' Не позволяй ему поселиться_{инф.}' (LH 5:23).

Предложные группы, в состав которых входят предикативные инфинитивы в родительном падеже, могут заполнять позиции обстоятельств матричной предикации: *anāku*_i [*ṭuppi bēlīya kīma* $\emptyset_i$ *šemēm*_{инф.}] *ana šēr awīlim šēti ērub* '[$\emptyset_i$ прочтя_{инф.} письмо моего господина], я_i пришел к этому человеку' (ARMT 2, 109:35 сл.); [*ana šemē*_{инф.} *bēlī-ya*] *ašpur-am* 'Я написал (это) [для сведения_{инф.} моего господина]' (UM 7, 103:30).

Инфинитивы с исходом на *-um* употребляются (особенно часто в старовавилонском Мари) в препозиции к финитной форме того же глагола. В большинстве таких употреблений инфинитив сопровождается энклитической частицей *-ma*. Эта конструкция имеет прагматические функции, связанные с актуальным членением: *tabālum tatbal* 'Ты в самом деле забрал' (букв. 'забирая забрал') (VAB 6, 239:10); *šitpušum šitpaš-ma ina šitpušu eleʔʔika* 'Борись как хочешь (букв. 'борением борись'), (все равно) я смогу (победить) тебя' (ARMT 10, 4:16 сл.).

Употребление индикативных глагольных форм в придаточных относительных и дополнительных описывается следующими правилами. Предшествование действия придаточного по отношению к главному предложению выражается претеритом как в плане настоящего, так и в плане прошедшего. Одновременность двух ситуаций выражается преимущественно стативом в придаточном предложении. Следование ситуации придаточного за главным в плане настоящего выражается презенсом (примеры см. в 2.3.5.). Надежные примеры временного следования придаточных относительных и дополнительных за главным в плане прошедшего в старовавилонских письмах неизвестны (но см. 2.3.5. о проспективном презенсе в литературных текстах).

Наибольшей сложностью отличается использование глагольных форм в придаточных временных предложениях. Они вводятся преимущественно союзами *inūma* 'когда', *kīma* 'когда', *ištu* 'с тех пор как', *adi* 'до тех пор, пока; пока', *adi... lā* 'до тех пор..., пока', *lāma* 'прежде чем'. Выбор глагольной формы придаточного зависит от временного плана главного предложения и от расположения ситуации придаточного по отношению к главному на временной оси.

В плане прошедшего одновременность по отношению к главному предложению выражается стативом, предшествование — претеритом: *adi anāku ana tibnim pullusāku*_{стат.} *ṣuḥāru... ana kirīm ūrid-am* 'Пока я **занимался**_{стат.} соломой, слуга спустился в сад' (VS 16, 146:19–22); *inūma ana Bābilim tēli-am-ma anāku u kāta nuštātū... kaspam tukill-am-ma ul amgur-ka* 'Когда ты прибыл в Вавилон и мы встретились, ты предложил мне серебра, но я не согласился (взять) у тебя' (AbB 3, 100:4'–8'). Следование в плане прошедшего выражается презенсом в придаточных, вводимых союзом *lāma* 'прежде чем': *wardum šū lāma abul GN ippettū illik-am* 'Этот раб добрался сюда прежде, чем открылись городские ворота' (AbB 1, 82:9 сл.). В главных предложениях обычно появляется претерит, для описания стативных ситуаций используется статив. Союз *adi... lā* 'до тех пор..., пока' не употребляется в плане прошедшего. Для описания ситуаций, «захватывающих» момент речи, используется союз *adi* 'пока'. В обеих частях конструкции употребляются стативы, а также презенсы неопределенных глаголов с хабитуальной семантикой: *adi anāku u atta baḥṭānu*_{стат.} *ana dārītīm ina kussē-ka wašbāta*_{стат.} 'Пока мы с тобой живы_{стат.}, ты всегда **будешь сидеть**_{стат.} на своем троне' (ARMT 4, 20:18–21).

В плане будущего придаточные временные, вводимые союзами *adi* и *adi... lā* 'до тех пор..., пока', оформляют информацию о конечной границе ситуации, представленной в главном предложении, т. е. указывают на следование ситуации придаточного по отношению к главному: *adi allak-am*_{през.}... *lā ilappat*_{прох.} 'Пока я не приду_{през.}... пусть он не прикасается_{прох.}!' (VAB 6, 157:17 сл.). Частица *lā* является элементом союза *adi... lā* и не имеет отрицательного значения. Этот союз используется лишь тогда, когда сказуемое главного предложения имеет отрицательную форму: *adi pan tēmim lā nimmari*_{през.} *mimma šābam ul aṭarrad*_{през.} 'Я не направлю_{през.} ни одного солдата до тех пор, пока мы не поймем_{през.} сути дела (ARMT 2, 23:23' сл.); *adi abī lā illik-am*_{прет.} *ul adān* 'Пока мой отец не придет_{прет.} сюда, я не буду судиться_{през.}' (AbPh 55:24 сл.). При придаточных, вводимых *adi*, в главном предложении почти всегда используются глагольные формы в косвенных наклонениях, при придаточных с *adi... lā* в главном предложении обычно употребляется отрицательный индикативный презенс, но прохибитив тоже изредка встречается. В придаточных с *adi* используется презенс, в придаточных с *adi... lā* — презенс или претерит. При семантической необходимости в обоих типах придаточных появляется статив. Смысловое различие между презенсом и претеритом в придаточных с *adi... lā* не установлено. Возможно, что презенс (встречающийся относительно реже) имеет здесь гипотетический оттенок.

Придаточные с союзом *lāma* в плане будущего имеют ту же семантику «правого» предела ситуации главного на временной оси, что и придаточные с *adi* и *adi... lā*. В них употребляется претерит и изредка презенс, без осязаемой разницы в значении. В главном всегда используются инъюнктивные формы глагола: *lāma innadnū*_{прет.} *alk-am-ma šām* 'Пока их не продали_{прет.}, приходи сюда и покупай!' (AbB 2, 176:24 сл.); *lāma inawwir*_{през.} *-am lūmur*_{през.} *-ka* 'Я хочу увидеть_{през.} тебя, прежде чем рассветет_{през.}' (LH 14, 14:15).

Придаточные с союзами *inūma* 'когда', *kīma* 'когда', *ištu* 'с тех пор... как' используются в плане будущего презенс или перфект (а также статив, когда это семантически

оправданно). В главном предложении употребляются волитивные формы и презенс. Ситуация придаточного предшествует ситуации главного предложения: *kīma tuprī... tammaru*_{през...}... *liḳe*_{прек.-ам}_{вент.}. 'Когда ты прочтешь_{през.} мое письмо..., пусть он возьмет_{прек.} (себе)_{вент.}' (VAB 6, 80:8–13); *inūma awīlum ittalk*_{перф.-ам-ма} *tēm-ni nūtamru*_{перф...}... *lū anāku allak*_{през.-ам} *lū 2 GURUŠ.MEŠ taklūtīm aṭarrad*_{през.-ам}_{вент.}. 'Когда господин прибудет сюда_{перф.} и мы оценим_{перф.} наше положение... я либо сам приду_{през.} к вам, либо пошлю_{през.} (туда, где вы находитесь)_{вент.} двух надежных работников' (LH 36:12–19). Смысловое различие между презенсом и перфектом в этих придаточных предложениях не вполне ясно. Возможно, что перфект, морфологически указывающий на момент наблюдения (см. 2.3.5.), эксплицитно выявляет значение придаточного как дополнительной по отношению к моменту речи точки отсчета для главного предложения, между тем как презенс передает модальные значения.

Реальное условие может выражаться в старовавилонских письмах либо придаточными условными, вводимыми союзом *šumma* 'если', либо простым следованием обусловливающей и обусловленной ситуаций, обычно соединяемых консекитивной частицей *-ma*. Обусловленное всегда относится к будущему. В союзном протасисе условного периода используются все четыре глагольные формы индикатива, а также именные предложения, в аподосисе используются формы косвенных наклонений и презенс. Глагольные формы в протасисах с союзом *šumma* употребляются по следующим правилам.

Презенс обозначает обусловливающую ситуацию, одновременную моменту речи или следующую за ним: *šumma taramm*_{през.-анни} 'Если ты любишь_{през.} меня' (passim); *šumma taḳabbi*_{през.} *rēdūm yūm-ma lirtedde-ši* 'Если ты прикажешь_{през.}, пусть мой солдат уведет ее' (AbB 5, 124:23). Стаив выражает состояние, синхронное моменту речи: *šumma X ḥaših*_{стат.} *ana X mudud* 'Если имяреку нужно_{стат.} (зерно), отмерь ему!' (AbB 9, 84:17–20). Положительный перфект и претерит (положительный и отрицательный) указывают на предшествование обусловливающей ситуации моменту речи: *šumma... eḳlam*... PN *ištu* MU.4.KAM *ilke*_{прет.-ма} *ikkal*_{през.} *eli-ša awātum maruštum ul ibašši* 'Если... имярек... четыре года назад захватил_{прет.} (это) поле и кормится_{през.} (с него), то нет худшего правонарушения!' (AbB 4, 79:14–21); *awāt eḳlim ša lā gamrā tagdamār*_{перф.} *kanīkam tuštēzīb*_{перф.} *šumma awāt eḳlim ša lā gamrā tagdamar*_{перф.} *kanīkam tuštēzīb*_{перф.} *kanīkam šuāti ana šuḥartim idim-ma*... 'Завершил_{перф.} ли ты переговоры относительно поля, которые <ранее> не были завершены? Документ с печатью составил_{перф.}? Если ты завершил_{перф.} переговоры, которые <ранее> не были завершены, и составил_{перф.} документ с печатью, передай этот документ девице...' (AbB 12, 18:16 сл.). Смысловое различие между положительными перфектом и претеритом в этом контексте то же, что и в независимых предложениях (см. 2.3.5.). Перфект и отрицательный претерит могут выражать (как и презенс) будущее условие. Отрицательный претерит с футуральным значением представляет собой отрицательную аллоформу перфекта: *šumma šītum imtakṭ*_{перф.-ам} *arḥiṣ attallak-am* 'Если мне попадется_{перф.} товар, я тут же (букв. 'быстро') отправлюсь' (AbB 12, 53:28–31); *ana mīnim lā taddin*_{прет...}... *idin šumma lā taddin*_{прет.} *ašappar-ам-ма* *ipir šattī-ša ina bītī-ka tanaddin* 'Ты почему не дал_{прет.}?... Дай! Если ты не дашь_{прет.}, я велю, чтобы ты выдал ей годовое содержание из твоих собственных средств!' (AbB 2, 129:8–19). Различие между положительным перфектом (и отрицательным претеритом) и презенсом при выражении условия в будущем не вполне ясно. В фон Зоден присваивает перфекту в этом контексте гипотетический смысл, но более вероятной представляется трактовка, согласно которой результатив-

ный компонент перфекта создает дополнительную точку отсчета для аподосиса. Отрицательный перфект в *šumma*-протасисах старовавилонских и староассирийских писем всегда относит условие к будущему. Он выражает условие, противоречащее представлениям говорящего о «нормальном» ходе событий в будущем и тем самым вносит в условное предложение элемент субъективной оценочной модальности (= «паче чаяния»): *šumma bilat eḫlī-ya... lā ugdammer_{перф.}-ma lā ittadin_{перф.}... anāku u šū ina Bābīlim i-nidīn* 'Если он не заплатит_{перф.} полностью_{перф.} подать с моего поля, мы с ним будем судиться в Вавилоне' (AbB 2, 96:16–21); *i?id-ma kasap-ka awīlam šašḫil šumma kaspam lā ittadn_{перф.}-ak-kum ṭuppum kuāti izzazz-ak-kum* 'Приложи все усилия к тому, чтобы заставить этого человека вернуть (букв. 'отвесить') твое серебро. Если он не отдаст_{перф.} тебе серебро, то (этот) документ будет в твоём распоряжении' (RA 60, 123:17–20). Это единственный тип синтаксического контекста, где и в старовавилонском, и в староассирийском используется перфект с отрицанием.

Иногда реальное условие в плане настоящего-будущего выражается прекативом: *ana utūl sūni likri_{прек.}-anni šībūt ālim u rabiānam lū ušedde* 'Если он пригласит меня (букв. 'пусть он пригласит_{прек.} меня') для лежания на лоне, то я точно поставлю в известность старейшин города и градоначальника!' (RA 69, 121:10).

В старовавилонском есть грамматическое средство для выражения нереальных условий и следствий: союз *šumman* 'если бы' вводит нереальное условие во всех временных планах. В главном предложении, выражающем нереальное следствие, часто появляется энклитическая частица *-man* 'бы', ее место не фиксировано. Употребление времен в нереальном протасисе в целом близко к употреблению времен в реальных условных предложениях, однако контрфактическое условие в прошлом может выражаться презенсом: *šumman lāma šabāt eleppim ṭuppi bēlī-ya ikaššad_{през.}-am ESIR ša kīma ina ḳātī-ya ibaššū uštarkim_{перф.}-man* 'Если бы письмо моего господина застало_{през.} меня до отплытия лодки, то я бы погрузил_{перф.} весь асфальт, который есть у меня в распоряжении' (ARMT 14, 27:20 сл.). Из контекста письма понятно, что условие относится к прошлому.

Придаточные причины вводятся рядом союзов, среди которых наиболее частотны *aššum* 'так как; из-за того что' и *ištu* 'так как'. Придаточные причины предшествуют главным или вкладываются в них, в качестве сказуемого в них обычно используется претерит: *aššum tašpurī_{прет.}-m PN ēsir* 'Так как ты написала мне, я задержал_{прет.} имьярка' (AbB 7, 56:9 сл.).

В старовавилонских письмах авторские и чужие высказывания могут передаваться в виде прямой и косвенной речи. Косвенная речь обычно оформляется как придаточное дополнительное, вводимое союзом *kīma*, действительные элементы при этом переориентируются с исходной речевой ситуации на новую: *kīma ālam lā wašbāta_{стат. 2-е л.} aḳbi* 'Я сказал, что ты не находишься_{стат. 2-е л.} в городе' (AbB 7, 42:13 сл.). В письмах начало прямой речи (в том числе начало письма) регулярно отмечается формулой *umma-X-ma*, где X указывает на автора речи (эта позиция заполняется именем собственным, нарицательным обозначением автора или независимым личным местоимением в номинативе). Синтаксически эта формула представляет собой именное предложение, чей предикат сопровождается постпозитивным маркером ремы; ее можно передать по-русски как 'вот что (= *umma*) <говорит> X'. При употреблении другого частотного вводного оборота, *umma-mi* (букв. 'вот что мол'), указание на автора содержится в непосредственном предтексте, например *assuri bēlī kīam iḳabbi umma-mi* 'Не дай бог мой господин подумает следующее, вот что мол...' (ARMT 10, 4:35 сл.).

Небольшие дословные цитаты из чужой речи могут вводиться номинализирующей частицей *ša*, например *ša amtaḥar tuppī PN lilki-am* 'Пусть имярек возьмет себе расписки', букв. 'документы, содержащие текст (= *ša*) «я получил»' (AbB 10, 169:16). В отсутствие вводных оборотов чужая речь изредка отмечается энклитикой *-mi*, добавляемой к одному из первых слов цитаты и иногда повторяемой внутри цитируемых слов: *ammīnim ana PN takbiā; amtam ulā-mi anaddin-ak-kunūšim; anāku-ma-mi ana aḥātī-ya-mi utarra* 'Зачем вы, сообщили имяреку (мои слова, сказанные вам): "Я мол не дам вам, рабыню, я мол верну ее моей сестре"' (AbB 1, 27:7 сл.).

2.6.0. Основу лексики А.я. составляют слова, семитское происхождение которых может быть доказано наличием убедительных западносемитских параллелей. В то же время отмечается необычно большое количество терминов, для которых не может быть обоснована ни семитская, ни иноязычная этимология. В тех случаях, когда фонетический облик и структура таких слов говорят в пользу семитского происхождения, следует, по-видимому, предполагать сохранение в А.я. прасемитских лексем, утраченных в западносемитских языках (большое значение для определения статуса таких слов могли бы иметь данные внешнего сравнения с несемитскими афразийскими языками). Для других терминов можно предполагать заимствование из неизвестных современной науке субстратных или адстратных языков Древнего Востока.

Вошедшие в словарный состав А.я. заимствования распадаются на две различные в качественном и количественном отношении группы: слова шумерского происхождения и заимствования из других языков. В ранние периоды истории А.я. (с дописьменной эпохи и до рубежа III и II тыс. до н. э.) шумерский был единственным из известных сегодня языков, с которым А.я. находился в устойчивом контакте адстратного и субстратного характера. Этим интенсивным и продолжительным контактом обусловлен значительный приток в А.я. шумерских лексических заимствований и высокая степень их адаптации: многие шумеризмы стали органичной частью аккадской лексики, определенное их количество обнаруживается в любом диалекте А.я. любого периода (в то же время до сих пор не изучен вопрос об объеме шумеризмов в ассирийском диалекте по сравнению с вавилонским, исторически и географически гораздо теснее связанным с шумероязычным ареалом). Ситуация с заимствованиями из других языков существенно отличается. На протяжении II тыс. до н. э. А.я. основного месопотамского ареала практически не был подвержен иноязычным влияниям, вследствие чего количество лексических заимствований в нем ничтожно. На периферии месопотамской цивилизации (особенно в тех ареалах, где А.я. не был родным для подавляющего большинства жителей и использовался лишь как письменный язык) наблюдается иная картина: объем иноязычной лексики мог быть здесь существенным или даже очень значительным, как в случае с хурритизмами в документах из г. Нузи. Такие заимствования, однако, часто имеют окказиональный характер и, во всяком случае, не являются достоянием всего А.я. в целом. Лишь в новоассирийских и нововавилонских текстах относительно широко употребляются арамеизмы, однако их количество и степень укорененности несопоставимы с шумерским влиянием на аккадский словарь в ранние периоды.

Согласно подсчетам Д.О. Эдцарда, слова шумерского происхождения составляют 7–10% аккадской лексики (около тысячи единиц почти исключительно именных лексем), однако следует иметь в виду, что очень многие из этих терминов известны лишь из лексических списков I тыс. до н. э. и едва ли были употребительны в разговорном А.я. Ниже будут рассматриваться шумеризмы, хорошо засвидетельст-

вованные в старовавилонских памятниках в слоговой записи (т. е. более или менее адаптированные). В семантическом отношении эти термины часто связаны с культурными достижениями шумерской цивилизации, не утратившими своего значения после выхода шумерского языка из сферы устного общения. Поскольку чтение соответствующих шумерских слов далеко не всегда установлено с точностью, предполагаемые шумерские этимоны приводятся в двух формах: общепринятое чтение соответствующих последовательностей знаков и, в квадратных скобках, реконструированное произношение шумерских лексем по монографии С. Либермана, единственному систематическому (хотя и незаконченному) описанию шумеризмов в старовавилонском. Выделяются следующие основные семантические группы, охваченные шумерским лексическим влиянием.

— Названия частей тела: *kutallum* ‘затылок, задняя часть’ < GÚ.TÁL [guta], *šassūrum* ‘матка; богиня-мать’ < ŠĀ.TŪR [šagžur], *šašallum* ‘сухожилие’ < SA.SAL [sasal].

— Названия животных и растений: *giršānum* ‘лук порей’ < GA.RAŠ.SAG [garašsag], *gišimmarum* ‘финиковая пальма’ < GIŠIMMAR [gēšninbar], *pakuttum* ‘часть дерева’ < PA.KUD [paku], *saḥlūm* ‘кресс-салат’ < ZĀ.ḤI.LI.(A) [zagḥilia], *papparahūm*, *papparḥītum* ‘портулак’ < BABBAR.ḤI [barbarḥi], *suluppum* ‘финик’ < ZŪ.LUM [zulum], *šaḥūm* ‘свинья’ < ŠAḤ [saḥi], *šamaškillum* ‘вид луковичного растения’ < SUM.SIKIL [šumsikil], *šuttinnum* ‘летучая мышь’ < SU.TIN [sundin], *tarlugallum* ‘курица’ < DAR.LUGAL [darlugal].

— Ландшафт, явления природы, минералы: *agūm* ‘поток’ < A.GI₆.A [eḡea], *appārum* ‘болото, камышовые заросли’ < AMBAR [anbar], *apsūm* ‘подземные воды’ < ABZU [abzu], *ušallum* ‘луг’ < Ú.SAL [usal], *ušūm* ‘диорит’ < ESI [esu], *zagidrūm* ‘вид ляпис-лазури’ < ZĀ.GÌN.DURU₅ [zaginduru].

— Сельскохозяйственные термины: *aldūm* ‘зерновой запас’ < AL.DŪ [alru], *karūm* ‘груда зерна’ < GUR₇ [kura], *kirūm* ‘сад’ < KIRI₆ [kere], *ugārum* ‘луг, поле’ < A.GĀR [ugar], *zūm* ‘пальмовое волокно’ < ZŪ [zu].

— Обозначения предметов домашнего обихода: *assammum* ‘чаша’ < AN.ZA.AM [anzam], *laḥtanum* ‘чан’ < LAḤTAN [laḥtan], *piš/sannum* ‘ящик’ < PISAN [bisiḡ], *šus/šippum* ‘полотенце’ < ŠU.SU.UB [šusib], *tukkannum* ‘кожаный мешок’ < DŪG.GAN [duggan].

— Строительство и архитектура: *edakkum* ‘крыло здания’ < É.DA [edag], *gušūrum* ‘балка’ < GIŠ.ŪR [gēšur], *igārum* ‘стена’ < É.GAR₈ [igar], *kisallum* ‘двор’ < KISAL [kažal], *kisūm* ‘стена’ < KI.SĀ [kiža], *šu/alḥūm* ‘внешняя городская стена’ < ŠUL.ḤI [sulḥi], *temmēnum* ‘фундамент’ < TEMEN [temen], *ūrum* ‘крыша’ < ŪR [ur].

— Профессии, социальные термины: *atkuppum* ‘изготовитель изделий из тростника’ < AD.KID [adgeb], *išparum* ‘ткач’ < UŠ.BAR [ḡesbar], *itinnum* ‘строитель’ < ŠITIM [šidim], *kuttimmum* ‘ювелир’ < KŪ.DÍM [kugdīm], *malāḥum* ‘лодочник’ < MÁ.LAḤ₄ [malaḥ], *nuḥatimmum* ‘повар’ < MUḤALDIM [muḥaldim], *parkullum* ‘резчик печатей’ < BUR.GUL [barugul], *šabsūtum* ‘повитуха’ < ŠĀ.ZU [šagzu], *šamallūm* ‘помощник торгового агента’ < ŠAMĀN.LĀ [samanla], *šusikkum* ‘живодеи’ < SU.SI.IG [susig], *tahḥum* ‘работник, выставленный на замену’ < TAḤ [daḥ], *tappūm* ‘товариш, партнер’ < TAB.BA [taba], *ummiānum* ‘ремесленник, мастер; кредитор’ < UM.MI.A [umia], *usandūm* < MUŠEN.DŪ [mušenru] ‘птицелов’, *utūm* ‘привратник’ < NI.DU₈ [nedu].

— Экономика, хозяйство и торговля: *ganīnum* ‘склад’ < GĀ.NUN [ḡanin], *ibbūm* ‘убыток’ < IM.BA [imba], *ibissūm* id. < I.BI.ZA [abiza], *ibrūm* ‘вид торгового документа’ < ÍB.RA [ibra], *iškarum* ‘рабочее задание’ < ÉŠ.GĀR [ešgar], *kārum* ‘пристань, торговый порт’ < KAR [kar], *nikkassum* ‘счет’ < NÍG.ŠID [niḡkaz].

— Политика и администрация: *ekallum* ‘дворец’ < É.GAL [egal], *išš(i)akkum* ‘правитель города или области’ < ÉNSI [ensiag], *g/kabarahḫum* ‘паника, беспорядок’ < GABA.RAḪ [gabarah], *palûm* ‘царствование’ < BALA [bala], *s/šukkallum* ‘высокопоставленный чиновник’ < SUKKAL [sukkal], *šatammum* ‘чиновник’ < ŠÀ.TAM [šagtam], *šukūsum* ‘земельный надел’ < ŠUKU [šukuš], *zabardabbum* ‘чиновник’ < ZABAR.DAB [zabardab].

— Религия и культ: *abarakkum* ‘храмовый служащий’ < AGRIG [abariḡ], *asakkum* ‘табу’ < AZAG [azag], *gagûm* ‘монастырь (место обитания жриц)’ < GÁ.GI₄.A [gāgia], *ikkibum* ‘табу’ < NĪG.GIG [niḡgeg], *kalûm* ‘жрец’ < GALA [gula], *melemmû* ‘божественное сияние’ < ME.LĀM [melim], *parakkum* ‘святилище’ < BARAG [parag], *šangûm* (*ša(g)gûm*) ‘тип жреца’ < ŠANGA [saḡa], *šurinnum* ‘божественный штандарт’ < ŠU.NIR [šurin], *šugil/unûm* ‘ежедневное жертвоприношение’ < ŠU.GI.NA [šugena], *utukkum* ‘злой дух’ < UDUḠ [odug].

— Varia: *agûm* ‘венец, тиара’ < AGA [aga], *burum* ‘мера площади’ < BÛR [buru], *egirrûm* ‘высказывание’ < INIM.GAR [enimḡara], *isinnum* ‘праздник’ < EZEN [izen], *māšum* (*maš(š)ûm*) ‘близнец’ < MAŠ [maš], *narûm* ‘стела’ < NA₍₄₎.RÛ.A [naḡua], *paršigum* ‘тюрган’ < BAR.SI [barsig], *pars/šiktum* ‘мера сыпучих тел’ < BA.RÍ.GA [banḡig], *sammûm* ‘лира’ < ZĀ.MÍ [zagmin], *santakkum* ‘треугольник; клин (в клинописи)’ < SAG.DÛ [saḡḡuag], *saparrum* ‘сеть’ < SA.PĀR [sabar], *šār* ‘тридцать шесть тысяч’ < ŠĀR [šar], *unneḍukkum* ‘письмо’ < Û.NE.DUG₄ [oneadug], *ursānum* ‘герой’ < UR.SAG [ursāḡ], *uskārum* ‘полумесяц’ < U₄.SAKAR [odsahar].

Среди редких примеров несубстантивных лексем можно отметить *uddakam* ‘целый день’ < UD.DA.KAM, *gana* ‘давай’ < GA.NA [gana], *ruššûm* ‘красный’ < ḪUŠ [ḫus].

Отмечаются обратные заимствования (аккадский > шумерский > аккадский): *b/pelludûm* ‘культовые предписания, ритуалы’ < PI.LU₅.DA [beluda] (предположительно < аккад. *bēlūtum* ‘господство’), *šigārum* ‘засов’ < шум. SI.GAR [siḡar] (вероятно < аккад. *sekērum* ‘запирать’ < прасем. *skr id.), *šakirûm* ‘белена’ < шум. ŠAKIR [šakira] (вероятно < аккад. *šakārum* ‘опьяняться’ < прасем. *škr id.).

Шумерский язык оказал существенное влияние на формирование аккадской идиоматики. Известны примеры калькирования А.я. шумерских идиом, например А.ŠÀ È || *eḫlam šūšûm* ‘вывести поле’ = ‘взять поле в аренду’, ENIM.MA TUŠ || *ana awātīm wašābum* ‘к слову сесть’ = ‘слушаться’, KI.BI GI₄ || *ana ašrīšu turrum* ‘на место свое вернуть’ = ‘восстановить’. Кроме того, некоторые способы образования фразеологических сочетаний заимствуются как прием и становятся широко употребительными и продуктивными, например, шум. NAM_{префикс абстрактных имен} + ОСНОВА + АК ‘делать’ || аккад. ОСНОВА + *ūtam*_{суффикс абстрактных имен} + *epēšum* ‘заниматься чем-то’ (*šarrūtam epēšum* ‘царствовать’).

Первые заимствования из западносемитских языков отмечаются в старовавилонских текстах из Мари (в скобках приведены сопоставимые древнееврейские формы): *gayuum* ‘группа людей’ (др.-евр. *gōy*), *hamḫum* ‘долина’ (др.-евр. *ḡemāk*), *ḫašārum* ‘загон’ (др.-евр. *ḫāšēr*), *naḫālum* ‘отдавать во владение’, *niḫlatum* ‘доля’ (др.-евр. *nḫl*, *naḫālā*), *sadādum* ‘совершать набег’ (др.-евр. *šdd*). Согласно М. Штреку, общее количество таких слов не превышает сотни, т. е. удельный вес их в огромном корпусе старовавилонских документов из Мари очень мал. Примечательно целиком заимствованное словосочетание *ḫayram ḫatālum* ‘зарезать осла’ (ср. др.-евр. *ḡayir*, *ḫtl*), описывающее церемонию заключения мирного договора.

Несмотря на присутствие западных семитов в основном месопотамском ареале старовавилонского периода и важную роль, которую они играли в политической

жизни этого региона, в А.я. не появилось сколько-нибудь значительного количества западносемитских заимствований; возможные исключения типа *malākum* ‘посланник’ (др.-евр. *malʔāk*), *šūrum* ‘скала’ (др.-евр. *šūr*), *sawū* ‘равнина’ (др.-евр. *šāwā*) носят окказиональный характер (относительно широкое распространение получил лишь корень *špʔ* ‘править’, ср. др.-евр. *špʔ*, угар. *tpʔ*). Во второй половине II тыс. до н. э. немалое количество западносемитских слов обнаруживается в аккадских текстах сирийского ареала (Алалах, Эмар, Угарит и др.).

С рубежа II и I тыс. до н. э. в ассирийских и вавилонских документах отмечаются а р а м е и з м ы, количество и частотность которых постепенно возрастает (хронологически первый пример — *madbaru* ‘степь’ — восходит к царствованию Тиглатпаласара I). Согласно В. фон Зодену, общее число арамеизмов в А.я. превышает 150; ими затронуты различные семантические группы, часто связанные с повседневной жизнью, хозяйством и т. п. (в качестве этимонов приводятся сопоставимые формы среднеарамейских диалектов): *durāʔu* ‘локоть, голень’ (н.-асс.) < *dārāʔā*; *galālu* ‘камень’ (н.-вав., п.-вав., мл.-вав.) < *gālālā*; *garištu* ‘каравай’ (н.-асс., н.-вав.) < *garištā*; *gadū* ‘козленок’ (н.-вав.) < *gadyā*; *gubbu* ‘колодец’ (н.-асс., н.-вав.) < *gubbā*; *gubnatu* ‘сыр’ (п.-вав.) < *gubnā*; *qarābu* ‘битва’ (н.-асс., мл.-вав.) < *qarābā*; *maḡallatu* ‘пергаментный свиток’ (мл.-вав., п.-вав.) < *māḡallātā*; *mandētu* ‘сведения, информация’ (н.-вав.) < *mandāʔā*; *raʔsu* (*reʔsu*, *rāšu*) ‘вождь халдейского племени’ (н.-асс., н.-вав., мл.-вав.) < *rēšā*; *rašūtu* ‘долг’ (н.-вав.) < *rāšūtā*; *sāḡittu* ‘жрица’ (н.-вав.) < *sāḡēd* ‘кланяться, поклоняться богу’; *samādiru* ‘вид растения’ (н.-асс.) < *samādar*; *sapīnātu* ‘корабль’ (н.-асс., н.-вав.) < *sāpintā*; *šāpītu* ‘сторожевая башня’ (н.-вав., мл.-вав.) < *šāpē* ‘смотреть, наблюдать’; *tamītu* (п.-вав.) ‘целый, без изъяна’ < *tāmītā*; *zikku* ‘мех для вина’ (н.-асс.) < *zīkā*. Среди арамейских заимствований встречается немало глаголов, хорошо интегрированных в морфологическую систему А.я.: *ḫalābu* ‘дойть’ (н.-асс.) < *ḫālab*; *galū* ‘уходить в изгнание’, *šuglū* ‘изгонять’ (н.-асс., н.-вав.) < *gālē*, *ḫaglē*; *qubbulu* ‘принимать’ (н.-вав.) < *qabbēl*; *radāpu* ‘преследовать’ (н.-асс., н.-вав.) < *rādap*; *sēdu* ‘помогать’ (н.-вав., п.-вав.) < *sāʔad*; *sepēru* ‘писать алфавитным письмом (по-арамейски)’, *sipru* ‘документ, записанный алфавитным письмом’, *sēpiru* (или *se-pīru*) ‘писец, пишущий алфавитным письмом’ (н.-вав.) < *sāpar*, *siprā*, *sāpārā* (или *sāpārā*). Среди арамеизмов отмечаются служебные слова: *lalēnu* ‘сверху’ (н.-вав.) < *lāʔēl*.

Из р а н н е а р а б с к и х диалектов Северной Аравии в поздние периоды истории А.я. были заимствованы термины для половозрастных категорий верблюдов: *ibilu* < *?ibil-*, (*a*)*nāqatu* < *nāqat-*, вероятно также *gammalu* < *žamal-* и *bakru* < *bakr-*. См. также *aʔlu* ‘племенной союз’ (об арабских племенах в новоассирийских царских надписях), вероятно < араб. *?ahl-*.

Среди заимствований из несемитских языков выделяются х у р р и т и з м ы. В текстах середины II тыс. до н. э., происходящих из периферийных ареалов (Угарит, Алалах и особенно Нузи), отмечаются десятки слов, которые принято квалифицировать как заимствования из хурритского, однако следует учитывать, что немногочисленность дошедших до нас текстов на этом языке чаще всего препятствует установлению убедительных хурритских этимологий. Среди бесспорных хурритизмов можно упомянуть *aḫrušḫu* ‘курильница’ (ст.-вав., ср.-вав. Алалах, Богзкёй) < *aḫrušḫi* (< *aḫ(a)ri* ‘курение, благовоение’); *attaššihḫu* ‘относящийся к наследству’ (Нузи) < *attašši* ‘наследство’ (< *attai* ‘отец’); *awiru* ‘вид поля’ (Нузи) < *awari*; *ḫiyaruḫḫe* ‘золотой’ (ср.-вав. Алалах) < *ḫiyaruḫḫe* (< *ḫiyari* ‘золото’); *paraḫḫu* ‘восток’ (Нузи) < *pabanḫi* (< *pabani* ‘гора’); *šurathu* ‘название дерева’ (Нузи, мл.-вав.) < *šurathī*. В текстах из

Нузи встречаются сложные глаголы, состоящие из аккад. *epēšu* ‘делать’ и хурритского компонента, передающего основное лексическое значение: *akukarumma epēšu* ‘выкупать’ (хур. *ag-* ‘вести’), *emanatumma epēšu* ‘возместить в десятикратном размере’ (хур. *eman* ‘десять’). Кроме того, отмечаются обратные заимствования с аккадской основой и хурритскими аффиксами: *ḫalzuḫlu* ‘глава округа’ (ср.-асс., Нузи, Амарна, Алалах), ср. аккад. *ḫalšu* ‘округ’; *puḫugarru* ‘замена’ (Нузи) < *puḫugari*, ср. аккад. *pūḫu* ‘замена’. Отдельные хурритизмы несомненно присутствуют в периферийных аккадских текстах середины II тыс. до н. э., а также более ранних и более поздних периодов: *šinahilu* ‘второй (по рангу или качеству)’ (ст.-асс.) < *šinahhella (< *šini* ‘два’), возможно *gurpisu* ‘вид доспеха’ (старовавилонский Мари и далее до нововавилонского) < *gurbīši*, *ḫurādu* ‘воин’ (ср.-асс., ср.-вав.) < *ḫuradi*, *sariam* ‘панцирь’ (средневавилонский и далее до новоассирийского и нововавилонского) < *šariyanni*.

Некоторые термины, засвидетельствованные в средневавилонских текстах, принято считать к а с с и т с к и м и по происхождению: *akkamdaš* ‘спица (колеса)’, *alzubadar* ‘масть лошади’, *lagaštakkaš* id., *karimgaldu* ‘колчан’, *sakrumaš* ‘военачальник’.

Первые и н д о и р а н с к и е заимствования восходят к середине II тыс. до н. э. и связаны с языком миттанийских ариев: *babrunnu* ‘масть лошади’ (ср. др.-инд. *babhrú-* ‘красно-коричневый’), *mariannu* ‘колесничий’ (ср. др.-инд. *márya-* ‘молодой человек’; данная этимология оспаривается рядом исследователей), *magannu* ‘дар’ (ср. др.-инд. *maghá-*), *susānu* ‘тренер лошадей’ (ср. др.-инд. *asvá-sani-*). Индоиранское происхождение имеет, по-видимому, обозначение верблюда-бактриана *udru*, зафиксированное с конца новоассирийского периода (ср. др.-инд. *úštra-*, авест. *uštrō*).

В поздневавилонских памятниках встречаются заимствования из д р е в н е и р а н с к и х языков: *aḫšadrapannu* ‘сатрап’ < *xšaça-pāvan-*; *appadānu* ‘вид здания’ < *appadāna-*; *aštabarru* ‘воин-копьеносец’ < **rštibara-*; *dašari* ‘дворец’ < *tačara-*; *dātu* ‘закон’ < *dāta-*; *iprasakku* ‘чиновник’ < **frasaka-*; *magušu* ‘жрец’ < *maguš*; *pardēsu* ‘сад’ < **pari-daiza-*; *patiprāsu* ‘палач’ < мид. **patifrāsa-* ‘наказующий’. Согласно В. фон Зодену, поздневавилонский глагол *kanāzu* ‘складировать’ произведен напрямую от др.-перс. **ganza-* ‘хранилище’, однако более вероятным кажется опосредованное заимствование через арамейский.

Заимствования из других языков (египетского, эламского, греческого) исчисляются единицами: *nābum* ‘бог’ < элам. *nap*; *namsuḫu* ‘крокодил’ (мл.-вав.) < егип. *nʾmzḫ-w*; поздн.-вав. *istatirru* ‘статер (монета)’ < греч. *στατήρ*.

2.7.0. О диалектном составе А.я. см. 1.2.1.

ЛИТЕРАТУРА

Дьяконов И.М. Аккадский язык // Языки Азии и Африки. М., 1991, т. IV (1).

Каплан Г.Х. Очерк грамматики аккадского языка. СПб., 2006.

Литин Л.А. Аккадский язык. М., 1964.

Viccellati G. A Structural Grammar of Babylonian. Wiesbaden, 1996.

Deutscher G. Syntactic Change in Akkadian: The Evolution of Sentential Complementation. Oxford, 2000.

Diakonoff I.M. Proto-Afrasian and Old Akkadian. A Study in Historical Phonetics. With

contributions by O. Stolbova and A. Militarev. Princeton, 1991–1992.

Edzard D.O. Die Stämme des altbabylonischen Verbuns in ihrem Oppositionssystem // Studies in Honor of Benno Landsberger. Chicago, 1965.

Goetze A. The *t*-Form of the Old Babylonian Verb // JAOS, 1936, vol. 56.

Goetze A. The Akkadian Dialects of the Old-Babylonian Mathematical Texts // Mathematical Cuneiform Texts. New Haven, 1945.

Goetze A. The Sibilants of Old Babylonian // RA, 1958, t. 52.

- Greenstein E.* The Phonology of Akkadian Syllable Structure // *Afroasiatic Linguistics*, 1984, vol. 9, № 1.
- Huehnergard J.* On Verbless Clauses in Akkadian // *ZA*, 1986, Bd. 76.
- Huehnergard J.* "Stative", Predicative, Pseudo-Verb // *JNES*, 1987, vol. 64.
- Huehnergard J.* A Grammar of Akkadian. Atlanta, 1997.
- Huehnergard J.* *izuzzum* and *itūlum* // *Ancient Near Eastern Studies in Memory of Th. Jacobsen*. Winona Lake, 2002.
- Knudsen E.E.* Spirantization of Velars in Akkadian // *Lišān mithurti*. Festschrift Wolfram von Soden. Kevelaer; Neukirchen-Vluyn, 1969.
- Knudsen E.E.* Stress in Akkadian // *JCS*, 1980, vol. 32.
- Knudsen E.E.* Innovation in the Akkadian Present // *Orientalia Suecana*, 1984–1986, vols. 33–35.
- Kogan L.* Old Assyrian vs. Old Babylonian: The Lexical Dimension // *The Akkadian Language in Its Semitic Context*. Leiden, 2006.
- Kouwenberg N.J.C.* Gemination in the Akkadian Verb. Assen, 1997.
- Kouwenberg N.J.C.* Nouns as Verbs: the Verbal Nature of the Akkadian Stative // *Or.*, 2000, vol. 69.
- Kouwenberg N.J.C.* Ventive, Dative and Allative in Old Babylonian // *ZA*, 2002, Bd. 92.
- Kraus F.R.* Nominalsätze in altbabylonischen Briefen und der Stativ. Amsterdam, 1984.
- Landsberger B.* Die Eigenbegrifflichkeit der Babylonischen Welt // *Islamica*, 1926, Bd. 2.
- Lieberman S.* The Sumerian Loanwords in Old-Babylonian Akkadian. Missoula, 1977.
- Loesov S.* T-Perfect in Old Babylonian: The Debate and a Thesis // *Babel und Bibel*, 2004, vol. 1.
- Loesov S.* Akkadian Sentences about the Present Time. I // *Babel und Bibel*, 2005, vol. 2.
- Loesov S.* Marginalia on the Akkadian Ventive // *Babel und Bibel*, 2006, vol. 3.
- Oppenheim A.L.* Die mittels T-Infixes gebildeten Aktionsarten des Altbabylonischen // *WZKM*, 1936, Bd. 42.
- Pedersén O.* Some Morphological Aspects of Sumerian and Akkadian Linguistic Areas // *Studies in Honor of Å.W. Sjöberg*. Philadelphia, 1989.
- Poebel A.* *Studies in Akkadian Grammar*. Chicago, 1939.
- Reiner E.* *A Linguistic Analysis of Akkadian*. The Hague, 1966.
- Soden W., von.* Der hymnisch-epische Dialekt des Akkadischen // *ZA*, 1932, Bd. 40; 1933, Bd. 41.
- Soden W., von.* Aramäische Wörter in neuassyrischen und neu- und spätbabylonischen Texten. Ein Vorbericht. I–III // *Or.*, 1966, vol. 35; 1968, vol. 37; 1977, vol. 46.
- Soden W., von.* Untersuchungen zur Babylonische Metrik I–II // *ZA*, 1981, Bd. 71; 1984, Bd. 74.
- Soden W., von.* Grundriss der Akkadischen Grammatik. Roma, 1995.
- Sommerfeld W.* Bemerkungen zur Dialektgliederung Altakkadisch, Assyrisch und Babylonisch // *Festschrift für B. Kienast*. Münster, 2003.
- Streck M.P.* Zahl und Zeit. Grammatik der Numeralia und des Vebalsystems im Spätbabylonischen. Groningen, 1995.
- Streck M.P.* The Tense Systems in the Sumerian-Akkadian Linguistic Area // *ASJ*, 1998, vol. 20.
- Streck M.P.* Das "Perfekt" *iptaras* im Altbabylonischen der Hammurapi-Briefe // *Tempus und Aspekt in den semitischen Sprachen*. Wiesbaden, 1999.
- Streck M.P.* Das amurritische Onomastikon der altbabylonischen Zeit. Münster, 2000.
- Streck M.P.* Die Nominalformen *maPRaS(t)*, *maPRāS* und *maPRiS(t)* im Akkadischen // *Neue Beiträge zur Semitistik*. Wiesbaden, 2002.
- Westenholz A.* Some Notes on the Orthography and Grammar of the Recently Published Texts from Mari // *BiOr.*, 1978, vol. 35.
- Westenholz A.* The Phoneme /o/ in Akkadian // *ZA*, 1991, Bd. 81.
- Whiting R.M.* The R Stem(s) in Akkadian // *Or.*, 1981, vol. 50.
- Whiting R.M.* *Old Babylonian Letters from Tell-Asmar*. Chicago, 1987.

С л о в а р и

Soden W., von. Akkadisches Handwörterbuch. Wiesbaden, 1965–1981.

The Assyrian Dictionary of the University of Chicago. Chicago, 1956–.

С о к р а щ е н и я н а з в а н и й и с т о ч н и к о в

А. — Архивные номера документов из Мари.

AbB — Altbabylonische Briefe in Umschrift und Übersetzung. Leiden, 1964 ff., Bd. 1–14.

ABL — *Harper R.F.* Assyrian and Babylonian Letters. Chicago, 1892–1914.

AbPh — *Ungnad A.* Altbabylonische Briefe aus dem Museum zu Philadelphia. Stuttgart, 1920.

ARMT — Archives royales de Mari, traduction. Paris, 1950ff.

AS 22 — *Whiting R.* Old Babylonian Letters from Tell Asmar. Chicago, 1987.

Atr — *Lambert W.G., Millard A.R.* Atra-hasis: the Babylonian Story of the Flood. Oxford, 1969.

Bab. — *Babyloniaca: Études de philologie assyriobabylonienne.* Paris, 1906–1937.

CH — *Bergmann E.* Codex Hammurapi. Textus primigenius. Roma, 1953.

CCT — Cuneiform Texts from Cappadocian Tablets in the British Museum. London, 1921–1975.

Gilgamesh — *George A.R.* The Babylonian Gilgamesh Epic. Oxford, 2003.

Köcher BAM — *Köcher F.* Die babylonisch-assyrische Medizin in Texten und Untersuchungen. Berlin, 1963ff.

KTS — *Lewy J.* Keilschrifttexte in den Antiken-Museen zu Istanbul. Konstantinopel, 1926.

LE — *Goetze A.* The Laws of Eshnunna. New Haven, 1956.

LH — *Goetze A.* Fifty Old Babylonian Letters from Harmal. Sumer, 1958, vol. 14.

UET — Ur Excavations. Texts. London, 1928ff.

UM — архивный номер клинописных табличек в Университетском музее, Университет шт. Пенсильвания, Филадельфия (США).

YOS — Yale Oriental Series. Babylonian Texts. New Haven, 1915ff.

VAB — Vorderasiatische Bibliothek. Leipzig, 1907ff.

VS — Vorderasiatische Schriftdenkmäler der (Königlichen) Museen zu Berlin. Berlin, 1907ff.

Е.В. Маркина

СТАРОАККАДСКИЙ (САРГОНОВСКИЙ) ДИАЛЕКТ

1. Староаккадским диалектом (Ст.-аккад.д.) принято называть диалект аккадского языка, отраженный в документах Саргоновского периода (ок. 2350–2170 гг. до н. э.). Ст.-аккад.д. также называют саргоновским, по имени основателя династии Аккаде Саргона Древнего. Названия на основных европейских языках: англ. *Old Akkadian*, *Sargonic Akkadian*, нем. *das Altakkadische*, франц. *le paléo-akkadien*.

В работах первой половины XX в. термин «староаккадский» использовался как общее обозначение древнейших ступеней развития аккадского языка в III тыс. до н. э. и объединял, таким образом, самые ранние, досаргоновские языковые данные с данными эпохи династии Саргонидов и периода третьей династии Ура (2112–2002 гг. до н. э.). Кроме того, на этом этапе истории ассириологии Ст.-аккад.д. рассматривался как непосредственный предок основных диалектов аккадского языка позднейших периодов — вавилонского и ассирийского.

Новый этап в изучении Ст.-аккад.д. связан с именем И.Е. Гельба, основавшего серию публикаций MAD (“Materials for the Assyrian Dictionary”). С 1952 по 1970 г. вышло пять выпусков серии, включающих, помимо издания староаккадских текстов, также первую специализированную грамматику диалекта, словарь и силлабарий. Как и его предшественники, И.Е. Гельб объединял под общим названием «староаккадский диалект» все письменные свидетельства аккадского языка, относящиеся к III тыс. до н. э. В то же время им было введено внутреннее подразделение на три периода — досаргоновский (с древнейших времен до падения последнего правителя старошумерского периода Лугальзагеси), саргоновский (цари династии Аккаде и постаккадские правители) и период третьей династии Ура. Это подразделение в на-

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЯЗЫКИ МИРА

Семитские языки
Аккадский язык
Северозападносемитские
языки

Москва
2009

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект 07-04-16032)

Издание «Языки мира» основано В.Н. Ярцевой

Редакционная коллегия:

А.Г. Белова, Л.Е. Коган, С.В. Лёзов, О.И. Романова

Группа «Языки мира»:

*А.А. Кибрик, Ю.Б. Коряков, Ю.В. Мазурова, Е.Б. Маркус,
Н.В. Рогова, О.И. Романова*

Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападное семитские языки / РАН. Институт языкознания. Ред. колл.: А.Г. Белова, Л.Е. Коган, С.В. Лёзов, О.И. Романова — М.: Academia, 2009. — 832 с.

Книга подготовлена в рамках многотомного энциклопедического издания «Языки мира», которое создается в Институте языкознания РАН. Это первый из двух выпусков, посвященных описанию семитских языков. В книге представлена общая статья о семитских языках, а также описания отдельных семитских языков: аккадского (с самостоятельными статьями о староассирийском и саргоновском диалектах) и северозападное семитских языков (угаритский, финикийский, древнееврейский, современный иврит, имперский арамейский, иудейско-палестинский арамейский, классический сирийский, классический мандейский, язык Маалулы, турою и новомандейский язык). Кроме того, в настоящий выпуск включены статьи о ханаанейских и арамейских языках как о группах, а также сводное описание северозападных новоарамейских языков. Статьи написаны в соответствии с единой типологической ориентированной схемой, которая применяется во всех томах издания «Языки мира». Широкий типологический анализ семитских языков предпринимается в отечественном языкознании впервые, как и столь полное описание этой языковой семьи, выполненное с единых методологических позиций. В виде приложения даны описание западносемитских систем письма и образцы западносемитских алфавитов, а также языковые карты, которые отражают древнее и современное распространение семитских языков. Книга представляет собой одновременно и фундаментальный труд, содержащий научное описание языков, и издание с широким кругом адресатов, включающим лингвистов различной специализации, историков, этнографов, преподавателей, студентов и аспирантов, а также всех интересующихся семитскими языками и современным состоянием семитологии.

ISBN

Languages of the World: The Semitic Languages. Akkadian. Northwest Semitic. Anna Belova, Leonid Kogan, Sergei Loesov, Olga Romanova (eds.)— Moscow: Academia, 2009. — 832 pp.

This book continues the encyclopedic multi-volume series “Languages of the World”, which is being prepared at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. This is the first part of the two-volume set dealing with Semitic languages. It comprises a general survey of the Semitic language family, as well as descriptions of individual Semitic languages: Akkadian (with separate articles on Old Assyrian and Sargonic) and the Northwest Semitic languages (Ugaritic, Phoenician, Ancient and Modern Hebrew, Imperial Aramaic, Jewish Palestinian Aramaic, Classical Syriac, Classical Mandaic, Neo-Aramaic of Maalula, Turoyo, and Modern Mandaic). Also included are general surveys of Aramaic and Canaanite, as well as a summary description of Modern Northeast Aramaic. Each essay follows the typologically oriented template maintained throughout the Languages of the World series. This volume concludes with several appendices: a concise history of Northwest Semitic alphabets (with samples) and a set of maps illustrating the ancient and modern spread of the Semitic languages. This volume is intended to be both a fundamental linguistic study and a reference source. It is addressed to a wide audience of linguists from various fields, historians, cultural anthropologists, teachers and students, and anyone interested in Semitic studies.

© Институт языкознания РАН, 2009 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Об издании «Языки мира»	7
Предисловие	9

<i>Л.Е. Коган.</i> Семитские языки	15
--	----

Аккадский язык

<i>Л.Е. Коган, С.В. Лёзов.</i> Аккадский язык	113
<i>Е.В. Маркина.</i> Староаккадский (саргоновский) диалект	178
<i>Л.Е. Коган.</i> Староассирийский диалект	195

СЕВЕРОЗАПАДНОСЕМИТСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>Л.Е. Коган.</i> Угаритский язык	205
--	-----

Ханаанейские языки

<i>Л.Е. Коган.</i> Ханаанейские языки	239
<i>А.К. Лявданский.</i> Финикийский язык	278
<i>Л.Е. Коган, С.В. Лёзов.</i> Древнееврейский язык	296
<i>Л.М. Дрейер.</i> Современный иврит	375

Арамейские языки

<i>С.В. Лёзов.</i> Арамейские языки	414
<i>С.В. Лёзов.</i> Имперский арамейский язык	496
<i>А.В. Немировская.</i> Иудейско-палестинский арамейский язык	531
<i>С.В. Лёзов.</i> Классический сирийский язык	562
<i>А.В. Немировская.</i> Классический мандейский язык	626
<i>А.К. Лявданский.</i> Новоарамейские языки	660
<i>А.К. Лявданский.</i> Новомандейский язык	693
<i>Л.Е. Коган, С. В. Лёзов.</i> Маалулы язык	705
<i>Л.Е. Коган, С.В. Лёзов.</i> Туройо	751

Глоссарий грамматических терминов	806
Принятая нотация и сокращения	806

Приложение I: <i>А.К. Лявданский.</i> Происхождение и ранние этапы развития западносемитского алфавита	811
Образцы западносемитских алфавитов	818
Приложение II: Типовые схемы статей	822
Карты семитских языков	824

CONTENTS

About the publication “Languages of the World”	7
Preface	9

<i>L.E. Kogan</i> . The Semitic languages.....	15
--	----

Akkadian

<i>L.E. Kogan, S.V. Loesov</i> . Akkadian.....	113
<i>E.V. Markina</i> . Old Akkadian (Sargonic)	178
<i>L.E. Kogan</i> . Old Assyrian	195

NORTHWEST SEMITIC

<i>L.E. Kogan</i> . Ugaritic	205
------------------------------------	-----

The Canaanite languages

<i>L.E. Kogan</i> . The Canaanite languages.....	239
<i>A.K. Lyavdansky</i> . Phoenician.....	278
<i>L.E. Kogan, S.V. Loesov</i> . Ancient Hebrew	296
<i>L.M. Dreyer</i> . Modern Hebrew	375

The Aramaic languages

<i>S.V. Loesov</i> . The Aramaic languages.....	414
<i>S.V. Loesov</i> . Official Aramaic.....	496
<i>A.V. Nemirovskaya</i> . Jewish Palestinian Aramaic.....	531
<i>S.V. Loesov</i> . Classical Syriac	562
<i>A.V. Nemirovskaya</i> . Classical Mandaic	626
<i>A.K. Lyavdansky</i> . The Neo-Aramaic languages.....	660
<i>A.K. Lyavdansky</i> . Neo-Mandaic.....	693
<i>L.E. Kogan, S.V. Loesov</i> . Neo-Aramaic of Maalula	705
<i>L.E. Kogan, S.V. Loesov</i> . Turoyo.....	751

Glossary of linguistic terms	806
Notation and abbreviations.	806

Appendix I: <i>A.K. Lyavdansky</i> . The origin and early development of the West Semitic alphabets	811
Samples of the West Semitic alphabets	818
Appendix II: Templates.....	822
Maps of the Semitic languages	824